САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О. В. Попова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2002

ББК 66.0
П58

Р е ц е н з е н т ы:
д-р социол. наук проф. *Д.П. Гавра* (С.-Петерб. гос. ун-т),
д-р философ. наук проф. *Г.П.Артемов* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного университета

Попова О. В.
П58 Политическая идентификация в условиях трансформации общества. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 258 с.
ISBN 5-288-02848-6

Проблемы политической идентификации вызвали интерес у отечественных политологов относительно недавно. Они связаны прежде всего с исследованием установок политического сознания и поведения граждан. В книге представлены методологические и методические аспекты изучения политической идентификации, анализируются состояние и тенденции изменения политической идентичности граждан в России, европейских государствах и США. Особое внимание автор уделяет дискуссионному вопросу о кризисном характере политической идентификации россиян.

В работе использован обширный эмпирический материал, в том числе данные Центра эмпирических политических исследований философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Для преподавателей, научных работников, аспирантов и студентов, специализирующихся в области политологии и социологии, а также всех интересующихся проблемами политического сознания и поведения.

Тем. план 2002 г., № 6 **ББК 66.0**

ISBN 5-288-02848-6

© О. В. Попова, 2002
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Достаточно часто в последнее время можно услышать такие выражения, как «кризис идентичности молодежи», «европейская оборонная идентичность», «негативная идентичность россиян» и т. д. Политическая идентификация, по выражению Э. Эриксона, признается «всеобщей и универсальной категорией». Большинством отечественных исследователей политическая идентификация трактуется как весьма узкая концепция, объясняющая (наряду с добрым десятком иных концепций) электоральный выбор избирателей в условиях партийной системы, длительное время не подвергающейся изменениям, в которой «намерения голосовать не похожи на флаги на ветру и обнаруживают значительную стабильность».[1] Безусловно, политическая идентичность влияет на политическое (и не только на электоральное) поведение. Но это понятие также связывается с проблемами этнического самоопределения граждан.

Представляется интересным рассмотреть проблему политической идентификации не только в статике, но и проанализировать, каким образом развитие современного общества влияет на этот процесс. Китайское пожелание жить в интересные времена, во времена перемен сродни проклятью, пожеланию гореть в аду. Но, пожалуй, нет и ничего более банального, чем декларация того, что мы живем в эпоху перемен. Исследователи используют множество понятий и концепций для описания состояния изменчивости современных обществ. Теории революций и реформ пришла на смену концепция первичной и вторичной модернизации. В конце 1990-х годов ученые все чаще стали говорить о трансформации или о транзите общества, подчеркивая глобальность изменений при отсутствии целеполагания (реформы не «подстраиваются» под какую-то «великую» цель, а связаны исключительно с практическими, прагматическими, часто — сиюминутными задачами) при невозможности определения конечного результата изменений. Особенно это касается стран, которые находятся в стадии постиндустриальной трансформа-

---

[1] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Пер. с нем. М., 1996. С. 35.

ции. Это общество нельзя «построить». Постиндустриальная стадия является «естественной» ступенью эволюционного развития общества. Понятие транзита достаточно часто используется сейчас при описании процессов демократизации на территориях посткоммунистического пространства. В целом о демократическом транзите следует говорить как о периоде институциональных изменений и неопределенности, сопровождающемся конфронтацией политических интересов, установок, стратегий действий участников политических процессов. Переход к демократии связан с глобальными изменениями на двух уровнях — на институциональном, что предполагает реформу экономической и политической системы, и социальном, что порождает перемены в ментальности и социальной психологии граждан, как элиты, так и масс.

Что происходит при этом с человеком, к каким средствам он прибегает, чтобы не чувствовать себя одиноким и потерянным в этом все более усложняющемся мире? Что лежит в основе ощущения его близости тем или иным социальным и политическим группам? Однозначных и простых ответов на эти вопросы нет и быть не может.

Перестроечные и постперестроечные события в России не только коренным образом изменили структуру властных институтов в нашей стране и ее экономический строй, но и повлияли на политическое сознание наших сограждан. В данной работе мы стремились обобщить взгляды современных исследователей на проблему идентификации как на один из механизмов защиты и адаптации в условиях трансформации общества социального и политического сознания и поведения «маленького человека», «такого, как все».

Первоначально задумывалось описание концепций и эмпирических исследований политической идентификации и ее роли в объяснении электорального поведения. Но сама работа стала диктовать логику изложения материала, заставила обратиться к трудам социальных психологов и социологов, рассматривать тему идентификации не только в контексте «присоединения» индивидов к каким-либо группам, но и с точки зрения осознания ими своей «самобытности». При ближайшем знакомстве с классическими зарубежными монографиями сорокалетней давности и с изданными совсем недавно проблемными статьями отечественных авторов тема политической идентификации предстала настолько многоплановой, что вполне естественно в структуру работы вплелись темы методологии анализа, идентификационных стратегий политиков, роли символов в формировании политической идентификации, ее устойчивости и влияния на участие в голосовании и акциях протеста и т. д.

Понятие политической идентификации, как и многие иные понятия

политической науки, было заимствовано из социологии, социальной психологии и антропологии в середине XX в. Попытки использовать эту категорию только для объяснения электорального поведения потерпели явное фиаско уже в 1970-х годах. Помимо того, что теория партийной идентификации эффективно могла быть использована для объяснения выбора той или иной партии в процессе голосования лишь в условиях устойчивой двухпартийной системы, исследователи в течение последних двух десятилетий были вынуждены признать существование все большего числа людей, отказывающихся прямо идентифицировать свои политические взгляды не только с определенной партией, но и с идеологией. Кроме того, в современном мире политическая идентификация отдельных индивидов, социальных групп и политических объединений определяется все большим числом факторов, выступающих в качестве «системы координат» их политического самоопределения. В современной науке многие аспекты изучения политической идентификации вызывают серьезные разногласия в среде ученых.

1. Кто является субъектом-носителем политической идентичности? В классических теориях социальных психологов и психоаналитиков такой единицей, безусловно, был отдельный индивид (с учетом всех его половозрастных и индивидуальных психологических особенностей). Социология и политология претендуют на поиск универсальных закономерностей, а потому «отдельная единица» не должна, в сущности, интересовать их. Тем не менее современные политологи также позволяют себе «роскошь» микроанализа, исследуя политические взгляды индивида, но только как «типичного» представителя своей социальной группы.

2. Какова степень рациональности и осознанности политической идентификации людей? Спектр позиций исследователей здесь колеблется от признания бессознательного характера этого процесса до твердой убежденности в том, что политическая идентификация всегда является результатом целерациональной деятельности сознания. Истина, как всегда, где-то рядом. Во всяком случае многие явления политической жизни, например, «мимикрию» российских политиков, можно успешно объяснять в рамках любого из этих подходов.

3. Не прояснен вопрос и о механизме формирования политической идентичности. Что она такое: вид политической установки сознания или результат подражания референтной группе?

4. Определенные разночтения отличают постановку вопроса о степени влияния социальных параметров группы, к которой принадлежит индивид, на характер его политической идентификации. В какой степени мы зависим от «нашей» социальной и статусной группы?

5. Следует обратить внимание на «временнóй» параметр становления политической идентификации. Связана она с жизненным циклом человека, в основном с отроческими и юношескими годами, или является перманентным состоянием?

6. Необходимо выяснить степень влияния нашей политической идентичности на поведение (и не только электоральное, как это принято считать в американской политологии, но и политическое поведение в целом).

7. Является ли политическая идентификация «фоновым» явлением, проявляющимся и актуализирующимся в зависимости от накала политической борьбы в обществе? Или мы постоянно, каждодневно делаем свой политический выбор, возможно, даже не замечая этого?

8. Что мы признаем объектами политической идентификации? Очевидно, ответ на данный вопрос во многом связан с ответом на предыдущий. На наш взгляд, традиционная классификация по трем основаниям (идеологическому, партийному, личностному) объектов политической идентификации не может объяснить всего многообразия ее форм и способов. Мы должны признать не только существенное увеличение их числа, но и политический характер многих форм социальной идентификации, например, по этническому и гендерному признакам.

9. Каким образом можно охарактеризовать политическую идентичность наших сограждан? Достаточно ли убедительны и весомы аргументы тех исследователей, которые в течение последних семи лет говорят о кризисном состоянии политической идентичности россиян? Даже если согласиться с подобной формулировкой, следует поставить вопрос о том, чем является «кризис политической идентичности» для нашей страны, «вечной» патологией или «болезнью роста» посттоталитарного политического сознания?

10. Что происходит с политической идентификацией людей в странах, которые вступили в постиндустриальную фазу развития? Меняется ли ее характер? Какую роль при установлении политической идентичности граждан играют в этих новых условиях социальные движения? И не является ли в информационном обществе постановка вопроса об этом излишней? Наконец, насколько аутентичными для современной политической науки являются сами категории «политическая идентичность» и «политическая идентификация»? Является ли факт обсуждения этих проблем, например, в Оксфордском учебнике по политическим наукам, выпущенном в 1996 г., убедительным доказательством того, что данная тема органично вошла в арсенал современной политологии?

Если в данной работе удастся хотя бы отчасти ответить на поставленные вопросы, можно считать основную задачу автора выполненной.

Глава 1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

1.1. Понятия «идентификация» и «идентичность»

В самом общем смысле под идентификацией понимают процесс становления представлений индивида о себе, своем месте в мире, об отношении с собственной статусной и референтной группами. Проблемы идентификации становятся особенно актуальными в общественных науках в переломные, кризисные периоды в истории стран. Самоидентификация проявляется в деятельности социальных групп и политических институтов, она связана с социальными статусом и ролью, но определяется не только ими, но и индивидуальными особенностями личности. Человек конструирует идеальную модель мира и своего положения в нем. При этом его отношение к объектам политической реальности строится с помощью оценки «близости» социальной позиции. Политическая идентификация рациональна по своей природе. Она выступает средством объединения и дистанцирования по отношению к другим людям, политическим организациям, институтам власти.

В «Российской социологической энциклопедии» дано следующее определение идентификации: «Идентификация — психологическая категория, отражающая процесс и результат эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом, идеалом. Термин берет начало в психоанализе, в котором идентификация интерпретируется главным образом как бессознательный процесс подражания поведению или определенным качествам того лица, с которым индивид себя отождествляет».[1] В рамках психоаналитики под идентификацией также часто понимается самопрезентация личности. В действительности данное понятие давно вышло за рамки психоанализа, термин «идентификация» часто применяется в возрастной психологии для обозначения одного из существенных механизмов становления

[1] *Российская* социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 142.

личности через неосознаваемое уподобление себя своему герою, идеалу, авторитетному лицу. В социально-психологической и социологической литературе этот термин приобретает более широкое значение. В социальной психологии и психологии личности идентификация означает имитацию, подражательное поведение и эмоциональное слияние, переживание субъектом той или иной степени тождественности с объектом. В социологической литературе под идентификацией обычно понимают один из механизмов социализации личности, с помощью которого приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности, роли и моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит данный индивид.

Под социальной идентичностью, как правило, понимают характеристику индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (половой, возрастной, экономической, этнической, профессиональной и т. д.). Определение социальной идентичности отвечает на вопрос «Кто это?». Все личностные дескрипторы (описания, характеристики, оценки), отвечающие на вопрос «Какой это человек?», непосредственно соотносятся с идентичностью социальной или подразумевают ее, поэтому никакие психологические описания и нормативы не имеют смысла без учета социальной идентичности, причем каждый индивид обладает несколькими социальными идентичностями, отличающимися друг от друга. В сложных обществах это создает проблему индивидуальной идентичности или «самости», т.е. интеграции и иерархизации разных социальных ролей индивида в его самосознании.

Но традиционно в понятии идентичности «смешиваются два значения: идентичности с самим собой (самости) и идентичности как того же самого. Во втором смысле слово “идентичный” означает… крайне сходный, аналогичный».[2] Эта семантическая двусмысленность проявляется у различных авторов, особенно в психологических концепциях личности. В политико-психологических работах, по мнению Е. Б. Шестопал, понятия переводятся на уровень поведения и сознания конкретных индивидов. Как отмечает П. Рикер, на пути к самоидентификации происходит идентификация с другими людьми. Возникает парадоксальная ситуация: «Я есть другой». Но и «другого» можно определить двояким способом. Под «другим» можно понимать личность, на которую человек хочет быть похожим. Но «другой» — это и «всякий», «прочий», «иной», с которыми индивид связан институционально.[3] Здесь возникают три элемента идентификации: я – ты – другой. Проблема социаль-

---

[2] *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 20.
[3] Там же. С. 108.

ной идентичности также имеет свой этнокультурный аспект. В одних культурах (например, в западноевропейской традиции) подчеркиваются единство и цельность личности независимо от ее конкретных социальных идентичностей; текучесть и зависимость личностных свойств от системы социальных ролей рассматриваются как нечто болезненное или как показатель «кризиса идентичности». В восточных культурах (например, японской) высоко ценится «свобода от самости» и акцентируется множественность «Я», представленная как совокупность относительно автономных рядов отношений, прав и обязанностей. Эти различные ориентации проявляются на уровне теории (религиозные, философские и т.п. представления, идеология) и обыденного массового сознания и языка.

Наиболее общим для всех социальных наук является определение идентичности как активного процесса, «отражающего представления субъекта о себе и сопровождающегося ощущением собственной непрерывности, что позволяет ему воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и единства сознания, дающий возможность действовать последовательно».[4] Идентичность в данном случае выступает признаком «вхождения» индивида в социальную позицию. Политическую идентичность можно рассматривать как частный случай социальной идентичности. Она рациональна и рефлексивна одновременно. Человек, занимая какую-либо статусную позицию, должен одновременно оценить и свое положение, и свою систему взглядов, а также соотнести их с множеством взглядов других индивидов и групп, с рядом политических объектов.

Нам представляются безусловно важными поиск первоначального значения идентичности и идентификации и использование этих понятий в общественных дисциплинах до того времени, как данная тема стала частью политологии и объектом исследования в прикладных проектах. Это отнюдь не дань традиции. В данном случае трансформация самого понятия позволит увидеть его реальное значение для исследования политического сознания, установок и ориентаций людей.

В англоязычной научной литературе используют несколько очень близких по смыслу понятий (loyalty, partisanship, support, identity, identification), которые необходимо различать. Loyalty определяют как некоторую преданность партии, проявляющуюся в реальном голосовании за нее, partisanship — как общую политическую поддержку, приверженность политической партии, identity — степень аутентичности «чувствования», ощущений принадлежности себя к определенной группе и

---

[4] *Качанов Ю.* Опыты о поле политики. М., 1994. С. 109.

декларируемым политическим взглядам, identification понимается как некий процесс достижения идентичности, support — как участие в акциях поддержки группы или организации.

Если говорить об основных направлениях исследования идентичности и идентификации в обществоведческой мысли в последние два десятилетия XX в., то необходимо выделить следующие. Весьма популярной остается тема самосознания в контексте исследований психоанализа,[5] методологий[6] и методик изучения формирования социального «Я».[7] Огромный интерес (и не только у специалистов) продолжают вызывать публикации советских ученых, опубликованные в середине 1980-х годов.[8] Лингвисты анализируют языковые средства идентификации объекта;[9] в сфере внимания философов и социологов находятся концепту-

---

[5] *Borch-Jacobsen M.* The Freudian Subject. London, 1989; *Craib I.* Experiencing Identity. London, 1998; *Current* Issues in European Social Psychology / Ed. by W. Doise, S. Moscovici. Cambridge, 1987. Vol. 2; *Vogler C.* Social Identity and Emotion: the Meeting of Psychoanalysis and sociology // The Sociological Review. 2000. Vol. 48. N 1. P.19–37; *Павленко В. Н.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 135–141.

[6] *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб., 1999; *Гасилин В. Н.* Новая идентификация человека и новая парадигма исследования // Современная парадигма человека. Саратов, 2000. С. 11–15; *Малахов В. С.* Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 43–53; *Щурбинин А. И.* Макрокосм и человек «частичный»: Методологические проблемы идентификации // Методология науки: человеческие измерения и дегуманизирующие факторы научного познания. Томск, 1996. С. 193–195; *Michael M.* Constructing Identities: The Social, the Nonhuman and Change. London, 1996; *Shoemaker S., Swinburne R.* Personal Identity. Oxford, 1984; *Social* Postmodernism: Beyond Identity Politics / Ed. by L. Nicholson, S. Seidman. Cambridge, 1999; *Weigert A.J.* The Social Production of Identity: Metatheoretical Foundations // Sociol. Quart. 1986. Vol. 27. N 2. P.165–183.

[7] *Даудрих Н. И.* Социальная идентичность: Методический аспект // Социология: 4М = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Models. 2000. С. 77–95; *Патаки Ф.* Некоторые когнитивные аспекты Я-образа // Психологические исследования познавательных процессов и личности. М., 1983. С. 45–51; *Социальная* идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе: Методология и методика измерения социологической идентичности. Информационные материалы / Отв. ред. Н. А. Шматко. М., 1992; *Callero P. L.* The Meaning of Self-in-Role: a Modified Measure of Role-Identity // Social forces. 1992. Vol. 71. N 2. P. 485–501; *Harre R.* The Singular Self: An Introduction to the Psychology of Personhood. London, 1998; *Heath A., Pierce R.* It was Party Identification all along: Question Order Effects on Reports of Party Identification in Britain // Electoral studies. 1992. Vol. 11. N 2. P. 93–105; *Price V.* Social Identification and Public Opinion: Effects of Communicating Group Conflict // Public opinion quart. 1989. Vol. 53. N 2. P. 197–224.

[8] *Кон И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984.

[9] *Петренко В.* Психосеманализ от Ю. Кристевой и перспективы субъекта языковой идентичности // Творческое наследие Г. Г. Шпета и философия XX века: К 120-летию со дня рождения Густава Шпета: Материалы международной научной конференции, 7–9 апреля

альные проблемы групповой и личностной идентификаций.[10] Культурологов социальная идентификация (наряду с нравственной ответственностью) привлекает как составляющая политической культуры.[11] Большое внимание уделяется истории изучения социальной идентичности и идентификации в философских науках.[12] Идентификация рассматривается также как метод сравнительного исследования.[13]

В последние десятилетия проблема идентичности активно обсуждалась в социологии. Социологи делают акцент на множественности

1999 г. Томск, 1999. С. 86–88; *Identities* in Talk / Ed. by Ch. Antaki, S. Widdicombe. London, 1998; *Multilingualism* in India / Ed. by D. P. Pattanayak. Clevedon; Philadelphia, 1990.

[10] *Заковоротная М. В.* Идентичность человека: Социально-философские аспекты. Ростов на Дону, 1999; *Персональная* идентичность как социально-философская проблема: Автореф. докт. дис. Екатеринбург, 1996; *Спасибенко С. Г.* Социальная идентичность человека // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 1. С. 53–75; *Bencivenga E.* Identity, Apprearances and Things in themselves // Dialogue. 1984. Vol. 23. N 3. P. 421–437; *Social* Identity: International Perspectives / Ed. by S. Worchel. London, 1998; *Melin R.* Persons – Their Identity and Individuation. Umea, 1998; *Jenkins R.* Social Identity. London; New York, 1999; *The Social* Self / Ed. by D. Bakhurst, Chr. Sypnowich. London, 1995; *Giles M. W., Evans A. S.* External Threat, Perceived Threat, and Group Identity // Social Science Quart. 1985. Vol. 66. N 1. P. 50–66; *Texts* of Identity / Ed. by J. Shotter, K. J. Gergen. London, 1994; *Travers A.* The Identification of Self // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1995. Vol. 25, N 3. P. 303–340; *Williams J. J. F.* On Sameness and Selfhood / Peter Geach: Philosophical encounters. Kluwer, 1991. P. 195–212; *Калашникова Е. М.* Личность и общность: (Проблемы идентификации). Пермь, 1997; *Панов Е. Н.* На острие социальной эволюции: «я» – «мы» – «они» // Человек. 1998. Вып. 5. С. 30–43; *Kalmer H.* Life Philosophy and Life Style // Social Indicators Research. 1984. Vol. 14. N 1. P. 69–81; *Lowe E. J.* Self, Reference and Self-Reference // Philosophy. Vol. 68. N 263. P. 15–33; *Wy Kuang-Ming.* The Other is My Hell: the Other is My Home // Human Studies. 1993. Vol. 16. N 1/2. P. 193–202; *Lau R. R.* Individual and Contextual Influences on Group Identification // Social Psychology Quart. 1989. Vol. 52. N 3. P. 220–231; *Babad E. Y., Birnbaum M., Benne K. D.* The Social Self: Group Influences on Personal Identity. Beverly Hills, 1983.

[11] *Доманов О.* Культурная идентичность и ответственность в политкультурном мире // Дефиниции культуры. Томск, 1999. Вып. 4. С. 64–66; *Mapping* the Subject: Geographies of Cultural Transformation / Ed. by S. Pile, N. Thrift. London; New York, 1996.

[12] *Трубина Е. Г.* Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арендт // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 116–130; *Seitz B.* Power and Constitution of Sartre's Identity // Philosophy Today. 1996. Vol. 40. N 3. P. 381–387; *Ferrara A.* Judment, Identity and Authenticity: A Reconstruction of Hannah Arendt's Interpretation of Kant // Philosophy and Social Criticism. 1998. Vol. 24. N 2/3. P. 113–136; *Dejnozka J.* Frede: Existance Defined as Identifiability // International studies in Philosophy. 1982. Vol. 14. N 2. P. 1–17; *Stavrakakis Y.* Lacan and the Political. London; New York, 1999; *Rovane C.* Branching Self-Consciousness // Philosophical Revue. 1990. Vol. 99. N 3. P. 355–395.

[13] *Firebaugh G.* Cross-National Versus Historical Regression Models: Conditions of Equivalence in Comparative Analysis // Comparative Social Research: An annual. 1980. Vol. 3. P. 333–344.

идентификаций и социальных ролей индивида,[14] на взаимосвязи трансформации социальной структуры общества (в его кризисной и стабильной стадиях развития) и системы ценностей, статусной самооценки личности.[15] Традиционно идентификация анализируется в контексте общей теории социализации личности.[16]

В последнее время ученые обращают особое внимание на регион как на объект социальной и политической идентификации.[17] Для политологов весьма актуальной является проблема этнического самосознания как

---

[14] *Feldman S. D.* Nested Identities // Studies in Symbolic Interaction: A Research Annual. 1979. Vol. 2. P. 399–418; *Identity* and Difference / Ed. by K. Woodward. London, 1997; *Hartstone M., Augoustinos V.* The Minimal Group Paradigm: Categorization into Two Versus Three Groups // European J. of Social Psychology. 1995. Vol. 25. N 2. P. 179–193; *Kolak D.* Finding our Selves: Identification, Identity and Multiple Personality // Philos. Psychology. 1993. Vol. 6. N 4. P. 363–386; *Keefe R.* Contingent Identity and Vague Identity // Analysis. 1995. Vol. 55. N 3. P. 183–190.

[15] *Социальная* идентичность и изменение ценностного сознания в кризисном обществе: Методология и методика изменения социальной идентичности. Информационные материалы. М., 1992; *Lovell D. W.* Propositions on “the End of Socialism?” // History of European Ideas. 1994. Vol. 19. N 1/3. P. 271–277; *Cannon L. W.* On the Absolute or Relative Basis of Reception: The Case for Middle Class Identification // Social Indicators Research. 1980. N 3. P. 347–363; *Cannon L. W.* Trends in Class Identification among Black Americans from 1952 to 1978 // Social Science Quart. 1984. March. Vol. 65. N 1. P. 112–126; *Jackman M. R., Jackman R. W.* Class Awareness in the United States. Berkeley, 1983; *Social* Identity: International Perspectives / Ed. by S. Worchel et al. London, 1998; *Дудченко О. Н., Мытиль А. В.* Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 110–119; *Граждане* России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? Альтернативы = Alternatives. 1998. Вып. 4. С. 51–101; *Овчинникова Ю. Г.* К проблеме кризиса личности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. 2000. № 2. С. 84–89; *Социальная* идентификация личности. Т. 2. М., 1994; *Петрушина И. Ю.* Социальная самоидентификация личности и социальная стратификация // Социальная структура и социальная стратификация. М., 1992. С. 87–94.

[16] *Burkitt I.* Social Selves: Theories of Social Formation of Personality. London, 1998; *Democracy*, Socialization and Conflicting Loyalities in East and West: Cross-National and Comparative Perspectives / Ed. by R. F. Farnen. London; New York, 1996; *Yourth* in Society: Contemporary Theory, Policy and Practice / Ed. by J. Roche, S. Tucker. London, 1997; *Калашникова Е. М.* Идентификация как единство приобщения и обособления // Новые идеи в философии. Пермь, 1996. Вып. 5. С. 69–74.

[17] *Гудков Л. Д.* Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах / Куда идет Россия? М., 1996. С. 318–327. *Шматко Н. А., Качанов Ю. Л.* Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98; *Мелешкина Е. Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Под ред. М. В. Ильина, И. М. Бусыгиной. М., 1999; *Туровский Р.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола, А. Рябова. М., 1999. С. 87–136; *Welsh J. M.* A Peoples’ Europe: European Citizenship and European Identity. Badia; Fiesolana, 1993.

элемента политической культуры и фактора процессов интеграции и дезинтеграции современных государств,[18] также рассматриваются политические аспекты национальной идентичности в контексте тенденций глобализации.[19] Традиционно исследуется роль классовой идентичности в формировании политических перспектив индивидов,[20] характер идентификации отдельных социально-демографических и статусных групп.[21] Все более активно ученые обращаются к гендерным аспектам политиче-

---

[18] *Шестаков А. А.* Контроверзы идентичностей: родина и отечество в российской посткоммунистической культуре // Проблемы методологии. Самара, 1998. С. 152–161; *Чагилов В. Р.* Политизированная этничность: опыт методологического анализа. М., 1999; *Лебедева Н. М.* Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58; *Светлицкая Е. Б.* Новая российская идентичность // ОНС: общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 72–81; *After* Consensus: Critical Challenge and Social Change in America / Ed. by H. Lofgren, A. Shima. Goteborg, 1998; *Идентификация* идентичности: этнополитический ракурс. Т. 2. М., 1998; *Carter R. T., Helms J. E.* White Racial Identity Attitudes and Cultural Values / Black and White Racial Identity: Theory, Research and Practice. Westport; London, 1990; *Schlesinger Ph.* On National Identity: Some Conceptions and Misconceptions Criticized // Social sciences information. 1987. Vol. 26. N 2. P. 219–264; *Кудрявцев И. Е.* «Национальное Я» и политический национализм // Полис. 1997. № 2. С. 77–94.

[19] *Глобализация* и поиски национальной идентичности в странах Востока / Отв. ред. Л. М. Ефимова, Л. Б. Алаев. М., 1999; *Зотова О. М.* Идея европейского единства и национальная идентичность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 1999. № 3. С. 154–162; *Золотарева Е. В.* Россия и мировое сообщество: проблемы самоидентификации / Третий международный философский симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток – Запад». М., 1997. С. 178–179; *Вила П.* Установление социальной идентичности в транснациональном контексте: пограничная зона между Мексикой и США // Международный журнал социальных наук. 1999. № 26. С. 91–105; *Alund A.* Alterity in Modernity // Acta Sociology. 1995. Vol. 38. N 4. P. 311–322; *Welsh J. M.* The Role of the Inner Enemy in European Self-Definition: Identity, Culture and International Relations Theory // History of European Ideas. 1994. Vol. 19. N 1/3. P. 53–61; *Иордан М. В.* Этническая идентичность в контексте техногенной цивилизации: (Методологический подход) // Социальная теория и современность. М., 1993. Вып. 12. С. 26–32.

[20] *Devine F.* Social Identities, Class Identity and Political Perspectives // Social Revue. 1992. Vol. 40. N. S., N 2. P. 229–252; *Preston P. W.* Political/Cultural Identity: Citizens and Nations in a Global Era. London, 1997; *Conover P. J.* The Influence of Groupe Identifications on Political Perception and Evaluation // Journal of Politics. 1984. Vol. 46. N 3. P. 760–785.

[21] *Hamilton R. F., Hargens L. L.* The Politics of the Professors: Self-Identifications, 1969–1984 // Social forces. 1993. Vol. 71. N 3. P. 603–627; *Nelson T.* Group Affect and Attribution in Social Policy Opinion // The J. Of Politics. 1999. Vol. 61. N 2. P. 331–362; *Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж.* Проблема самоидентификации российской молодежи // Социология власти. 1998. № 2/3. С. 214–221; *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д., Казаринова И. В.* Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 12–17; *Harris K.* Teachers and Classes: A Marxist Analysis. London, 1982.

ской идентификации.[22] Безусловно интересными являются попытки анализа различных коллективных форм идентификации в конфликтах (традиция, идущая от Л. Козера) и кризисных условиях,[23] роли личностной и групповой социальной идентификации в системе государственного управления,[24] характера политической идентичности в условиях демократии,[25] в современном обществе «новых технологий».[26] Весьма интересными представляются попытки проанализировать роль наси-

---

[22] *Шахид Ф.* Истолковывая идентичность: Культура, женское представительство и мусульманский мир // Международный журнал социальных наук. 1999. № 26. С. 75–89; *Rupp L. J., Taylor V.* Forging Feminist Identity in an International Movement: A Collective Identity Approach to Twentieth-Century Feminism // Signs. 1999. Vol. 24. N 2. P. 363–386; *Mama A.* Beyond the Masks: Race, Gender and Subjectivity. London; New York, 1995; *Griffiths M.* Feminism and the Self: The Web of Identity. London; New York, 1995; *Ebert T. L.* Lucid Feminism and After: Postmodernism, Desire and Labor in Late Capitalism. New York, 1996; *Dean J.* Solidarity of Strangers: Feminism after Identity Politics. Berkely; Los Angeles, 1996; *Welsh S., Sigelman L.* A Gender Gap among Hispanics? A Comparison with Blacks and Angols // Western political quart. 1992. Vol. 45. N 1. P. 181–199; *Duerk J.* Circles of Stones: Woman's J. of Herself. San Diego, 1990; *Hill D. B.* Political Culture and Female Political Representation // J. of Politics. 1981. Vol. 43. N 1. P. 159–168; *Identity* Politics and Women: Cultural Reassertions and Feminism in International Perspective / Ed. by V. M. Moghadam. Boulder, 1994; *Rapoport R. B.* The Sex Gap in Political Persuading: Where the "Structuring Principle" Works // Political science. 1981. Vol. 25. N 1. P. 32–48.

[23] *Giles M. W., Evans A. S.* External Threat, Perceived Threat and Group Identity // Social science quart. 1985. Vol. 66. N 1. P. 50–66; *Gould R. V.* Collective Violence and Group Solidarity: Evidence from a Feuding Society // Amer. Political Review. 1999. Vol. 64. N 3. P. 356–377: *Smith A. D.* Conflict and Collective Identity: Class, Ethnic and Nation // International conflict resolution. Brighton, 1986. P. 63–84; *Лебедева Н.* Роль культурной дистанции в формировании новых идентичностей // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 64–82; *Богатырева Т. Г.* Кризис социальной идентичности человека в условиях модернизации российского общества // Социальная теория и современность. М., 1996. Вып. 24. С. 187–191; *Yogev A., Sabar Ben-Yehoshua N., Alper Y.* Determinants of Readiness for Contact with Jewish Children among Young Arab Students in Israel // J. of Conflict Resolution. 1991. Vol. 35. N 3. P. 547–562; *Snyder J.* Nationalism and the Crisis of the post-Soviet State // Survival. 1993. Vol. 35. N 1. P. 5–26; *Данилова Е.* Проблема социальной идентификации населения постсоветской России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 12–19; *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.

[24] *Du Preez P.* The Politics of Identity: Ideology and the Human Image. Oxford, 1980.

[25] *Mouffe Ch.* Decision, Deliberation, and Democratic Ethos // Philosophy Today. 1997. Vol. 41. N 1. P. 24–39; *Barnes S. H., Mc Donough P., Lopes Pina A.* The Development of Partisanship in New Democracies: The Case of Spain // Amer. J. of Political Science. 1985. Vol. 29. N 4. P. 695–720; *Benhabit S.* Democracy and Identity: In Search of the Civic Polity // Philosophy and Social Criticism. 1998. Vol. 24. N 2/3. P. 85–100.

[26] *Friedman L. M.* The Horizontal Society. New Haven; London, 1999; *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1997; *Social* Postmodernism: Beyond Identity Politics / Ed. by L. Nicholson, S. Seidman. Cambridge, 1999; *Inafatullah S.* From "Who am I?" to "When am I?" // Futures. 1993. Vol. 25. N 3. P. 252–253. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. М., 1999.

лия[27] и вероисповедания, например религиозного фундаментализма,[28] в формировании политической идентичности.

Все чаще поднимаются вопросы о надежности методов получения данных относительно партийной идентификации избирателей в странах с мажоритарной двухпартийной и пропорциональной системами,[29] о влиянии состояния экономики[30] и СМИ[31] на устойчивость партийной идентификации. Даже приверженцы традиционного взгляда на роль партийной идентификации в политическом процессе все чаще исследуют не только ее влияние на электоральный выбор, но и на политическое участие (например, в общественных движениях, в акциях протеста) в целом.[32] Исследуются роль идеологической идентификации на выборах,

---

[27] *Violence,* Identity and Self-Determination / Ed. by H. Vries de., S. Weber. Stanford, 1997.

[28] *Dekker P., Ester P.* Ideological Identification and (de)Pillarisation in the Netherlands // Netherland's J. of Social Sciences. 1990. Vol. 26. N 2. P. 168–185; *Jelen T. G.* Politicized Group Identification: The Case of Fundamentalism // Western Political Quart. 1991. Vol. 44. N 1. P. 209–219; *Wilcox C., Gomes L.* Religion, Group Identification and Politics among American Blacks // Sociological Analysis. 1990. Vol. 51. N 3. P. 271–285.

[29] *Mughan A.* The Cross-National Validity of Party Identification: Great Britain and the United States Compared // Political Studies. 1981. Vol. 29. N 3. P. 365–375; *Heath A., Pierce R.* It was Party Identification all along: Question Order Effects on Reports of Party Identification in Britain // Electoral Studies. 1992. Vol. 11. N 2. P. 93–105; *Alvares R. M.* The Puzzle of Party Identification: Dimensionality of an Important Concept // Amer. Political Quart. 1990. Vol. 18. N 4. P. 476–491; *MacKuen M. B., Erikson R. S., Stimson J. A.* Macropartisanship // Amer. Political Science Revue. 1989. Vol. 83. N 4. P. 1126–1142; *Franklin Ch. H.* Issue Preferences, Socialization and Evolution of Party Identification // Amer. J. of Political Science. 1984. Vol. 28. N 3. P. 459–479; *Lipset S. M.* The Americanization of European Left // J. of Democracy. 2001. Vol. 12. N 2. P. 74–87; *Party* Identification and Beyond: Representations of Voting and Party Competition / Ed. by I. Budge, I. Crewe, D. Earlie. London, 1976.

[30] *Haynes S. E., Jacobs D.* Macroeconomics, Economic Stratification and Partisanship: A Longitudinal Analysis of Contingent Shifts in Political Identification // Amer. J. of Sociology. 1994. Vol. 100. N 1. P. 70–103.

[31] *Todd R., Brody R. A.* Mass Media and Stability of Party Identification: Are there Floating Partisans? // Communication Research. 1980. Vol. 7. N 3. P. 275–294.

[32] *Billingsley K. R., Tucker C.* Generations, Status and Party Identification: A Theory of Operant Conditioning // Political Behaviour. 1987. Vol. 9. N 4. P. 305–322; *Finkel S. E., Opp K.-D.* Party Identification and Participation in Collective Political Action // J. of Politics. 1991. Vol. 53. N 2. P. 339–371; *Винер Б. Е.* Общественное движение и социальная идентичность // Общественные движения в современной России: от социальной проблемы к коллективному действию. М., 1999. С. 34–50; *Hetherington K.* Expressions of Identity: Space, Performance, Politics. London, 1998; *Recchi E.* Politics as Occupational Choice: Youth Self-Selection for Party Careers in Italy // European Sociological Review. 1999. Vol. 15. N 1. P. 107–124; *Вайнштейн Г. И.* Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М., 1990; *Качанов Ю. Л.* Агенты поля политики: позиции и идентичность // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. С. 61–81; *Foucault M.* The Political Technology of Individuals // Technologies of the Self. London, 1988; *Whiteley P. F.* The Causal Relationships between Issues, Candidate Evaluations, Party Identification and Vote Choice — the View from "Rolling Thunder" // J. of Politics. 1988. Vol. 50. N 4. P. 961–984.

система предпочтений, установок и оценок избирателей,[33] способ идентификации и восприятия политических лидеров.[34] В последнее время появились публикации, описывающие изменение политической идентификации населения в бывших социалистических странах.[35]

1.2. Психологические теории идентичности личности

Как уже отмечалось, «родоначальниками» исследования идентичности были психоанализ и социальная психология.[36] З. Фрейд, привлекший интерес исследователей к теме идентификации личности, понимал под этим термином процесс, посредством которого ребенок «присваивает» характеристики другого лица, чаще всего родителя, чтобы освободиться от собственной тревоги и ослабить внутренние конфликты. Идентификация — одно из основных понятий психоанализа. В теории З. Фрейда оно употребляется в двух значениях. В исторически первом варианте это понятие обозначает установление тождества между галлюцинаторными образами, которые якобы способны порождаться сами

---

[33] *Abramowitz A. I., Saunders K. L.* Ideological Realingment in the U. S. Electorate // The J. of Politics. 1998. Vol. 60. N 3. P. 634–652; *Box-Steffensmeier J. M., Knight K., Sigelman L.* The Interplay of Macropartisanship and Macroideology: A Time Series Analysis // The J. of Politics. 1998. Vol. 60. N 4. P. 1031–1049; *Howell S. E.* Chasing an Elusive Concept: Ideological Identifications and Candidate Choice // Political Behavior. 1985. Vol. 7. N 4. P. 325–334; *Conover P. J., Feldman S.* The Origins and Meaning of Liberal: Conservative Self-Identifications // Amer. J. of Political Science. 1981. Vol. 25. N 4. P. 617–645; *Росенко С. И.* Политическая идентификация современного американского общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 1996. № 2. С. 60–66.

[34] *Romero D. W.* The Case of the Missing Reciprocal Influence: Incumbent Reputation and the Vote // The J. of Politics. 1996. Vol. 58. N 4. P. 1198–1207; *Swede S. W., Tetlock Ph. E.* Henry Kissinger's Implicit Theory of Personality: A Quantitative Case Study // J. of Personality. 1986. Vol. 54. N 4. P. 617–646.

[35] *Baylis T. A.* The West and Eastern Europe: Economic Statescraft and Political Change. Westport; London; Praeger, 1994; *Between* Animosity and Utility: Political Parties and Their Matrix // Ed. by H. Kubiak, J. J. Wiatr. Warsaw, 2000; *Bohrer R. E., Pacek A. C., Radcliff B.* Electoral Participation, Ideology, and Party Politics in Post-Communist Europe // The J. of Politics. 2000. Vol. 62. N 4. P. 1161–1172; *Brader T., Tucker J. A.* The Emergence of Mass Partisanship in Russia, 1993–1996 // Amer. J. of Political Science. 2001. Vol. 45. N 3. P. 69–83; *Escape* from Socialism: the Polish Route / Ed. by W. D. Connor, P. Ploszajski. Warsaw, 1992; *Genov N.* Global Trends and Eastern European Societal Transitions // International Social Science J. 2000. N 166. P. 539–547; *Miller A. H., Erb G., Reisinger W. M., Hesli V. L.* Emerging Party Systems in Post-Soviet Societies: Fact or Fiction? // The J. of Politics. 2000. Vol. 62. N 2. P. 455–490; *Reform* and Transition in Eastern Europe / Ed. by W. Lukowski, K. A. Wojtaszczyk. Warsaw, 1996; *The Political* Culture of Poland in Transition / Ed. by A. W. Iablonski, G. Meyer. Wroclaw, 1996.

[36] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. С. 33.

собой, без участия внешнего мира, неудовлетворенными инстинктами, с одной стороны, и образами действительно существующих объектов, реально удовлетворяющих желание человека, — с другой. Во втором, более позднем и основном для психоанализа значении идентификация понимается как один из существенных механизмов формирования личностно-моральной инстанции «суперэго». Чтобы подавить свои инстинкты и тем самым избежать наказания, ребенок частично отождествляет себя с родителями, с авторитетными лицами и таким путем осваивает их ценности, моральные нормы и запреты, а также соответствующие нормы поведения.

В работах А.Фрейд, дочери З.Фрейда, продолжившей традицию психоанализа, идентификация определялась как один из комплексных механизмов психологической защиты своего «Я». Этот механизм включает более частные механизмы интроекции и проекции. Интроекция — воплощение в своей индивидуальной форме личностных свойств другого человека. Проекция — это процесс непроизвольного приписывания субъектом другому человеку тех мыслей и чувств, которые вызывают у самого субъекта чувства вины и тревоги. Если у З. Фрейда идентификация рассматривается прежде всего как способ защиты личности от давления инстинктов, то у А. Фрейд она трактуется как механизм защиты «Я» от внешних угрожающих объектов. Таков механизм «идентификации с агрессором»: испытывая или антиципируя угрозу со стороны другого, субъект бессознательно уподобляется ему, имитирует его позицию и своими агрессивными действиями блокирует угрозу.

К. Юнг полагал, что процесс социализации, который постоянно сопровождается самоидентификацией личности и выражает стремление личности к единству, выступает «обретением самости» и длится всю жизнь. А. Адлер в теории стиля жизни выделял два фактора: социальный интерес и социальную активность. Под социальным интересом он понимал чувство идентификации с человечеством, чувство общности, чувство солидарности. В его трактовке идентификация личности с другими людьми или группой, в отличие от фрейдистской трактовки, не выглядела как нечто компенсирующее ущербность личности.

Наиболее интересной представляется трактовка идентификации, предложенная Э. Эриксоном в 1940–1960 гг. Определение идентичности как тождества человека самому себе предполагает выделение критериев, параметров, «оси координат» такого тождества. Развитие личности человека осуществляется посредством преодоления ряда психосоциальных кризисов, которые не сводимы только к проблеме противопоставления «социальных» и «биологических» факторов становления индивидуальности. Э. Эриксон связывал идентификацию с рядом этапов жиз-

ненного цикла человека (в общей сложности их насчитывается восемь), прежде всего с пятой стадией жизненного цикла человека, т.е. с юностью (12/13–19/20 лет). В юности формируется новый психосоциальный параметр — эго-идентичность. Перед молодым человеком стоит задача собрать воедино все представления о себе, создать новый взгляд на себя, объединяющий прошлое и будущее. Но «пространство–время “эго” индивида сохраняют социальную типологию обстановки его детства».[37] Появляющаяся эго-идентичность является не просто суммой идентификаций, приобретенных в детстве. Это сумма всего опыта, приобретенного на предшествующих жизненных этапах, которая приводила к успешному выравниванию потребностей индивида и его возможностей и талантов. Таким образом, эго-идентичность должна подтвердить возросшую уверенность индивида в своей способности сохранять внутреннюю уверенность и целостность личности. Психологический мораторий как граница между юностью и взрослым состоянием предполагает создание новых координат видения окружающего мира и своего места в нем. Подобное состояние может растягиваться у различных людей на несколько лет.

В отличие от других столпов психоанализа Э. Эриксон более осторожно подходил к вопросу о рациональной или бессознательной природе идентификации. «Является ли чувство идентичности сознательным? Иногда оно кажется слишком осознанным… больше всего мы знаем о нашей идентичности именно тогда, когда мы вот-вот ее достигаем либо находимся на пороге кризиса и чувствуем действие спутанной идентичности… С другой стороны, оптимальное чувство идентичности переживается просто как чувство психосоциального благополучия. Его наиболее очевидными спутниками являются ощущение “себя в своей тарелке” и внутренняя уверенность в признании со стороны авторитетов».[38]

В процессе идентификации присутствует как минимум один обязательный элемент рациональной оценки — осознание себя предполагает выделение «чужого», «иного» (возможно, «врага»). Более того, идентификация всегда предполагает осознание кого-либо в качестве «чужака» или «врага», так как одним из компонентов близости является отдаление, готовность отвергать, игнорировать или разрушать те силы и тех людей, чья сущность кажется угрожающей своей собственной. Близость с определенной частью людей или идей не будет по-настоящему полной без эффективного отрицания другой части. «Слабость или чрезмерность в отвержении является существенным аспектом неспособности достичь

[37] Там же. С. 70.
[38] Там же. С. 175.

близости вследствие неполной идентичности: тот, кто не уверен в “своей точке зрения”, не может отвергать разумно».[39]

Идентичность предполагает выполнение трех условий. Во-первых, человек должен ощущать внутреннее тождество самому себе. Во-вторых, «значимые другие» также должны видеть и признавать существование тождественности и целостности индивида. В-третьих, в человеке постоянно должна возрастать уверенность в том, что внутренние и внешние планы целостности личности согласуются между собой. Хотя основа интегрированной идентичности, с точки зрения Э.Эриксона, закладывается в детстве, развитие личной идентичности происходит под влиянием тех социальных групп, с которыми люди себя идентифицируют. «Общественные способы идентификации индивида впоследствии более или менее успешно стыкуются с индивидуальными способами идентификации».[40] Эго-идентичность — борьба «на всю жизнь», процесс идентификации постоянно сопровождает индивида, «пока в нем не гаснет способность узнавать другого».[41] Эриксон, чтобы подчеркнуть эту непрерывность, использовал термин «растущая идентичность».

Возможно, что ориентация наших сограждан (любого возраста) на личность политика при голосовании за политическую партию является проявлением неполной идентичности (как понимал ее Э.Эриксон), столь характерной для молодых людей. «Молодые люди часто достаточно патетически демонстрируют, что спасение для них возможно только в результате слияния с лидером».[42] Соединение некоторых знаков жертвенности и покорности с толчком к санкционированным способам действия, «достижение чувства свободы выбора в результате ритуальной регламентации» — специфическая склонность юности. В случае неудачи формирования идентичности молодые люди переживают состояние «спутанной идентичности», которое сопровождается отсутствием ясного представления о жизненной стратегии, о своем месте в социальной группе и обществе в целом. В ситуации «расплывчатости» своей идентичности человек оказывается не способным пересмотреть прошлые представления о себе и об окружающем мире. Он не может выработать решения и совершить поступки, которые привели бы к более широкому и адекватному взгляду на жизнь. Возникающий кризис идентичности — отнюдь не только личная проблема. Она становится психосоциальной и социальной проблемой, требующей немедленного разрешения.

---

[39] Там же. С. 178.
[40] Там же. С. 170.
[41] Там же. С. 32.
[42] Там же. С. 178.

Шестой этап жизненного цикла (21–25 лет), согласно Э. Эриксону, охватывает позднюю юность и раннюю зрелость. Самая сложная задача этого этапа — формирование интимности, которая понимается как способность человека к «слиянию» своей идентичности с идентичностью другого человека без страха потерять что-то важное в своей самобытности. Интимность взаимоотношений невозможна без стабильной идентичности. Таким образом, в ранней зрелости для человека более важной задачей оказывается устойчивость обретенной эго-идентичности, а не ее пластичность и способность к изменчивости под воздействием внешних обстоятельств. Суть седьмой стадии жизненного цикла человека (25–50/60 лет) — формирование индивидуальности, неповторимости человека, подъем «над уровнем идентичности».[43]

Э. Эриксон, выдвинув ряд теоретических положений об идентичности, фактически дал толчок использованию данного понятия не только вне рамок возрастной и социальной психологии, но и в социологии и политологии. «Взаимодополнительность групповой идентичности и “эго-идентичности”, этоса и “эго” создают более сильный энергетический потенциал как для синтеза “эго”, так и для организации общества».[44] Идентичность в его трактовке — не только процесс становления целостной и аутентичной самой себе, но и осознающей себя в качестве элемента социальной группы личности. «Нельзя отделить… “кризис идентичности” отдельного человека от современных ему исторических кризисов, поскольку они помогают понять друг друга и действительно взаимосвязаны».[45] Э. Эриксон говорит о двух типах времени, которые дополняют друг друга при становлении идентичности индивида: стадия развития в жизни индивида и исторический период. По сути, делая такие выводы, исследователь заложил основы не только психологического, но социологического и политологического взгляда на формирование «тождества самому себе». Для Э. Эриксона проблема кризиса идентичности молодежи фактически является проблемой смены поколений с присущей каждой из них «своей» системой ценностей.

Кроме того, осторожно высказывается гипотеза о зависимости формирования теории идентичности от «условий существования малоподвижного среднего класса».[46] Эриксон осознает, что любая теория — всегда ответ на запрос определенной социальной группы, и, судя по всему, полагает, что его концепция призвана «обслуживать» средний

---

[43] *Толстых А.* Неизвестный классик // Эриксон Э. Указ. соч. С. 16.
[44] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 59.
[45] Там же. С. 32.
[46] Там же. С. 33.

класс, типичный и умеренный во всем, столп современного общества. Среди «традиционных основ силы идентичности» ученый выделяет экономические, религиозные, политические, региональные и национальные аспекты. Впрочем, уже ко времени создания этой теории «войны на почве социальной розни, политические революции и духовные бунты подорвали традиционные основы человеческой идентичности».[47]

Итак, по версии Э. Эриксона, по крайней мере два определения идентичности достаточно точно описывают это понятие с точки зрения психологии. Во-первых, идентичность определяется как субъективное ощущение тождества и целостности своей личности, возникающее спонтанно, неожиданно, как узнавание своей сущности. Во-вторых, идентичность понимается как результат переживания и осознания своей принадлежности к определенной социальной (например, этнической) группе посредством противопоставления существованию иных групп.

Понятие идентичности достаточно широко. Вместе с тем оно крайне сложно для выделения индикаторов измерения и оценивания. Человек одновременно оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии. В то же время индивид оценивает суждения других о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и типами, значимыми для него. Таким образом, происходит как бы тройное наблюдение и отражение (я смотрю на себя как бы со стороны, глазами иных окружающих меня людей; кроме того, я представляю себя отраженным значимыми для меня персонами, хотя бы и воображаемыми мной, или теми, с кем я не имею реального общения; наконец, я сравниваю свое представление о том, как меня воспринимают другие люди, и свое мнение о них). «Идентичность индивида основывается на двух одновременных наблюдениях: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими… “эго-идентичность” в его субъективном аспекте — это осознание того, что синтезирование “эго” обеспечивается тождеством человека самому себе и непрерывностью и что стиль индивидуальности совпадает с тождеством и непрерывностью того значения, которое придается значимым другим в непосредственном окружении».[48]

Термин «идентичность» используется Э. Эриксоном в различных значениях. Он понимает под ним и сознательное чувство уникальности индивида (самобытность), и бессознательное стремление к непрерывно-

---

[47] Там же. С. 34.
[48] Там же. С. 59.

сти жизненного опыта, и солидаризацию с идеалами группы. Первое определение в наше время является достоянием социальной психологии и футурологии, второе заимствуется психоаналитиками, третье в самом общем виде используется в социологии и политологии. Но в любом случае идентичность проявляется как ощущение «непрерывности и тождества, которое постепенно сведет в единое целое внутренний и внешний мир».[49] Исследователь ставил вопрос о соотношении идентичности личности и множественности социальных ролей личности. Он не отождествлял эти понятия. «Идентичность в самом общем смысле совпадает, конечно, во многом с тем, что целым рядом исследователей включается в понятие “я” в самых различных его формах: “я-концепции”, “я-системы” или… “я-опыта”».[50] Но одновременно с большой осторожностью относится к ним: «Для определения количества установок по отношению к самому себе философы и психологи создали такие понятия, как “я”, или “самость”, творя из слов воображаемые реальности».[51]

Э. Эриксон отказался от первоначального понятия «диффузия идентичности» и заменил его на «спутанность идентичности» (от «мягкой» до «отягченной» или «пагубной»). «Самобытность сама заботится о себе, и, во всяком случае, ее следует рассматривать как опору идентичности человека».[52] Очевидно, М. Кастельс, говоря об идентичности в постиндустриальном обществе, понимает самобытность именно в этом ключе. Заслугой Э. Эриксона необходимо признать и указание на техническое развитие общества как на существенный фактор, влияющий на самосознание людей, особенно молодых. «Не следует упускать из виду те новые нации (и их молодежь) на периферии как Советского Союза, так и Запада, у которых появилась потребность в тотальной системе убеждений сейчас, во время всеобщих технологических перемен».[53] Существенным фактором становления политической идентичности, с точки зрения этого автора, является и культура как таковая, и политическая субкультура, принятая в данной местности или в социальной группе, к которой принадлежит или хотел бы принадлежать индивид.

В 1960–1980-е годы были опубликованы три работы Д. Марсиа, который на основе концепции Э. Эриксона предложил схему четырех состояний эго-идентичности: а) диффузия идентичности; б) предрешенность; в) мораторий; г) достижение идентичности. Эта схема опирается

---

[49] Там же. С. 92.
[50] Там же. С. 218–219.
[51] Там же. С. 227.
[52] Там же. С. 263.
[53] Там же. С. 95.

на два критерия: степень кризисности идентичности и принятие человеком обязательств в двух сферах своей деятельности – в профессии и «идеологии» (под последней понимаются религия и политика).

«Достижение идентичности» предполагает, что человек преодолел возрастной кризис идентичности и оказался в состоянии сознательно сделать выбор относительно своей политической позиции и сферы деятельности. Состояние «предрешенности» предполагает, что индивид сделал выбор относительно профессиональной деятельности и политических взглядов, но возрастной, юношеский, кризис им не преодолен. Состояние «моратория» предполагает, что индивид пережил юношеский кризис идентичности, но оказывается не в состоянии сделать окончательный выбор относительно своих политических взглядов и профессиональной деятельности. И, наконец, самый тяжелый случай – состояние «диффузии», когда индивид оказывается не в состоянии ни преодолеть кризис идентичности, ни сделать окончательный выбор своей политической позиции и сферы деятельности.

Было отмечено, что в обществах с жесткими социальными нормами и традициями, с устойчивой социальной структурой и минимальной вертикальной мобильностью проблемы идентичности минимизируются, а идентичность «даруется», т. е. навязывается молодежи. Демократическая же система порождает серьезные проблемы с идентичностью, поскольку общество наиболее поощряет людей, которые «делают себя сами».

Кризис идентичности в демократических обществах может порождаться самыми разными внешними причинами. Например, слишком длительный отрезок времени обучения в современном обществе, который трактуется как «технологически обусловленное искажение социального мира», в сочетании с демократией провоцирует кризис идентичности. Аналогично действуют и чрезвычайно быстрые социальные изменения, которые настоятельно требуют пересмотра основных ценностей и норм, т. е. ресоциализации людей в зрелом возрасте. В данном случае будет возникать вопрос и о времени адаптации, необходимом для формирования новых норм и установок.

Вопросы идентификации личности поднимались в работах Э. Фромма. Важной проблемой для этого автора была пропасть между свободой и безопасностью. Первая требует для личности право выбора и необходимость обладать властью над своей жизнью, вторая — необходимость чувствовать себя связанным и объединенным с другими людьми. Интенсивность этого противоречия и способы его разрешения напрямую зависят от экономической и политической систем общества. Стратегии решения конфликта (способы «бегства от свободы») — авторитаризм,

деструктивность, подчинение (конформизм автомата). В противовес этим трем способам «бегства от свободы» существует и позитивный опыт. Осознание того, что люди уникальны и свободны, но при этом не теряют ощущения единения с другими людьми и обществом, снимает проблему противоречия автономности и индивидуальности. Потребность в идентичности, которую Э. Фромм понимает как тождество с самим собой, является одной из пяти экзистенциальных потребностей человека (наряду с потребностью в установлении связей, в преодолении, в корнях и системе взглядов и преданности). Благодаря идентичности люди чувствуют свою непохожесть на других и осознают, кто они есть на самом деле.

И.С.Кон выделяет три аспекта употребления категории «идентичность» в психологии.[54] Речь, во-первых, может идти о единстве физиологических и психических процессов в организме («психофизиологическая идентичность»). Во-вторых, исследователи могут изучать субъективное (исходящее от человека) или объективное (исходящее от общества) разделение людей на группы в зависимости от социальных характеристик, статуса, усвоенных социальных норм («социальная идентичность»). В-третьих, ученые могут сосредоточить свои усилия на «самости» индивида, единстве и преемственности его жизненных установок («личная идентичность» или «эго-идентичность»).

В 1980-х годах внимание социальных психологов и социологов (Ш. Розенберг «Смысл, идеология и политика»[55]) было обращено, в частности, на возможность использования для описания политического мышления когнитивной психологии Ж.Пиаже. Были зафиксированы три типа логики выстраивания отношения к политическим объектам и событиям: последовательное, линейное и систематическое.

Последовательное мышление характерно для тех лиц, которые не рассматривают политику в качестве значимого объекта. Этот тип мышления не связан напрямую с принадлежностью индивида к той или иной социальной статусной группе. В рассуждениях о происходящих политических процессах и своем месте в них точкой отсчета для человека с линейным мышлением является он сам, индивид, но не группа.

Линейное мышление предполагает выстраивание каузальных связей между политическими событиями, собственным положением в обществе, принадлежностью к какой-либо социальной группе и собственными политическими взглядами, убеждениями, установками. «В рамках этого типа мышления возникает вопрос о политической самоидентифика-

---

[54] *Кон И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. С. 28–29.
[55] *Rosenberg Sh. W.* Reason, Ideology and Politics. Oxford, 1988.

ции».[56] Политика при этом осознается как иерархически организованное пространство, ради получения и сохранения власти в котором борются как группы, так и отдельные индивиды.

Люди с систематическим мышлением воспринимают себя в качестве свободно действующих и думающих граждан, которые одновременно являются и членами больших социальных общностей. Политические силы, предпочтения, решения предстают элементами множества одновременно сосуществующих систем, созданных для реализации различных целей и задач. Идентификация людей с определенной партией, группой, нацией, позволяющая объединить усилия членов этих групп по достижению своих целей и интересов, может порождать солидарность. «Солидарность — это также одна из инстинктивных форм поведения индивидов, которые способны не только соперничать друг с другом, но и сотрудничать… В целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс».[57] По мнению Е. Б. Шестопал, инстинкты представляют собой врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие направления энергии поведения.

А. В. Брушлинский указывает на наличие тесной взаимосвязи между самоидентификацией личности и развитием ее внутренней структуры. Классическое представление о механизме самоидентификации базируется на утверждении, что у человека столько сущностей, сколько людей с ним взаимодействуют. Современный взгляд на самоидентификацию как на причисление себя к определенному роду, виду, типу с целью осознания своей сущности предполагает идентификацию личности не только с определенными ролями, но и с общностями, группами, например нацией, обществом в целом.

Типология самоидентификации с различными группами, предложенная Я. Рейковски, строится на выяснении личностного конструкта «Я – общество» (анализируется позиция индивида в системах «Я – Мы» и «Мы – Они»). «Самоидентификация — это, коротко говоря, процесс отождествления себя с социальной ролью, некоторыми группами, общностью, обществом».[58] В этом случае самоидентификация понимается как процесс усвоения норм, традиций, ценностей общности и соотнесе-

---

[56] *Политическая* социология. М., 2000. С. 97.

[57] *Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 125.

[58] *Субъект* и социальная компетентность личности / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1995. С. 34.

ние усвоенного человеком с его потребностно-мотивационной сферой. Согласно Я. Рейковски,[59] существует связь ценностных ориентаций и типов самоидентификации людей. В основе формирования самоидентичности лежат два главных механизма: индивидуализация и идентификация. При индивидуализации формируется образ социального мира, состоящего из ряда дифференцированных индивидуумов, у индивида этот процесс соответствует дифференциации «Я – Они». Идентификация, по мнению Я. Рейковски, стирает границы между индивидами и способствует формированию концепции индивидуального «Я» как схожего или идентичного с другими. Подобное разведение понятий позволяет данному автору сделать вывод о том, что социальный мир воспринимается как групповой, в котором происходит выделение похожих на «меня» и идентичных «мне», и внегрупповой, создающий дифференциацию «Мы – Они».

Я. Рейковски считает индивидуализацию и идентификацию необходимыми предпосылками развития самоидентичности в двух ее аспектах (личной идентичности, которая является результатом индивидуализации, и социальной идентичности, которая является результатом идентификации). Эти два процесса развиваются неравномерно в различных обществах в зависимости от типа культуры. Например, западная цивилизация способствует индивидуализации, восточной цивилизации, по мнению польского психолога, присуща идентификация.

Индивид имеет в своем сознании «некоторую бинарную оппозицию “Я – Общество”, выступает при этом сам с позиций субъекта и объекта по отношению к обществу и “видя” общество по отношению к себе и в качестве субъекта и объекта».[60] Тип личной идентичности (большая дистанция «Я – Мы» и маленькая «Мы – Они») оценивается как деятельный тип осознания социальных проблем, или субъект-объектный тип личностного конструкта, которому свойственна субъективность личностной позиции, внутренняя убежденность в зависимости всего происходящего вокруг от желаний, способностей. Эти люди ощущают себя активной стороной, именно они оценивают, принимают решения. В то же время эти люди осознают только те проблемы, которые соответствуют их социальному статусу, приняты для обсуждения определенным кругом лиц.

Тип групповой идентичности (маленькая дистанция «Я – Мы» и большая «Мы – Они») сопоставим с созерцательным типом осознания, или объект-субъектным типом личностного конструкта. Эти люди наря-

---

[59] Там же. С. 87.
[60] Там же. С. 89.

ду с аргументированными, продуманными выводами и суждениями демонстрируют отсутствие собственной точки зрения, позицию «стороннего наблюдателя», практическую беспомощность, пассивность, отчужденность.

Тип дифференциальной идентичности (большая дистанция «Я – Мы» и «Мы – Они») сопоставим с проблематизирующим типом осознания, или субъект-субъектным типом личностного конструкта, свободным от стереотипов в мышлении и поведении, имеющим высокий уровень осмысления социальных проблем и личностной активности, связанной не только с потребностями личности, но и общества в целом.

Четвертый тип диффузной идентичности (маленькая дистанция «Я – Мы» и «Мы – Они») предполагает стереотипизированный тип сознания, или объект-объектный тип личностного конструкта. Наличие «запрограммированных» штампов вместо личностно значимых проблем, консервативность в общении, сложность межличностной коммуникации, неспособность быстро усваивать новые нормы взаимоотношений, отсутствие потребности быть принятым в группе — все это характеризует индивида с диффузной идентичностью.

Французский психоаналитик Ж. Лакан утверждал, что субъект не может существовать полностью автономно, он проявляет себя только в интерсубъективном диалоге с другим. С. Жижек (президент люблянского общества теоретического психоанализа), опираясь на идеи Ж. Лакана, обращается к проблеме соотнесения означающего и означаемого, имени и объекта. Имя, принадлежащее объекту, «отчасти приобретает свое значение только потому, что это его имя, потому что другие так называют этот объект».[61] Этот автор считает единственно возможным определением идентичности того или иного объекта условие, когда «именно этот объект, который всегда обозначается данным означающим, связан с одним и тем же означаемым. Именно означающее и конструирует идентичность».[62] Но мы не просто стремимся узнать о самосознании индивида, когда задаем вопрос: «Что Вы такое?» В этом вопросе, по мнению С. Жижека, звучит и отторжение, нежелание идентифицировать себя с этим объектом.

Исследователь полемизирует со многими авторами, для которых категория «идентификация» предполагает наличие образцов для подражания, идеалов, неких искусственных моделей, создаваемых имиджмейкерами. Действительно, многие люди (особенно часто это делают подростки) отождествляют себя с образом «героя». Но для других идентифи-

---

[61] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 99.
[62] Там же. С. 104.

кация вовсе не обязательно должна быть чем-то из ряда вон выходящим. «Идентифицироваться можно и со слабостью, неудачей, виной перед другими».[63] Популярность выступлений А. Гитлера, как считает С. Жижек, была во многом следствием идентификации слушателей с тщательно культивируемыми и прорывающимися в речах вспышками бессильного гнева этого тирана.

Кроме того, данный сторонник психоанализа задается вопросом о том, чей взгляд учитывает субъект, отождествляя себя с тем или иным образом. И приходит к парадоксальному выводу, что этот «Другой» подчас выражает интересы отнюдь не субъекта идентификации. Например, идеализированный образ пролетариата «возникает под взглядом правящей бюрократии, он необходим для легитимации ее власти».[64]

С. Жижек выделяет символическую и воображаемую идентификации. При воображаемой идентификации мы подражаем «Другому» на уровне подобия, мы связываем себя с его образом, поскольку «похожи на него», точнее, хотели бы быть похожи. А при символической идентификации человек связывает свое «Я» с «Другим» как раз в том, в чем он уникален, в чем ему подражать невозможно.[65] Исследователь утверждает, что при символической идентификации мы стремимся занять такое место, откуда смотрим на себя и при самооценке кажемся привлекательными и достойными людьми (прежде всего самим себе).[66]

Представляет интерес трактовка С. Жижека идеологического пространства как совокупности не сопряженных между собой, не связанных элементов («плавающих означающих»), которые выстраиваются («пристегиваются») в логические в цепочки с другими элементами. Одни и те же категории («point de caption», «узловые точки», «Нечто») не только иначе понимаются в различных идеологиях, но и включаются в логические цепочки рассуждений.[67] Например, «свобода» и «государство» различным образом трактуются в консерватизме, либерализме, анархизме и коммунизме. Именно с помощью «point de caption» задается идентичность поля политики, выступают его воплощением и позволяют индивидам оценивать свои политические взгляды.

Как видим, мнения психологов относительно природы идентификации колеблются от признания ее рациональной природы до утверждения бессознательности механизма формирования.

---

[63] Там же. С. 111.
[64] Там же. С. 113.
[65] Там же. С. 115.
[66] Там же. С. 111.
[67] Там же. С. 93–95.

1.3. Методологические подходы к исследованию идентичности в социологии

Политическая идентификация исследуется как в рамках символического интеракционизма, функционализма, постструктурализма, так и в рамках методологии неомарксизма и постмодернизма. Европейская традиция наиболее тесно связана с постструктурализмом (П. Бурдье), американская политологическая школа наиболее плодотворно работает в направлении функционализма. Российские исследователи (В. Рукавишников) в большей степени тяготеют к американской традиции, некоторые социологи (Н. Шматко, Ю. Качанов) – к европейской традиции постструктурализма, очень немногие обращаются к символическому интеракционизму. Но во многих публикациях вопросы методологии исследования политической идентичности просто не поднимаются.

В рамках символического интеракционизма идентичность предполагает «отнесение к себе действий, прав, обязательств, готовность стяжать функции, ответственность, осуществлять выбор».[68] В становлении личности человека предполагается существование нескольких уровней, связанных с процессом идентификации. На первой ступени происходит идентификация «Я» с предметной средой (Я есть…). Вторая ступень предполагает самообозначение «Я» посредством противопоставления себя и себе подобных с иными (другими, чужими, врагами и т. д.). Третий этап предполагает «выстраивание» образа мира в соответствии с «персональной перспективой», с потребностью «быть представленным» в этом мире и утвердиться в нем. На четвертой ступени человек оказывается способным соотнести эту «созданную реальность» с личным практическим опытом и вносить в нее (картину, т. е. в собственные представления) изменения. Политическая идентификация предполагает развертывание тех же стадий.

Классик символического интеракционизма Джордж Герберт Мид утверждал, что в идентичности проясняется точка зрения и позиция другого человека о нас, поскольку мы применяем чужие точки зрения и позиции по отношению к самим себе (окольный путь «через других» позволяет стать для себя самого значимым объектом). Идентичность и интеракция постоянно переходят друг в друга. Идентификация включает подражание референтной группе, которое сопровождается «присвоением», принятием на себя (role-taking) индивидом одновременно множества социальных ролей. Организованное сообщество, социальная группа предоставляют личности целостную идентичность «обобщенно-

[68] *Политическая* антропология / Под ред. В. В. Ильина. М., 1995. С. 63.

го другого» (the generalizated other). Конечная ступень идентификации достигнута, когда индивид может «войти» в политическую жизнь общества, не только рефлексировать по поводу своей реакции на конкретные события или политические институты, но и учитывать при этом нужды, потребности, требования социальной группы, законов, организации, государства и даже всего мирового сообщества. В качестве «обобщенного иного» могут выступать как абстрактные общности («абстрактные социальные классы»), так и вполне конкретные институты, в рамках которых индивиды непосредственно соотносятся друг с другом. Например, в политической жизни индивид может, отождествляя себя с партией, принимать ее позицию по отношению к различным проблемам. Как следствие, он «реагирует или откликается в терминах организованных установок партии как некоего целого».[69]

Процесс формирования идентичности, согласно взглядам Дж. Мида, проходит две значимые стадии. На первой стадии идентичность существует в виде отдельных установок по отношению к индивиду других людей как следствие специфических социальных действий, в которых он участвует вместе с ними. Вторая стадия предполагает принятие установок «обобщенного другого» как некоего целого.

Зрелая личность включает рефлексивное «Я» (*Me* — общественный аспект идентичности) и импульсивное «Я» (*I* — уникальное в личности), находящиеся в гармоничном равновесии друг с другом. Только при осуществлении синтеза рефлексивного и импульсивного «Я», при постоянном и устойчивом их взаимодействии возникает идентичность (self). Характер взаимодействия *I* и *Me* отнюдь нельзя характеризовать как гармоничное взаимодействие. Скорее, речь может идти о неустанной внутренней борьбе между этими двумя элементами, о постоянном балансировании личности между стремлением к ощущению коллективной безопасности и потребностью в приобретении нового социального опыта, расширения степени социальной свободы. Таким образом, идентичность определяется как длящийся, постоянный процесс общения человека самого с собой.

Предпосылкой формирования идентичности, по Дж. Миду, является несоответствие индивида требованиям общества,[70] а наиболее важным средством интериоризации «обобщенного другого» выступает язык, речь. «Язык в своем значимом смысле есть такой голосовой жест, который имеет тенденцию пробуждать в (говорящем) индивиде ту установ-

---

[69] *Мид Дж.* Аз и Я // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М., 1994. С. 231.

[70] *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. СПб., 1999. С. 25–28.

ку, которую он пробуждает в других; именно это совершенствование самости таким жестом, опосредующим социальные действия, и дает начало процессу принятия роли другого».[71] Благодаря языку индивид усваивает различные социальные роли в процессе общения, а затем обретает установку членов соответствующего сообщества. Но мы, по мнению Дж. Мида, не можем обрести идентичность, не можем быть самими собой, если у нас нет совокупности установок, контролирующих установки всех.

Концепция идентичности Дж. Мида и восторженно приветствовалась, и подвергалась весьма суровой критике со стороны многих социологов. Во-первых, указывалось на отсутствие в его схеме исторических, социальных и экономических условий, сопровождающих процесс становления идентичности личности в различных условиях. Таким образом процесс формирования политических установок и в демократическом, и в тоталитарном обществе оказывался по сути одинаковым. Во-вторых, диффузия социальных ожиданий и плюрализация всех форм общественной жизни ставила под сомнение роль символов, которыми оперируют люди.

П. Бергер, Т. Лукман в рамках теории социального конструирования поставили вопрос о необходимости обсуждения проблемы идентичности человека только в контексте описания конкретного общества. Формирование идентичности рассматривается этими авторами как элемент общей социализации (политической идентификации – в процессе вторичной социализации) человека, происходящей в течение всей его жизни. Идентичность невозможно поддерживать без участия других людей. Люди интерпретируют собственную субъективную реальность таким образом, чтобы не разрушить стабильность и естественность повседневной жизни. Идентичность личности в современном обществе открыта для любого внешнего воздействия, поэтому может быть поставлен вопрос об устойчивости идентичности и даже о возможности ее возникновения вообще. В современных условиях возникает ситуация «отказа от идентичности» для сохранения целостности личности.

Ирвинг Гофман (1922—1982) обратил внимание исследователей на тот факт, что при обретении идентичности («угрозе» идентичности) человек вынужден решать сложнейший вопрос о том, как можно балансировать между двумя иллюзиями — между нормальностью (обычностью) и уникальностью собственной личности. Люди стремятся не привлекать к себе слишком сильное внимание, но в то же время боятся затеряться среди публики и принимают усилия для создания дистанции,

---

[71] *Мид Дж.* Аз и Я. Указ. соч. С. 234.

отделяющей их от массы. Никто не желает быть совершенно незаметным и одновременно полностью отличаться от других.

Для И. Гофмана проблема идентичности есть проблема самобытности личности и возможности ее существования. Но все рассуждения И. Гофмана имеют общий контекст — они описывают ментальность гражданина демократического общества.[72] Человек, постоянно являясь членом, участником множества взаимодействий, усваивает опыт поведения представителей различных групп. Постепенно социальные роли, маски «прирастают» к нему, становятся частью его личности не в меньшей степени, чем представления человека о том, кем он хотел бы быть в действительности. «На основании прошлого опыта они могут также предположить, что в данной социальной обстановке будут встречаться, по всей вероятности, только люди определенного сорта».[73] Важным положением символического интеракционизма являются представления авторов этого направления о множественной идентичности личности.

Постструктурализм предполагает идентификацию посредством соотнесения себя с людьми, обладающими сходными габитусами и жизненной траекторией, так называемое «конструирование классов». Политическая идентичность — частный случай социальной, она рациональна и рефлексивна по своей природе. Эта характеристика является символическим средством объединения с одними и дистанцирования от других агентов поля политики, важнейшим средством мобилизации индивидов для политической деятельности. «Использование “Я” (“I”) происходит из – и соответственно ассоциируется с расположением агента в социальной среде».[74] Интериоризованные образы «значимых других» представляют собой персонифицированные политические позиции агентов поля политики. Обязательными факторами становления идентичности являются наличие развитой индивидуальности, способность к саморефлексии, возможность управления принадлежностью к различным социальным и политическим общностям и возможность смены их (т.е. управление своей к ним принадлежностью).

Отождествление себя с определенной политической позицией во многом определяется индивидуальной социальной траекторией, биографическим опытом, усвоенными схемами восприятия и оценки политических ситуаций и условий политической практики, стереотипами

---

[72] *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 19.
[73] Там же. С. 32.
[74] *Гидденс Э.* Элементы теории структурации // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 45.

поступков в определенных ситуациях. Иногда при этом индивид частично, неосознанно, а порой и чисто внешне использует определенный тип политической идентичности.

Однако политическая идентичность может противоречить реальным политическим действиям индивида или его позиции в поле политики. В этом случае возникает потребность в постоянной легитимации политической идентичности индивида как в собственных глазах, так и в глазах других «игроков».

В рамках постструктурализма ставится вопрос и о соотношении ситуационной и базисной политических идентичностях. Ситуационная политическая идентичность непосредственно связана с актуальной политической практикой, для ее изменения достаточно профессионально навязанного извне с помощью манипулятивных методов «правильных» схем анализа ситуации и «правильного» же политического решения. Надситуационная политическая идентичность связана со всем политическим опытом человека. Она фиксирует «значимость» для индивида определенных политических отношений.

Ситуационные политические идентичности являются исходным материалом для выстраивания надличностной политической идентификации человека, они должны быть осмыслены и приняты им, распространены на все похожие ситуации. Формирование надситуационной политической идентичности в процессе политической социализации предполагает «вписывание» политических ролей в габитус агента поля политики. Формирование базисной политической идентичности происходит посредством разрешения кризисных состояний сознания личности. Надситуационная политическая идентичность диктует личности нормы и правила политического действия, схемы восприятия, мышления, оценки, способы политической коммуникации, постановки и разрешения проблем.

По версии постструктуралистов, формирование надситуационной идентичности проходит четыре этапа: а) возникновение эмпатии к персонифицированной позиции в поле политики; б) становление ситуационной политической идентичности на основе эмпатии; в) осознание ситуационной политической идентичности и формирование надситуационной идентичности; г) принятие личностью осознанной устойчивой идентичности в качестве личностной политической идентичности.[75] Формирование базисной идентичности на основе ситуационной в условиях трансформации общества может приобретать кризисный характер.

Во-первых, человек, осознав свою ситуационную идентичность, мо-

---

[75] *Качанов Ю.* Опыты о поле политики. М., 1994. С. 118.

жет сознательно от нее отказаться, не принять ее. Во-вторых, человек может отрицательно относиться к своей социальной и политической позиции в обществе, формально с ней идентифицируясь. В-третьих, осознанная ситуационная идентичность может соответствовать одним и вступать в противоречия с другими ценностями, принятыми данным человеком. В результате принятие личностью своей идентичности оказывается неполным. В-четвертых, в результате сложного взаимодействия политических агентов поля политики индивиду могут быть навязаны такие позиции, которые оказываются абсолютно незначимыми в его понимании своей личности. Наконец, политическая ситуация может сделать доминирующими менее значимые аспекты политической идентичности. Становление, функционирование и развитие базисной политической идентичности реализуется посредством постоянного разрешения кризисных состояний в самооценке политической позиции личности. Но чаще всего в кризисных условиях индивид переживает политическую идентичность частично неосознанно или чисто внешне.

В рамках марксистской и неомарксистской методологии ключом к пониманию политической идентификации является понятие классового сознания. Соотнесение экономического положения своего класса с его объективными потребностями лежит в основе выбора политической партии и политического (в том числе и электорального) поведения. Марксизм апеллирует к взглядам Ф. Гегеля. «Потребность — чувствуемое противоречие между субъектом и объектом, которое переходит в деятельность. Удовлетворение потребности “восстанавливает мир” между субъектом и объектом».[76] Удовлетворенная потребность, действие удовлетворения и его средства постоянно порождают новые потребности. Этот процесс назван К. Марксом и Ф. Энгельсом «первым историческим актом». Постепенно происходит осознание потребности, и в действие вступает «закон возвышения потребностей».[77] На основе потребностей возникают интересы. В психологии под интересами понимают состояние сознания человека, направленность его мыслей, внимания, устремлений. В рамках марксизма интерес — осознанная потребность. Необходимым условием формирования из потребностей интересов является возникновение трудностей на пути реализации потребностей или устойчивое их воспроизводство. Интерес всегда выражает объективное противоречие между потребностями субъекта и условиями их удовлетворения. Превращение «класса в себе» в «класс для себя», по

---

[76] *Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 393.

[77] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 101.

мнению классиков марксизма, наиболее быстро происходит у промышленного пролетариата. Люди, которые не осознают собственных экономических и политических интересов, интересов своей группы, отличных от интересов других классов, не имеют первоначально собственной программы действий. Но класс объективно существует с момента формирования определенного отношения группы людей к средствам производства.[78] Внутри классов имеются различные слои, группы, интересы которых частично не совпадают.

Механизм формирования классового сознания включает формирование объективного экономического интереса класса на основе потребностей, затем происходит его осознание, постановка целей, в том числе и политических, реализуется в практической борьбе за осуществление этих идей. Классы могут действовать вопреки своим собственным интересам, в процессе осознания подлинных интересов класса политическим партиям отводится роль «рулевого». Идеология считается высшей формой теоретического выражения коренных интересов определенного класса, наиболее развитой формой классового самосознания.

Подобно гегелевской системе, в которой сосуществуют идеи о постоянном развитии и идеальном состоянии общества, марксистское представление об идеологии противоречит декларируемому самим марксизмом принципу отсутствия «законченного» (идеального) состояния объекта. Идеология рабочего класса рассматривалась как высший научный тип общественного сознания. При этом пролетарская идеология является результатом научно-теоретической деятельности идеологов рабочего класса, она в известном смысле привносится извне.

В. И. Ленин писал, что сознание есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное его отражение. Классовое сознание отражает объективные процессы. Для марксизма не значимо самосознание отдельного человека, сознание и самосознание индивида полностью общественны. По утверждению К. Маркса, человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо, но мир человека, государство, общество. Основной функцией классового сознания пролетариата является прогрессивное развитие общества и в конечном счете преодоление антагонистических конфликтов. В историческом движении «самое важное — это самосознание класса и его уверенность в своих силах».[79]

---

[78] *Маркс К.* Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 83–84; *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Там же. С. 431–434, 437–438, 446–447.

[79] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 39. С. 27.

Для марксизма чрезвычайно значима связь политического сознания с экономическим строем. В работе «Три источника, три составные части марксизма» В. И. Ленин отмечал: «Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так общественное познание человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает экономический строй общества».[80] Политическое сознание, как и классовое, научное, идеологическое и т. д., является одной из форм общественного сознания. Оно наряду со взглядами, идеями и теориями включает в себя чувства, настроения и переживания. Классики марксизма подчеркивали активное обратное воздействие общественного сознания на общественное бытие. Оно может задерживать развитие или способствовать изменению экономических отношений. В. И. Ленин отмечал активность общественного сознания: «Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его».[81]

Развитие классового сознания, по версии современных марксистов, включает три уровня. На первом уровне (типологическом) представители социальной группы фиксируют свою «похожесть», идентифицируя себя по внешним признакам. При этом осознание единства и общности интересов отсутствует. На втором уровне (идентификационном) появляется групповое самосознание общности условий жизни и деятельности, потребностей и интересов на уровне первичной социальной общности (в круге реальных социальных контактов и взаимодействий). На третьем уровне развития классового сознания (уровень солидарности) осознаются единство интересов и ценностей и принадлежность к большой общности.

На характер классового самосознания влияют такие факторы, как интенсивность внутригрупповых и межличностных коммуникаций индивида, уровень социальной мобильности группы, к которой объективно принадлежит данный человек, и количество социальных групп, к которым он себя причисляет.

Но осознание людьми своих личных и общих интересов не организует класс автоматически в самостоятельную политическую силу. Только осознание коренных общих интересов превращает «класс в себе» в «класс для себя». Согласно марксистской методологии классовое сознание обязательно находит свое выражение в политических учениях и программах. При этом признается, что в различных социальных общностях и группах (национальных, профессиональных, религиозных и т. д.)

---

[80] *Ленин В. И.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. С. 32–33.
[81] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 194.

возникают особые интересы, которые могут вступать в противоречие с объективными интересами данного класса. Со временем происходит трансформация политических взглядов, поскольку классовое сознание отражает процесс смены состояний общества. В современном марксизме признается также и то, что содержание сознания определяется бытием только в конечном счете, а не непосредственно. Допускается обратное воздействие общественного (классового, политического и т. д.) сознания на общественное бытие.[82]

В рамках функционализма политическая идентификация рассматривается в контексте теории политической культуры. Политическая идентификация понимается в этом случае как отождествление индивида с «обобщенным иным», символическая принадлежность к определенной группе, проявляющаяся в поведении. Исследователи считают, что политическая идентификация рациональна по своей природе. Она выступает средством объединения и дистанцирования по отношению к другим людям, политическим организациям и институтам власти. Политическая идентификация позволяет ориентироваться в реальных и воображаемых структурах общества. Сторонники функционализма ясно представляют, что политическая идентификация является лишь одной из многих видов социальной идентификации.

Согласно взглядам У. Розенбаума политическая идентификация относится к одной из трех групп политических ориентаций, которые в совокупности составляют структуру политической культуры. К первой группе ориентаций относятся оценки правительственных институтов, норм и лиц, их представляющих. Во вторую группу входят следующие ориентации: а) политические идентификации, которые определяются как ощущение сопричастности основным политическим объектам (партии, нации, государству, политической организации, религиозному институту и т. д.); б) степень доверия (принятия) тех людей, с которыми приходится взаимодействовать в политической жизни; в) нормы поведения в повседневной политической практике, которые часто расходятся с юридическими нормами и процедурами в политической жизни. Третья группа включает отношение самого индивида к факту собственного участия в политике (компетентность) и оценку ее результативности (эффективность политического участия).

В середине XX в. многие социологи считали социальную идентификацию скорее отрицательным явлением, поскольку оно может сопровождаться утратой личностной автономии, ростом конформизма, ориентацией на внешние ценности. Д. Рисмен в «Одинокой толпе» утверждал,

---

[82] *Политология*: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 132–133.

что в современном обществе человек все более оглядывается на других, старается любой ценой (даже под угрозой утраты собственных ценностей, целей и идеалов) быть похожим на окружающих. После политических бурь 1960-х годов социологи стали склоняться к убеждению, что в каждый данный момент индивид должен обладать только одним «Я», чему отнюдь не противоречат множественность социальных ролей человека, плюрализм политических убеждений или их динамика.[83]

Относительно новой следует признать «постмодернистскую» модель анализа идентификации. Во всяком случае большинство публикаций этого направления пришлось на вторую половину 1990-х годов.[84] Характерная особенность данной методологии — «всеядность» идей. Специфика «постмодернистского» подхода заключается в том, что политическая идентификация и ее критерии не рассматриваются «как вполне самодостаточное явление».[85]

Для доказательства этого положения выдвигаются следующие аргументы. Во-первых, поскольку современное общество все более внедряет в сознание добропорядочных граждан-обывателей стандартные «стили жизни», нормы потребления, это неизбежно ведет к снижению потребности в групповой самоидентификации любого типа, в том числе и политической.

Во-вторых, декларируется «текучесть» критериев самоидентификации в пространстве политической культуры, которые меняются в ходе социокультурного развития. Декларируется идея, что в современном обществе даже политические лидеры и организации склонны конкурировать не в сфере привлекательности идеологии, а на различных уровнях социокультурного пространства.

В-третьих, ключевая роль в трансформации политической идентификации граждан в зарубежных исследованиях приписывается «социокультурным акторам».[86] Отечественные же авторы, придерживающиеся постмодернистских воззрений, считают, что в условиях России государство выступает и объектом, и субъектом группового взаимодействия,[87]

---

[83] *Ogilvy J.* Many Dimensional Man. Decentralizing Self, Society and the Sacred. New York, 1977. P. 148.

[84] *Wagner P.* A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. London; New York, 1998; *Бушмакина О. Н.* Поиски самоидентичности «я» в постмодернизме // Вестн. Удмурт. ун-та. 1997. № 5. С. 33–40.

[85] *Семененко И. С.* Трансформация критериев самоидентификации в социокультурном и политическом пространстве: Западная парадигма и российский контекст // Полис. 2000. № 3. С. 80.

[86] *Trend D.* Cultural Democracy: Politics, Media, New Technology. New York, 1997. P. 153.

[87] *Семененко И.С.* Указ. соч. С. 80.

т. е. именно оно формирует и изменяет политическую идентификацию. Таким образом, политическая идентификация выступает бледным отражением и следствием множества сложных политических процессов. Следовательно, в рамках «постмодерна» высказываются сомнения по поводу значимости данной категории в рамках политической науки и возможности ее практического применения при анализе электорального поведения.

В-четвертых, в рамках концепции «постмодерна» декларируется по преимуществу неполитический характер групповых идентификаций в конце XX в. Это объясняется, в частности, снижением роли широкомасштабных акций протеста, свертыванием широких общественных движений, имеющих политическую основу. Профсоюзы, гендерные организации, партии «зеленых» удачно встраиваются в существующем общественном мнении в цепочку институтов государственного управления. По мнению постмодернистов, они не ассоциируются в общественном сознании с идеологией или политическими движениями, а представляются лишь движением меньшинств, что в большей степени сопряжено с проблемой эффективности демократии.

Как видим, отношение представителей различных социологических школ к политической идентификации весьма отличается. На наш взгляд, наиболее плодотворным для анализа этого явления остается подход постструктуралистов и символических интеракционистов.

Глава 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

2.1. Идентичность в политических исследованиях

Как уже отмечалось, в психологии изучается специфика идентификации индивида. Даже если делается акцент на исследовании механизма массового явления, то его «привязывают» к личностным характеристикам. Социология акцентирует массовость и типичность явления (т. е. описывает внешние признаки, «конфигурацию» явления). В чем специфика видения политической идентификации в рамках политической науки?

В 1944 г. П. Лазарсфельд, Б. Берельсон и Х. Гаудет (Колумбийский университет) опубликовали результаты первого академического исследования, объектом которого стал избиратель (анализировался ход президентской избирательной кампании 1940 г. в Эльмире, штат Нью-Йорк). Повторные издания были осуществлены в 1948 и 1968 гг. Было установлено, что электоральные предпочтения большинства избирателей носят устойчивый характер и крайне медленно поддаются воздействию внешних факторов. Именно с этого момента можно говорить о традиции изучения политической идентификации населения почти исключительно в контексте поведения избирателей.

Вторым крупным исследованием электорального поведения был проект Ф. Конверса, У. Миллера, Д. Стоукса, Э. Кемпбелла (публикация 1960 г.). Ими анализировались данные выборов начиная с 1948 г. Третья работа – Э. Даунса относится к 1957 г. Считается, что именно эти три эмпирических проекта положили начало исследовательским школам политической социологии, социальной психологии и политэкономической школы.[1] Они были посвящены анализу поведения избирателей в условиях стабильной демократии, в «демократической политике». Объ-

[1] *Политическая* наука: Новые направления. М., 1999. С. 236.

ектом изучения стал отдельный индивид, отдельный избиратель, который характеризовался как существо целенаправленное и инструментально мотивированное.[2] С начала 1970-х годов в странах Западной Европы, например в Западной Германии, результаты эмпирических исследований фиксировали неизменность идентификации избирателей с определенной партией и готовность голосовать только за нее при неуклонном росте ожиданий победы одной из партий. Складывалась поразительная ситуация: избиратели при проведении опросов заявляли исследователям, что они поддерживают партию N и будут голосовать только за нее, одновременно значительная часть этих опрошенных делала вывод о высокой степени вероятности победы на выборах партии M и в итоге голосовала за последнюю, обеспечивая ей победу.

В России наиболее значимыми являются проекты, выполненные сотрудниками Института социологии РАН в рамках общеинститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг.». В это время под руководством В. А. Ядова был реализован проект «Изменения в идентификации личности». Он включал шесть опросов, проводившихся с мая 1992 г. по ноябрь 1994 г. Параллельно проводились интенсивные исследования небольших целевых групп (рабочие, инженеры, занятые на государственных и частных предприятиях, биржевые брокеры и студенты).

Наиболее существенным выводом, остающимся актуальным, был вывод о характере идентификации в посткоммунистическом пространстве, когда наряду с разрушением идеологического строя были изменены и экономические основы общества. В кризисном обществе идентификация идет по принципу «от противного» (люди быстрее осознают, с кем они себя не идентифицируют). Чувство позитивной групповой идентичности формируется значительно медленнее. Предпринимались попытки проанализировать полученные данные в рамках различных теоретических подходов (социологических и социопсихологических), в частности, с точки зрения формирования классовых солидарностей (тенденция практически не наблюдается), применительно к теории расширения «символического капитала». В рамках психоаналитического подхода исследовалась агрессивность к «чужим» группам, в когнитивистской психологии изучалось формирование символических, не побуждающих к социальному действию идентификаций.[3] Таким образом, при анализе социологических данных активно используются психологиче-

---

[2] Там же.

[3] *Альтернативы* социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг. М., 1995. С. 96.

ские теории. Параллельно в рамках НИП «Социально-психологические механизмы идентификации» (руководитель – С. Г. Климова) был реализован второй проект.[4] Попытка классификации типов политического сознания россиян на основе политической идентификации предпринята Б. Орловым.[5] В 1998 г. в рамках комплексного анализа состояния российского общества к теме политической идентичности обратились также сотрудники РНИСиНП.[6] Исследованием политической идентичности россиян занимается также Фонд общественного мнения.

Время от времени современные политологи и социологи, правда, по разным причинам, ставят под сомнение научность проблемы идентичности. Социолог Ю. Качанов, например, считает, что «социальная идентичность (а поскольку термин «социальная идентичность» является родовым, более общим понятием по отношению к политической идентичности, то наиболее существенные характеристики можно распространить на оба явления. — *О.П.*) не является по-настоящему научной проблемой для социологии, так как это понятие предполагает индивидуализацию агентов, а социология изучает преимущественно надындивидуальные, общественные феномены».[7] Таким образом, самому понятию «идентичность» ставятся «в вину» психологические корни, заимствование понятий из теории личности.

В 1950 г. психолог Э. Эриксон обратил внимание исследователей на необходимость различать индивидуальную (психологическую) и социальную идентичность. Наиболее существенное их отличие связано с тем, что социальная идентичность коррелирует с объективно существующими социальными позициями индивида, она не может проявляться только как субъективный опыт. Человек способен осознать себя как целое, отличное от природного мира и от других людей. Но вместе с тем потребность в чувстве идентичности настолько жизненно необходима, что человек не может не соотносить себя со своей социальной группой (например, с профессиональной или этнической группой) или с референтной группой, с теми людьми, к кругу которых он хотел бы принадлежать и ценностям и нормам поведения которых следует.

Процесс идентификации присущ и роду человеческому в целом, и отдельному индивиду. Как отмечал Э. Фромм, младенец лишь после

---

[4] *Возможности* методики неоконченных предложений для изучения социальной идентификации // Социальная идентификация личности. М., 1993. С. 69–83.

[5] *Орлов Б.* Россия в поисках новой идентичности (90-е годы XX столетия): Научно-аналитический обзор. М., 1997.

[6] *Осенний* кризис 1998 года: Российское общество до и после. Аналитические доклады РНИСиНП. М., 1998.

[7] *Качанов Ю.* Опыты о поле политики. М., 1974. С. 109.

того, как «он постиг внешний мир как отдельный и отличный от него, приходит к осознанию себя как отдельного существа, и одно из последних слов, которые он выучивает употреблять, — это “я” по отношению к самому себе».[8] Аналогично и в развитии человеческого рода осознание собственной идентичности имеет ряд этапов.

В потестарном обществе человек в лучшем случае мог сказать: «Я — это мы», не выделяя себя из группы своих сородичей. В эпоху средневековья человек, не принадлежащий к родовой аристократии, идентифицировал себя с социальной ролью. Он был крестьянином и даже в мыслях не мог быть аристократом. С разрушением жесткой сословной системы вопрос о самоидентификации стал более остро. Декарт на вопрос о том, почему человек знает о том, что он — это он, ответил просто: «Я сомневаюсь, следовательно, я мыслю, я мыслю, следовательно, я существую». Итак, в декартовскую эпоху акцент ставился на мыслительной деятельности, но чувствование и позитивная деятельность игнорировались.

Промышленное общество предложило человеку много версий его идентичности — по признаку принадлежности к определенному классу, нации, религии, профессии, политической организации, идеологии. Человек, отвечая на вопрос «кто я?», обозначает себя как демократа или государственника, как атеиста, кришнаита или православного, как представителя «титульной нации» или «лицо кавказской национальности» (СМИ и к этому приучили нас за последние годы), как политика или персону, «чуждую этому грязному делу», и т. д. Идентифицируя себя подобным образом, человек прячет свое «я», отказывается от собственной уникальности. Декларация своей социальной и политической идентичности порождает в человеке иллюзию безопасности, ощущения, что он, «как все», «как лучшая часть всех». Э. Фромм, анализируя значимость ощущения идентичности для современного человека, подчеркивал, что вместо «доиндивидуалистической клановой идентичности формируется новая, стадная идентификация, в которой чувство неоспоримой принадлежности к толпе»[9] основано на конформизме. В промышленном обществе вопрос «кто я?» для человека не исчезает, но в зависимости от традиций и культуры он имеет в виду одну из двух моделей: «чего я достиг?» (западная индивидуалистическая модель) или «какой я?» (традиционная российская модель).

Процесс идентификации требует от человека определенных интеллектуальных усилий для формирования модели мира и способности

---

[8] *Фромм Э.* Человеческая ситуация. М., 1995. С. 62.
[9] Там же. С. 64.

ориентироваться в реальном мире. Потребность в системе ориентации проявляется в двух вариантах: первый — иметь хотя бы какую-нибудь модель, вторая — иметь реальную объективную модель. Сходной позиции придерживается и Е. Б. Шестопал. «В родоплеменном обществе механизм социализации совпал с фактом рождения в том или ином социальном слое».[10] С развитием общества происходит усложнение социальных и политических ролей, которые должен проигрывать индивид. В древнем мире человек очень четко был связан с определенными политическими ролями. «На стадии раннебуржуазного развития государства такая жесткая закрепленность политической роли за тем или иным социальным положением личности еще сохранялась».[11]

Зарубежные политологи крайне осторожно подходят к понятию политической идентификации, так как сложившаяся в течение пятидесяти лет традиция изучения политической идентичности (прежде всего как партийной идентичности) связывалась с возможностью прогнозирования электорального поведения людей в устойчивых двухпартийных системах. А поскольку эмпирические замеры общественного мнения в этих странах демонстрируют устойчивое снижение количества людей с выраженной и устойчивой политической идентификацией, то время от времени и среди политологов возникают сомнения в универсальности данного феномена политического сознания граждан. Наконец, изучение политической идентификации все более становится обязательным элементом избирательной кампании, средством для различных манипуляций, т. е. превращается в составную часть избирательной технологии, что также лишает данное понятие ореола научности, снижает его статус.

По утверждению Д. Батлера и Д. Стоукса, политические партии являются стандартными объектами для выражения массовой лояльности и идентификации, поскольку они длительное время выступают активными субъектами политических отношений. Процедура голосования повторяется многократно, для многих избирателей само участие в выборе кандидата, по замечанию Д. Рониса, может быть автоматическим следствием стабильной установки на избранную партию, а вовсе не результатом осознанного принятия решений. В рамках «функциональной теории партийной идентификации» У. Шивли было высказано предположение, что при отсутствии прямой информации о позициях партий по многим конкретным «вопросным» проблемам граждане будут использовать упрощенные способы получения информации. Чем больше вы-

---

[10] *Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 185.

[11] Там же. С. 186.

нуждают их к этому особенности политической системы, тем лучше избиратели ориентируются в многопартийных системах по сравнению с двухпартийной.[12] «Все, кто специализировался по таким направлениям, как “голосование по проблеме”, традиционная “партийная идентификация” и “политическая социализация”, согласны с тем, что анализ чисто количественных, в высшей степени агрегированных данных, полученных в результате крупномасштабных опросов, является подходящим и вполне “научным” методом исследования политического поведения».[13] Как видно из приведенной цитаты, в современной политологии тема идентификации связывается не «только по преимуществу», но исключительно с проблемами прогноза голосования избирателей. Означает ли это, что эвристическая ценность категории «идентификация» заключена только в возможности прогноза электорального выбора и не может использоваться для чего-либо другого?

Считается, что импульс к изучению этой тематики в начале 1960-х годов дал проект «Американский избиратель». Оригинальные научные взгляды авторов статьи о партийной идентификации Э. Кемпбелла и Дж. Белкнапа можно оценить как бихевиористские. Психологическая природа партийной идентификации потребовала акцентировать социально-психологические проблемы, что стало отличительной чертой мичиганской школы.

Классической признается всеми политологами и концепция идентичности Э. Эриксона (эта проблематика активно развивалась им в конце 1960-х годов). Эриксон утверждал, что идентичность и идеология — два аспекта одного процесса. Они создают необходимые условия для дальнейшего «созревания индивида и этим для следующей, более высокой формы идентификации – солидарности, связывающей общие идентичности в единую – живую, действующую и созидающую».[14] Э. Эриксон здраво оценивал значение идеологической идентификации в жизни людей. Средний взрослый и среднее общество, если «они не занимаются идеологической поляризацией, склонны перепоручать идеологию – как только заканчиваются стрельба и крики – весьма ограниченному аспекту своей жизни, где она оказывается весьма удобной для ритуалов и рационализаций, но не наносит чрезмерного вреда другим занятиям».[15] В этом случае идеологии оказываются более значимыми для молодежи, поскольку обеспечивают востребуемые комбинации «самых

---

[12] *Политическая* наука … С. 271–275.
[13] Там же. С. 288.
[14] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. С. 199.
[15] Там же. С. 200.

старых и самых новых групповых идеалов. Они действительно являются источником убежденности, искреннего аскетизма и пылкого негодования юности по отношению к социальной границе, где борьба между консерватизмом и радикализмом наиболее живуча. На этой границе фанатичные идеологи делают свое дело, а психопатические лидеры — свое; подлинные же лидеры создают здесь настоящие солидарности. В качестве награды за обещанное владение будущие идеологи требуют непреклонного достижения некоей абсолютной иерархии ценностей и некоего ригидного принципа поведения».[16]

Мы позволим себе очень длинную цитату из той же работы Эриксона, в которой раскрывается роль идеологии в формировании идентичности, поскольку все рассуждения современных исследователей об их взаимосвязи строятся именно на этих идеях. Лучше и полнее объяснить эту взаимосвязь просто невозможно. Идеология как некая система идеалов может предложить молодым людям видение упрощенной перспективы будущего, «окружающей все предвидимое время и этим противодействующей индивидуальному “смешению времени”; некоторого весьма ощутимого соответствия между внутренним миром идеалов и зла и социальным миром с его целями и опасностями; возможности для демонстрации некоторого единообразия во внешности и поведении, противостоящего индивидуальному сознанию идентичности; побуждения к коллективному экспериментированию с ролями и техниками, которые помогают преодолеть чувство подавленности и личной вины; введения в преобладающую технологию и этим в санкционируемое и регулируемое соперничество; историко-графического образа мира как каркаса для будущей идентичности молодого человека; технологии подчинения лидерам, которые в качестве сверхчеловека или “старших братьев” стоят над амбивалентностью детско-родительских отношений».[17]

Идеологическая система основывается на формальной догме, объединяющей отдельные образы, идеи и идеалы, которые предлагают высокоструктурированный образ мира и даже претендуют на статус научного кредо. Идеологическая идентификация обеспечивает своим сторонникам ориентацию в пространстве и времени, в средствах и целях действий. Э. Эриксон предлагает инструмент оценки роли идеологии в формировании идентичности «путем сравнения таких сугубо вербальных и сильно институированных идеологий с теми часто не оформленными и преходящими симптомами превращения и отвращения, которые

[16] Там же.
[17] Там же. С. 197.

являются наиболее значимой частью жизни молодого человека или группы молодежи».[18] Многие крайние вкусы, мнения и лозунги, которыми насыщены аргументы молодежи, а также многие неожиданные импульсы к деструктивному поведению «являются единым выражением фрагментов исторической идентичности, которые должны быть связаны воедино какой-то идеологией».[19] Человечество никогда не живет полностью в настоящем. Идеологии обращаются либо в прошлое (консерватизм), либо к никогда не существовавшим идеальным сторонам возможного будущего (коммунизм). Мотивация поведения неизбежно отражает идеологию своего времени и впитывает в себя также и коннотации, рожденные современными общественными переменами. «Идеологические коннотации — неизбежный способ приведения концептуального аппарата, описывающего “эго” — органа, при помощи которого человек проверяет правильность своего восприятия реальности, — в соответствии с историческими переменами».[20]

Несомненное влияние на работу современных политологов оказали не только концепция идентичности Э. Эриксона, но и взгляды Д. Макклелланда на «мотивацию достижения», а также теория фрустрации–агрессии Дж. Долларда. Эти концептуальные подходы помогали в поисках ответа на вопрос о том, как различные культуры и этнические группы реагируют на нововведения. Акцент на институционализацию, интернализацию и социализацию норм в значительной степени основан на теории научения, почерпнутой из социальной психологии, и теории ценностей, взятой из политической антропологии.

Политологи пытаются на эмпирическом уровне подтвердить или опровергнуть выводы из социологических концепций среднего уровня. Например, относительно недавние исследования С. Франклина (1992 г.) и Р. Дж. Далтона (1996 г.) подтвердили снижение влияния на электоральный выбор социальной дифференциации и приверженности к определенной партии (партийной идентификации). Р. Далтон еще в середине 1980-х годов привлек внимание научной общественности к теории когнитивной мобилизации, согласно которой факторы, подталкивающие избирателей к определенному типу электорального поведения, со временем меняются. Так, изначально на «массовую демократическую мобилизацию» (предполагающую высокий уровень участия в голосовании в демократических странах) оказывали влияние преимущественно социальные факторы — существующие различия между классами, профес-

[18] Там же. С. 204.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 79–80.

сиональными, этническими и религиозными группами. На смену этому этапу социальной мобилизации пришел этап политической мобилизации, в рамках которого существенную роль стали играть партии, прилагавшие колоссальные усилия к политическому образованию своих членов и потенциальных сторонников (например, хорошо известные партийные школы марксистских и левых партий). Как следствие, особую роль в мобилизации избирателей стала играть партийная идентификация. Современный этап характеризуется, по Р. Далтону, когнитивной мобилизацией. Она в большей степени присуща развитым и стабильным демократическим государствам, в которых хорошо образованное население, имеющее доступ к специальной политической информации и неплохо разбирающееся в политике, способно делать рациональный электоральный выбор. Хотя позиция Р. Далтона, подобно теории партийной идентификации представителей мичиганской школы, вызвала шквал дискуссий и критики в научной среде, своим продолжением она имела развитие идей о роли коммуникации и личности кандидата в предвыборной кампании.

А. Мелуччи в конце 1980-х годов высказал идею об актуальной политической идентичности (ситуативной идентичности), которая возникает непосредственно в ходе политических действий, и указал на значение личности лидера в этом процессе. Таким образом, среди зарубежных исследователей доминирует взгляд на виды идентификаций как на нечто альтернативное (доминируют или партийная, или идеологическая, или персонифицированная идентификации).

Политологи, помимо попытки эффективно объяснить состояние политической идентификации социальных групп с помощью классической теории социальной стратификации, предпринимают шаги для проверки марксистской концепции зависимости политического сознания от экономической позиции группы. В частности, был сделан вывод о том, что «акции политической идентификации», в рамках которых отдельные группы претендуют на общественное признание специфичности их культурных ценностей, продолжаются даже тогда, когда «не наблюдается прямой связи этих акций с экономически неблагоприятным положением групп».[21] Проверка теории культурных изменений или теории неполитического происхождения политической культуры — благодатная почва для исследований в период политических перемен в России. Есть множество других вопросов, относящихся к созданию культурных норм и политической идентификации, а также к частичному совпадению личных предпочтений граждан и воспринимаемых ими социальных норм.

[21] Там же. С. 473.

Во многих западных демократиях параллельно с размыванием групповых различий в поведении избирателей уменьшались возможности объяснения индивидуального политического поведения приверженностью к определенной партии. Как отмечал Р. Далтон в публикациях середины 1990-х годов, в ряде западных демократий на протяжении жизни нескольких последних поколений ослабла прочность партийных привязанностей избирателей, снизилось число людей, голосующих за «линию партии», и возросло непостоянство в предпочтениях, увеличилось число избирателей, голосующих в одном бюллетене за представителей двух и более партий (так называемое голосование «по разорванному билету»).

Перед демократическими партийными системами Восточной Европы и Юго-Восточной Азии стоит задача развития базовых структур электорального выбора, исследованная в свое время С. Липсетом и С. Роккаком на примере стран Запада. При появлении новых демократий открывается уникальная возможность исследовать сам процесс их становления, изучить, как укрепляются симпатии к новым партиям, каким образом формируются взаимоотношения между социальными группами и политическими партиями, «как создаются “образы партий”, как эти “образы” доводятся до сознания избирателей и как граждане учатся делать выбор и учатся представительной демократии. Признанная схема С. Липсета и С. Роккана может служить ценной отправной точкой для такого исследования; мичиганская модель партийной идентификации может стать основой для изучения того, как формируется новая политическая идентификация. Но создание партий в мире с кабельным телевидением и спутниковой связью, с высоким уровнем осведомленности людей о деталях избирательного процесса среди граждан любого социального положения, с принципиально новым электоратом вряд ли пойдет по западноевропейским образцам 1920-х годов».[22]

Влияние политической идентификации на поведение людей в значительной степени обусловлено степенью их интеграции в социальные группы, символической или реальной общностью с другими людьми, что, в свою очередь, является одной из базовых потребностей личности. В рамках политической психологии, в частности в одном из ее направлений — психоанализе, идентификация рассматривается вне связи с мотивами поведения и определяется как присущее человеку бессознательное «переживание тождественности другому».[23]

Идентификация может осуществляться не только на уровне межлич-

---

[22] Там же. С. 341.

[23] *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М., 1996. С. 161.

ностного общения, но и с объектами, находящимися вне зоны прямых социальных контактов — с большими социальными группами или институтами (нацией, государством, классом, конфессией, политическим течением). Понятно, что в этом случае определение идентификации через категорию сопереживания не может быть использовано.

Политические идеи соответствуют определенным политическим стереотипам. Политическую идентификацию следует изучать не столько по самоопределению (самоназванию), сколько по действительному способу политического мышления респондентов. Для россиян характерно жесткое отличие политических установок, в том числе политической идентификации, и реальных действий. Идентифицирующий себя с коммунистами (например, определяющий свои взгляды как коммунистические) может проголосовать за представителя СПС даже при наличии в списке кандидата-коммуниста. В этой ситуации можно сделать следующие предположения. Во-первых, политическая идентификация не является определяющим принципом электорального поведения — глобальный вывод, который ставит под сомнение значение этой категории для теоретической политологии. Во-вторых, люди могут не осознавать своих реальных политических взглядов (различие вербального и невербального поведения). В-третьих, основная эвристическая ценность изучения политической идентификации для исследователя — не только в возможности прогнозирования исходов выборов.

Какие факторы определяют объекты, формы и степень политической идентификации? Чем в этом отношении отличается политическая идентификация граждан стран стабильной демократии, тоталитарного общества и государств, находящихся в «состоянии транзита» (нецелевого развития, вторичной модернизации)? Считается, что лингвистическая форма «Мы – Они», характеризующая высокую степень идентификации со «своей» группой, относится к архетипам, структурным формам «восприятия и дифференциации социальных связей людей».[24]

Политическая идентификация как одна из форм символической демонстрации в повседневной жизни своей принадлежности к определенной группе остается значимой и в современном мире. Это, в частности, блестяще продемонстрировал французский постструктуралист П. Бурдье.[25] Идентичность с макро- и микросоциальными общностями относится к классу социально-политических аттитюдов, обусловленных со-

---

[24] Там же. С. 162.

[25] *Бурдье П.* 1) Социология политики. М., 1993; 2) Начала. М., 1994; 3) Структуры, Habitus, Практики / Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

циальными, этническими и политическими условиями и отношениями между социальными группами и политическими институтами.

Установки по отношению к другим, «чужим» общностям не обязательно будут носить негативный, конфликтный, враждебный характер. Они могут иметь индифферентный (невыраженный) или нейтральный характер, быть позитивными или амбивалентными, сложными. Например, человек, идентифицирующий себя с коммунистической партией, может весьма сочувственно относиться к идеям национал-патриотов, государственников и даже либералов. Весьма показательны в этом отношении примеры «коммунистов-капиталистов», имевшие место не только в дореволюционной истории России, но и в наше время (для этого достаточно выявить характер доходов некоторых членов фракции КПРФ в предыдущем и нынешнем составе Государственной Думы и проанализировать их политические заявления и тексты интервью).

И ценности, и установки (и, в частности, идентичность) входят в структуру политического сознания индивида. Основное различие ценностей и установок связано с тем, что если в ценностях отражается представление человека о неких идеальных (иногда абстрактных) объектах, то установки фиксируют преимущественно оценку индивидом степени его близости к конкретным объектам (политическим институтам, лидерам, своей социальной группе, референтной группе).

Политическая идентификация влияет не только на политическое сознание человека, но и на форму его политического (в частности, и электорального) поведения. Идеологические ценности и лозунги не напрямую «присваиваются» личностью, они выполняют своего рода функцию фильтра, влияя на выбор человеком «своего» политического движения, партии или системы политических взглядов. «Идеологические или социально-политические ценности общества, больших социальных групп, в которых психологически интегрирована личность, являются лишь одним из факторов, формирующих ее мотивацию».[26] Значение этого фактора изменяется территориально и во времени.

Но не только идеологические ценности влияют на политическую идентификацию личности, существенным фактором являются также социальные нормы, социальные роли, ожидания. Идентификационные стратегии людей ориентированы на выбор «системы координат», групп, категорий, известных в обществе. Таким образом, идентификация выполняет функцию репрезентации личности в обществе. «Поскольку идентификация выражает субъективное отношение между индивидом и обществом, его социально-групповой структурой, в этот “пакет” так или

[26] *Дилигенский Г. Г.* Указ. соч. С. 170.

иначе входят и социально-политические ценности. Человек может совершенно не интересоваться общественными или политическими проблемами, не думать о них, но, ощущая себя главным образом, скажем, главой семьи или ее подчиненным членом (сыном, дочерью), представителем своей нации, рабочим, студентом или предпринимателем, он вольно или невольно усваивает общественно признанные ценности и мотивы».[27] Идентификация со своей социально-статусной группой может привести к стремлению защищать ее интересы в сфере политики или к склонности интегрироваться во властные структуры. «Идентификация с национально-государственной или этнической общностью может предрасположить к усвоению националистической идеологии и бытового национализма».[28] «Высшие» политические и мировоззренческие ценности, связанные с идеологией, актуализируются в экстремальных ситуациях. Избирательная кампания со всеми ее «шумовыми и световыми» эффектами, с громкими «черными» и «серыми» PR-овскими акциями явно попадает в эту категорию.

Политическая идентификация, как и социальная, по мнению В. Ядова и Г. Дилигенского, входит в структуру социально-политических установок и включает в себя когнитивные, ценностные и аффективные компоненты. Понятие идентификации как процесса самоотождествления себя с какой-либо общностью предполагает, во-первых, ясное представление человека о социальных группах и их специфике и, во-вторых, определение своего отношения к некоторым группам по ощущению «свой»–«чужой».

С. Г. Климова считает, что идентификация в России в условиях трансформации социальной структуры ведет к размыванию норм и правил взаимодействия принадлежащих к разным категориям людей, а это, в свою очередь, «создает ситуацию, чреватую возникновением конфликтов идентичности (единственным основанием для враждебности или настороженности в них является определение других как “чужих”)».[29] Одновременно поднимается вопрос и о «политике идентичностей», когда партия или лидер получают поддержку не в силу общности интересов, а в результате определения их в качестве «своих». Кризису идентичности наиболее удачно может противостоять сознательное выстраивание политических мифологем, например, мифологемы славянства, которая активно использовалась в обосновании внешнеполитическо-

---

[27] Там же. С. 172.

[28] Там же. С. 173.

[29] *Климова С. Г.* Идентификация и политический выбор // Поле мнений. 2000. Вып. 3. Апр. С. 52.

го курса России в отношении Сербии. Способ разрешения кризиса идентичности может быть найден в процессах социализации и ресоциализации, а также в формировании «системы, более-менее адекватной идентификации личности» в новой ситуации.[30]

Политический выбор человека строится на взаимосвязанных электоральных предпочтениях и идентификации индивида. Очень часто в этой ситуации в нашей стране в качестве референтного объекта выступает политический лидер, который воспринимается рядовым типичным гражданином как образец мыслей, поведения, оценок. Но и «сам выбор политика делается на основе идентификационного сравнения — “такой, как я”. В полной мере удачно манипулирует идентичностью В. Жириновский (вспомним, например, эпизод посещения им тюрьмы и игры в карты на нарах, растиражированный СМИ). Другие российские политики еще не освоили (или не совсем освоили) модус поведения, основанный на призыве “мы с тобой одной крови”. Дело в том, что программные заявления не соотносятся напрямую с пониманием желаемого у тех, к кому они обращены. Избиратели воспринимают не только и даже не столько сам текст, сколько личность политика, определяя его для себя как конкретный тип (например, “интеллектуала” или “пролетария”)».[31]

Рассмотрим ситуацию, когда, помимо политической идентификации с символическими группами, существует идентификация и с реальными, «видимыми» группами, например с политической партией или с «голосующими так же, как и я». В этом случае важным показателем политической идентификации может выступать сплоченность группы. Ее значение для человека не слишком заметно в повседневной, обыденной жизни. Но все меняется, «если возникает угроза разрыва связей, особенно в военное или революционное время и вообще в периоды коренных переломов или смены ценностей, подвергающей сплоченность опасности, которой индивиду следует научиться избегать и которую надо учитывать в своем поведении».[32]

Очевидно, что традиционные процедуры в духе социометрии не подходят для изучения сплоченности группы на основе политической идентичности. Социометрия позволяет оценить статус индивида в группе, уровень симпатии к нему, но и только. Анализ коммуникации в малой группе (характер распространения информации — сетевой, по це-

---

[30] Там же.

[31] Там же. С. 60.

[32] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Пер. с нем. М., 1996. С. 338.

почке, «звездочка», кольцеобразный) также позволяет оценить статус входящих в нее людей и сделать вывод о сплоченности и способности группы к решению поставленных задач. Но вопрос о том, что составляет основу сплоченности, останется открытым и в этом случае.

Э. Ноэль-Нойман указывает на два способа оценки сплоченности группы, предложенных В. С. Ландекером и Р. Смендом. В. Ландекер выделял четыре вида и соответственно четыре способа измерения сплоченности группы: а) культурную (насколько различаются предъявляемые к членам группы требования); б) нормативную (степень противоречия предписаний норм поведения реальному поведению членов группы); в) коммуникативную (характер коммуникативных связей и деление на подгруппы); г) функциональную (взаимозависимость членов группы, степень их отчужденности).

Более подходящая для исследования сплоченности группы на основе политической идентификации модель была предложена Р. Смендом. Он выделял три параметра сплоченности: а) личную (она обусловлена степенью влияния политического лидера, носителя власти, партийного активиста и т. д., который входит в группу или является образцом для нее); б) функциональную (степень распространенности «коллективных форм жизни» группы, к которым относятся и общность характера голосования, и сходное отношение к группам давления и партиям, и стереотипность эмоциональной реакции на какое-либо политическое событие); в) деловую (символическое воплощение единства общности, которое осуществляется на основе символов — флагов, гербов, гимнов, глав государств, политических церемоний, национальных праздников).

В рамках традиционного подхода предполагается, что политическая идентификация делится на идеологическую, партийную и персонифицированную. Д. Ниммо и Т. Юнгс используют понятие групповой идентичности и выделяют также три ее подвида: партийную, идеологическую и религиозную. Но, как мы попытаемся показать дальше, в современном мире объекты политической идентификации весьма разнообразны, и к ним могут относиться институты или явления, формально весьма далекие от политики. Человек не способен составить себе реальную картину мира, в котором он вынужден ориентироваться, выбирать приоритеты. Так и в сфере политики индивид не может непосредственно охватить все многообразие отношений и возможных моделей идентификации. Поэтому он вынужден реконструировать, создавать в своем сознании упрощенную модель политической реальности, осуществлять «редукцию сложности» политической сферы, создавать, по выражению У. Липмана, «псевдомир» и лишь затем «присоединяться» к одной из общностей, представленных в его сознании.

Следует также признать определяющую, приоритетную роль СМИ в формулировании основных моделей политической идентичности (безотносительно к источнику создания модели) в современном обществе. «Человек, не находя для описания своей позиции каких-то общепринятых формулировок, замыкается в молчании, остается “немым”».[33] Очевидно, что достаточно давно человеческое сообщество лишило элиту, высшие слои общества, безусловного тотального права создания моделей политической идентификации. Существование пресловутого общественного мнения и политических субкультур, несомненно, подтверждает этот факт.

2.2. Кризисная и негативная политическая идентичность

Понятие «кризис идентичности», по утверждению Э. Эриксона, был использован впервые в годы второй мировой войны применительно к проблемам психоанализа. Но означает ли данный термин только потерю тождества личности, как это понимается в психологии? Э. Эриксон пытался привлечь внимание к «странной притягательности терминов “идентичность” и “кризис идентичности”»,[34] указывал на вызываемую этими понятиями «смесь любопытства, иронии и тревоги», «ритуальность» в их трактовке и использовании. По мнению ученого, данные понятия нельзя свести к таким терминам, как «социальные роли», черты характера или представления людей о самих себе. Они «не составляют сути, хотя могут стать доминирующими аспектами того, что сегодня называют “поисками идентичности”».[35]

Согласно Э. Эриксону утрата идентичности в равной степени присуща и бунтарям, и деструктивно настроенным правонарушителям. «Кризис идентичности» может быть как вполне нормальным, типичным возрастным явлением, характерным для периода юности и ранней зрелости, так и патологическим процессом. «Одной из координат идентичности является жизненный цикл… Фактически мы можем говорить о “кризисе идентичности” как о психологическом аспекте отрочества».[36] Но кризис идентичности может быть не только проявлением взросления индивида, но и охватывать целые возрастные когорты и значительную часть населения страны.

---

[33] Там же. С. 245.
[34] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 21.
[35] Там же. С. 32.
[36] Там же. С. 100.

Э. Эриксон считал конец детства третьим кризисом «цельности», имеющим наиболее выраженный политический характер. В результате преодоления этого кризиса личностью обретается цельность, которую исследователь назвал «чувством внутренней идентичности». Личность индивида включает в себя, не исчерпываясь этим, сумму всех последовательных идентификаций тех более ранних периодов жизни, когда человек стремился, но чаще был вынужден походить на людей, от которых он зависел. Личность уникальна, и ее кризис может разрешиться только путем новых идентификаций со сверстниками и лидерами вне рамок семьи. Если окончательное самоопределение индивида оказывается по социальным или личным причинам затруднено, возникает ситуация смешения ролей. Негативную идентификацию молодых людей в некоторых случаях следует понимать именно как отказ от неполной, разорванной, нецельной идентичности.

Личностная «идентичность нуждается в поддержке. Ее дает молодому человеку коллективная идентичность значимых для него социальных групп: его класса, нации, культуры».[37] Краеугольным камнем формирования адекватной идентичности Э. Эриксон называет «верность» — способность молодых людей придерживаться своих представлений и обещаний вопреки постоянно обнаруживающимся противоречиям в только что усвоенной системе ценностей, морально-этических и идеологических установках общества.

Молодые люди (каждый в отдельности и вся когорта) ощущают себя в опасности, с «готовностью поддерживают доктрины, предполагающие полное погружение в сплошную идентичность (в крайние формы национализма, расизма или классовой ненависти) и коллективное осуждение новой идентичности, представленной в виде предельно стереотипного образа врага»,[38] когда моделям идентичности, глубоко укоренившимся или активно формирующимся, угрожают глобальные исторические или технологические премены. Не обладая хотя бы некоторой идеологической зрелостью, «юность страдает от спутанности ценностей, которые могут быть опасными и которые по большому счету действительно опасны для структуры общества».[39]

Э. Эриксон выделяет два внешних социальных фактора, которые значительно осложняют процесс самоидентификации в современном мире: резкие политические изменения и информационный взрыв. Социальный протест молодежи, взаимное неприятие ценностей представите-

---

[37] Там же. С. 98.
[38] Там же. С. 99.
[39] Там же. С. 197–198.

лей разных поколений могут рассматриваться как формы проявления кризиса идентичности, в результате которого происходит ролевое смешение и индивид ощущает бесцельность своей жизни и собственную беспомощность.

Но бурное развитие политической жизни может оказаться опасным не только для молодежи. «Факторы, разрушающие идентичность, в то же время заставляют людей старшего поколения вновь обращаться к альтернативам, имевшим место в юности»,[40] для людей этой возрастной когорты велика опасность «заразиться» синдромом тоталитарного сознания. Если обстоятельства жизни лишают человека ощущения надежности или защищенности, если потребность в этом не удовлетворяется, «возрастает ощущение глубокого недоверия». При слишком внезапных исторических и экономических переменах оно вызывает желание «поддаться тоталитарной и авторитарной иллюзии целостности, заданной заранее, с одним лидером во главе единственной партии, с одной идеологией, дающей простое объяснение всей природе и истории, с одним безусловным врагом, который должен быть уничтожен одним централизованным карательным органом, и с постоянным направлением на внешнего врага бессильной ярости, копящейся в этом государстве».[41]

Понятие отказа от личностной идентификации не тождественно понятию «негативная идентификация». Последняя трактуется скорее как стремление человека достичь идентичности через «тотальную идентификацию с тем, кем он меньше всего должен стать».[42] Бунт или безвыходность? В некоторых случаях негативная идентичность диктуется необходимостью найти свою политическую нишу и защититься от навязываемых вышестоящими авторитетами норм и идеалов.

Термин «негативная идентификация» Э. Эриксон использует также для обозначения состояния сознания молодежи, противоположного той модели, которую предлагают родители, сверстники, общество в целом. Опасной представляется и чрезмерная идентификация с популярными личностями или носителями радикальных политических взглядов («бритоголовыми», революционными радикальными лидерами, откровенными националистами). В этом случае человека вырывают из его привычного социального окружения, личность подавляется.

«Молодые люди… могут вместить в себя столь глубокую идентичность лишь путем агрессии, а то и вспышек насилия…».[43] Они страдают

---

[40] Там же. С. 99.
[41] Там же. С. 94.
[42] Там же. С. 185.
[43] Там же. С. 34.

от негативной идентичности, и осознание этого выливается в неприятие конформизма старших поколений в современном обществе. Бунтарство молодежи — одно из наиболее очевидных проявлений негативной идентичности. Но бунтарями становятся не все, поскольку в любой исторический период есть «индивиды (“правильно” воспитанные), которые в процессе развития идентичности успешно приспосабливаются к господствующей технологии и становятся тем, что они делают… Новаторы появляются только в явно выраженные переходные периоды: это те, которые слишком умны, чтобы оставаться приверженцами господствующей системы, слишком честны или раздираемы внутренними противоречиями… которые сострадают “бедным”, оставшимся за бортом».[44]

Негативная идентичность может проявляться через ощущение себя неким безликим существом (неизвестным, невидимым, беззвучным). Безусловно заслуживает внимания и другой тезис Э. Эриксона о способности человека без ущерба для собственной идентичности максимально «включаться» в социальные и политические процессы. Кризис же идентичности может привести личность к саморазрушению. Патология идентичности способна спровоцировать разрушение системы ценностей, маргинализацию (речь не идет о люмпенизации!) целых социальных групп.

«Но юношеский кризис — это и кризис всего поколения, и проверка идеологической прочности данного общества; идентичность и идеология также взаимосвязаны… кризис слабее всего проявляется у той части молодежи, которая в данный исторический период может быть верной идеологии технологической и экономической экспансии, например меркантилизму, колониализму или индустриализации, невключенность в такую идеологию может иметь катастрофические последствия. Молодежь, которая стремится иметь доступ к господствующей технологии, но лишена его, чувствует себя отчужденной от общества».[45] Э. Эриксон апеллирует к неогуманизму (пацифизму) как новой возможной основе политической идентификации молодежи.[46] Но идеалы молодежи близки идеалам и гражданского неповиновения, и ненасилия (при этом речь не идет о следовании политическим взглядам Ганди). Проблемы идентичности необходимо соотносить с идеологическими потребностями молодежи.[47] Понятно, что эти мысли Э. Эриксона не претендуют на универ-

[44] Там же. С. 40–41.
[45] Там же. С. 322–323.
[46] Там же. С. 43.
[47] Там же. С. 44.

сальность и что он описывает только американскую действительность, поэтому и выдвигаемый им перечень идеологий на самом деле воспроизводит основополагающие идеи официальной государственной идеологии США, а отнюдь не какие-либо идеологии в собственном смысле слова. Но сам механизм выделен правильно.

Существует опасность «негативной конверсии» — состояния сознания людей, при котором «элементы прежде негативной идентичности становятся абсолютно господствующими, в то время как позитивные совершенно устраняются».[48] Это состояние может присутствовать у молодежи в различных странах безотносительно к их национальности, собственного социального статуса или политических воззрений семьи, в которой они воспитывались. Оно может исчезать по мере разрешения возрастного кризиса или подчинить себе всего человека. Классический пример — молодежь нацистской Германии с ее активной поддержкой национал-социализма и членством в гитлерюгенде. Но, в целом, в Америке Э. Эриксон фиксирует упорное нежелание «бунтующей» молодежи признавать какую-либо идеологию. Даже при явной склонности к радикализму молодежь не склонна поддерживать тоталитарные идеи.

Вместе с тем любая позитивная идентичность также может определяться через негативные образы. В данном случае уместно использовать предложенную Б. Ньюкомом категорию «негативная референтная группа», которая уточняет самнеровское понятие «внешняя группа». Политическое поведение регулируется действиями «как позитивных, так и негативных референтных групп. В первом случае это группы, с которыми соревнуются или которым подражают, а во втором — вызывающие протест и сопротивление».[49] Негативные референтные группы участвуют в создании и интеграции новых социальных групп, таких, как классы. Они порождают противостояние, «вызывают к жизни новые группы и способствуют их интеграции в ходе конфликта».[50] Позитивная идентичность отнюдь не является статичным набором свойств и ролей, она постоянно находится «в состоянии конфликта с прошлым, которое надо изжить, и с будущим, которое надо предотвратить».[51]

Аутентичные или регрессивные склонности молодежи (уход в личную жизнь, карьеру или в протестные политические движения) достаточно часто являются реакцией на собственную неспособность принять ту потребность «в конформизме, единообразии и стандартизации, кото-

---

[48] Там же. С. 326.
[49] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000. С. 114.
[50] Там же. С. 115.
[51] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 316.

рые характеризуют настоящую стадию этой “индивидуалистической” цивилизации».[52] Основная проблема заключается в том, что обращение к негативной групповой идентичности, преобладающей у части молодежи, особенно в больших городах, а также религиозная маргинальность не способствуют формированию позитивной идентичности. По Э. Эриксону, «молодежные лидеры», т. е. привлекательные для молодежи политические фигуры, должны обладать набором неких качеств. Ими могут быть индивиды с необычайной глубиной личностного конфликта, которые также часто «имеют необыкновенные дарования и сверхъестественное везение, с которым они присоединяют к кризису целого поколения решение их собственного личностного кризиса — всегда, как это формулировал Вудро Вильсон, “влюбленные в широкомасштабную деятельность”, всегда чувствующие, что их единственная жизнь предназначена для того, чтобы иметь значение для жизней всех людей, всегда убежденные, что то, что было для них… откровением, следует разделить со своим поколением и со многими, чтобы достичь цели».[53] Но за маской некоторых наиболее активных политических лидеров, находящихся в зрелом возрасте, также можно легко обнаружить подростков «с вечной боязнью штиля взрослости».[54]

Преимущественно в юношеском возрасте, сталкиваясь с проблемой кризиса идентичности, человек стремится «совместить быстро меняющиеся и резко противоположные остатки национальных, региональных или классовых идентичностей».[55] Этот кризис сопровождается утратой ощущения тождественности самому себе, целостности и веры в свою социальную роль. Подобное состояние может возникать в ситуации, когда резкая смена социальной и политической обстановки сделала политические взгляды индивида неуместными или резко снизила его социальный статус. «Бессчетное количество людей глубоко пережили угрозу болезненной потери “эго-идентичности” в результате радикальных исторических перемен».[56] Значительный темп социальных и политических перемен в обществе может восприниматься людьми как явная угроза их позитивной идентичности.

Очевидно, негативную политическую идентичность нельзя рассматривать только как признак деструктивного состояния политического сознания или обязательный элемент лишь кризисного общества, резко

---

[52] Там же. С. 204.
[53] Там же. С. 273.
[54] Там же. С. 274.
[55] Там же. С. 75.
[56] Там же. С. 78.

меняющего идеологические установки и трансформирующего политическую систему в целом. Как было показано выше, негативная идентичность является обязательным этапом развития личности. Она может служить ступенью формирования политической идентичности. Кроме того, негативную идентичность мы можем обнаружить и в странах стабильной демократии, причем не обязательно у политически экзальтированных личностей. Согласно выводам М. Уоттенберга и Х.-Д. Клингеманна, сделанным на основе изучения установок избирателей в США и Германии, можно выделить три условные группы: избиратели, имеющие позитивный образ одной партии и негативный – другой; «балансирующие» (колеблющиеся) избиратели, четко представляющие положительные и негативные признаки основных конкурирующих партий; апатичные некомпетентные избиратели, не имеющие четких представлений о партиях, а потому и не способные вынести о них какое-либо суждение, оценить их деятельность. Классификация эта достаточно схематична, но в данном случае важно, что негативная идентификация может быть «оборотной стороной медали» — четкого осознания существования «своей» партии и поляризации политических взглядов избирателей.

«В предреволюционные периоды под влиянием двойного опыта — когда падают правительства, лишенные поддержки масс, и когда индивид, потерявший ориентиры, что хвалить и что хулить, ищет новую опору»,[57] чаще всего и возникает кризис политической идентичности как отдельных индивидов, так и целых социальных групп. «Юности необходимо основывать свои предпочтения на идеологических альтернативах, реально относящихся к существующему кругу альтернатив, и в периоды радикальных изменений это специфически подростковое пристрастие начинает доминировать над коллективным разумом».[58] Впрочем, любой исторический период предлагает ограниченный набор социально значимых моделей, которые могут успешно сочетаться в процессе идентификации.[59]

«Политическая культура», «электоральное поведение», «неконвенциональное поведение» и т. д. — вполне устоявшиеся политологические категории. Но к негативной политической идентификации интерес в теоретической и прикладной политологии только возникает, это понятие представляет собой своего рода «тайну за семью печатями».

Во-первых, как следует определять негативную политическую идентичность? Как отсутствие идентификации с каким-либо политическим

---

[57] *Ноэль-Нойман Э.* Указ. соч. С. 117–118.
[58] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 200.
[59] Там же. С. 63.

движением? Как осознанное неприятие определенной политической идеологии, партии, движения, политического лидера?

Во-вторых, каким должен быть методологический подход, наиболее адекватный изучению этого явления? Чаще всего у авторов конфликтной модели доминирует марксистский подход к анализу негативной политической идентификации. Также используется и функциональная модель, в рамках которой проявление данного типа идентификации рассматривается как дисфункция социальных и политических институтов общества. Некоторые исследователи придерживаются «мультимидийного» подхода, считая формы политической активности способом проявления негативной политической идентификации (при этом исследуются формы неконвенционального политического поведения).

В-третьих, внимание исследователей привлекает роль (функции) негативной политической идентификации граждан в политической жизни общества. Характер политической идентификации рассматривается исследователями как значимая характеристика политической жизни общества, позволяющая, с одной стороны, косвенным образом оценить уровень его демократичности и стабильности, а с другой — как показатель особенностей политической культуры граждан страны (например, политической толерантности).

В-четвертых, важным является вопрос и о том, с помощью каких эмпирических индикаторов можно «замерить» негативную политическую идентификацию. Наиболее часто для этого используется «лобовой» вопрос: «За какую политическую партию (вариант — за какого политического лидера) вы не проголосуете никогда?». По данным исследований 1994–1999 гг., проведенных Институтом социологии РАН и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, от 34 до 37% опрашиваемых при ответе на этот вопрос выбирают значение «нет такой (такого)». Кроме того, косвенным индикатором могут служить ответы на вопросы, построенные на основе методики неоконченных предложений: «Идеальный политик должен быть таким, как…», «По политическим взглядам я похож на …».

Как показывают результаты социологических исследований, менее 4% наших сограждан отождествляют себя с политическими деятелями. По данным общероссийского опроса 1998 г.[60] «часто» идентифицировали себя с людьми, близкими по политическим взглядам и позициям 30,6% россиян, «иногда» — 42,3%, «практически никогда» — 26,2%, затруднились ответить 0,9% опрошенных. Итак, в конце 1990-х годов

[60] Опрос проведен Российским независимым институтом социальных и национальных проблем.

72,9% россиян в той или иной степени идентифицировали себя с другими людьми по характеру политических воззрений. Для сравнения отметим, что в 1992 г. таковых было 53,6%.

Рост числа людей, стремящихся идентифицировать себя по политическому признаку, свидетельствует о том, что процесс адаптации населения к новым экономическим, социальным и политическим условиям близок к завершению. Вместе с тем знаменитый лозунг о деидеологизации российского общества (внедряющийся в сознание обывателей средствами массовой информации с опозданием на три десятилетия по сравнению с европейскими странами) требует дополнительной проверки. Достаточно сказать, что заметен рост числа людей, никогда не испытывающих чувства общности с другими людьми по политическим взглядам и позициям (в 1998 г. – 26,2% по сравнению с 15,2% в 1992 г.). 44,6% россиян не относят себя к сторонникам каких-либо идеологических течений. Их электоральное поведение строится на основе прагматических соображений.[61]

Политическая идентификация наших сограждан характеризуется некоторыми особенностями. Одна из особенностей состоит в том, что россияне идентифицируют себя в большей степени не с движением, партией или идеологией, а с лидером, персоной и в формах, отличных от официальных (общепринятых) форм политической активности. Примерно до 1998 г. наблюдалось тяготение людей к «крайним моделям» политического спектра. Значительным остается количество граждан, не способных однозначно определить свои политические предпочтения. Если в странах стабильной демократии их количество колеблется на уровне 15–25%, то в нашей стране этот показатель достигает 40–45%.

Сохраняется неустойчивость политических предпочтений россиян. У значительного числа наших сограждан, ощущающих свою социальную ущемленность, политическая идентификация реализуется в рамках негативной модели. Безусловно, психологическое дистанцирование как стадия политической идентификации вполне оправданно, так как позволяет при помощи символических форм, в том числе и языка, четко определить отношение к внешнему миру, разграничить «свое» и «чужое», коммуникативно сблизиться с «такими же, как он», и эффективно взаимодействовать с другими людьми.

В процессе самоидентификации, определения человеком его места в «поле политики» очень важным является характер конкретной группы. «Своими» становятся по причине общего происхождения (принадлежность к одному этносу, социальной группе, происхождение из одного

---

[61] *Осенний* кризис 1998 года: российское общество до и после. М., 1998. С. 40–42.

города или региона, окончание одного вуза) или в результате символического посвящения в члены некой корпоративной группы (членство в какой-либо политической партии, контакты с представителями властной элиты, например, выполнение функций помощника депутата Государственной Думы, Законодательного собрания с доступом в их помещения и т. д.), когда человек посредством ритуала идентифицируется с новой группой, принимает ее правила.

В случае кризисного развития общества негативная модель политической идентификации становится преобладающей. Ее признаками являются отказ от выбора политической партии, которая выражает интересы данного индивида или его статусной группы, а также крайне агрессивное отношение к представителям любых политических движений или движений, воспринимаемых в качестве «чужих». В посткоммунистическом пространстве негативная политическая идентификация может становиться результатом длительного и тщательно скрываемого неприятия системы ценностей и «огосударствленной» партии, активно навязывавшихся пропагандой в период господства коммунистической идеологии. Р. Роуз и У. Мишлер в 1995 г. провели сравнительное исследование установок жителей Венгрии, Польши, Румынии и Словении. В результате выяснилось, что помимо коммунистических партий и их «наследниц» объектом негативной идентификации могут выступать политические объединения «крайнего спектра» и партии, выражающие интересы меньшинств (например, национальных) или закрытых групп (например, партии, выражающие интересы промышленной или финансовой элиты).

Р. Роуз и У. Мишлер выделили четыре типа избирателей: 1) «негативисты», имеющие четкое представление о том, за какую партию они не будут голосовать в любом случае, но не имеющие четкого позитивного образа партии; 2) «закрытые», имеющие четкие представления о позитивных и негативных «образцах» партий; 3) «открытые», позитивно относящиеся к какой-то партии, но не имеющие образа «врага»; 4) «апатичные», не имеющие никакой идентификации. Как видим, в этой схеме нет жесткой «привязки» негативной и позитивной идентификации к уровню электоральной активности избирателей.

Негативная идентификация часто целенаправленно формируется политическими движениями и объединениями, и здесь прослеживаются определенные закономерности. При внешне радикальном отрицании существующих устоев политической жизни оппозиционные политические движения оперируют только устоявшимися, расхожими идеями, облаченными в привычную для обывателя форму. Эксплуатация очень небольшого числа тесно взаимосвязанных и постоянно повторяющихся

«символов веры» сочетается с редукцией (упрощением) символики и ритуалов. Граждане должны объединиться в отрицании символики какой-либо партии или идеологии. Система декларируемых политических идей при этом обладает претензией на создание универсальной картины мира. При всей своей простоте и доступности основные положения идеологии не должны подвергаться угрозе практической проверки. Данная система идей провозглашается вечной, в противном случае возникает угроза ее самоликвидации. Допускается и претензия на тотальный контроль за жизнью своих сторонников. Образ «врага», помимо деструктивных функций, выполняет также конструктивную функцию, способствуя консолидации вокруг базовых ценностей данной группы, ее лидеров и преодолению имеющихся внутренних разногласий. Отношение к представителям другой политической ориентации как к врагам включает в себя психологическое неприятие, отторжение, предполагает агрессивность поведения, направленного на устранение противника. Это проявляется в разговорном языке, в системе образов, стереотипов, идеологических шаблонов и штампов, которыми оперирует массовое сознание. Групповое сознание воспроизводит упрощенную полярную модель мира и конкретной ситуации, при этом используется конфронтационная лексика («идейный враг», «оплот коммунизма», «чикагские мальчики» и т. д.). Все неприемлемое для данной группы приписывается противоположной стороне, способствуя «канализации» существующих проблем, сохранению и консолидации групповых ценностей.

Любая группа, которая ставит перед собой политические цели, вынуждена определять группы потенциальных союзников, нейтральные группы, отказывающиеся от взаимодействия, но лояльные за отсутствием пересечения интересов, а также изначально враждебные группы. При этом создаются стереотипные образы условного представителя этих групп, прежде всего «врагов». Как пишет Л. Козер, «можно “найти” и внутреннего врага, его можно просто изобрести для того, чтобы, объединившись в ненависти к нему, группа обрела столь необходимую ей социальную солидарность».[62]

Общая схема формирования концепции и образа «врага» основывается на определенных социокультурных мифах («социальной мифологии») и включает в себя ряд элементов.

1. Используются сокрытие или ограничение информации о других группах (принцип «тайны»), что создает их деформированный (в желательном направлении) образ. Само по себе уменьшение информации дистанцирует группы друг от друга, превращает их в «нейтральных чу-

[62] *Козер Л.* Указ. соч. С. 133.

жих», хотя еще и не «врагов». Внешняя изоляция может дополняться самоизоляцией политической группы, запрещением или уменьшением контактов с представителями других групп с целью продемонстрировать идеологическую идентичность и сохранить нравственные принципы социально-статусной группы. «Когда экономический и социальный статус группы в опасности, имплицитные этические установки приобретают более ограниченный, магический, более замкнутый и нетерпимый характер, внешняя опасность как бы кажется идущей изнутри».[63]

2. Представители противоположных политических ориентаций изображаются лишенными человеческого начала. Их цели не похожи на обычные человеческие. Они действуют как беспощадные механизмы, которым чужды понятия нравственности, человечности, совести и т. д. («враги» не способны страдать, любить, сомневаться).

3. Активно может проводиться мысль о том, что представители иных политических ориентаций не имеют обычного человеческого лица. Их заменяют стереотипные уродливые и отвратительные маски (например, политические карикатуры во время избирательных кампаний), символ коварства, «игры не по правилам».

4. Поскольку «чужие» не признают никаких общепринятых правил борьбы (их поведение аномально, а ценности извращены) и им нельзя доверять, представители «своей» статусной группы получают право поступать беспощадно, не задумываясь о соответствии своих действий общечеловеческой морали. Таким образом, оправдывается неизбежность жестких ответных действий, которые не следует оценивать с точки зрения общечеловеческой морали и ценностей.

5. Враги анонимны, поэтому не имеют права на собственное имя и обозначаются кличкой, прозвищем, псевдонимом, могут именоваться обезличенным указательным «они», «те», речевой конструкцией, образованной от фамилии лидера («баркашовцы», «жирики», «лимоновцы»), или абстрактной этнической («лица кавказской национальности», «азеры», «хачики»).

6. Важную роль при формировании концепции врага играет национальная принадлежность. Всем представителям иной (нетитульной) национальности приписываются безнравственное поведение, ужасные черты характера и привычки, отсутствие культуры и стремление ее уничтожить.

7. Если представителей враждебной политической группы не удается «уличить» в «инородности», то прибегают к приему их клеймения как «внутреннего врага» (обычно как агентов иностранных спецслужб). На-

---

[63] Там же. С. 65.

пример, весьма значительная часть россиян абсолютно убеждена, что «так называемые демократы» предают национальные интересы нашей страны в пользу мирового сионизма, США и Западной Европы. Обвиняют в этом и коммунистов-капиталистов. Существует устойчивое стремление провести ассоциативные линии между лидерами ЛДПР и руководством Ирака и других авторитарных стран мусульманского мира.

8. Традиционно используется объявление психически ненормальными представителей определенной политической ориентации.

9. В нашей стране весьма эффективно используется так называемый принцип «недостаточности» с указанием, например, на высокий уровень материального благосостояния или характер питания «врага» (часто вполне обосновано): «В то время как мы (наши дети)… они …».

Негативная идентификация в кризисном обществе выполняет мировоззренческую, компенсаторную и консолидирующую функции и наиболее характерна для низкостатусных групп. Эмпирические исследования, проведенные Центром эмпирических политических исследований философского факультета СПбГУ в Ленинградской области (ноябрь – декабрь 1997 г.) и в Санкт-Петербурге (август – декабрь 1998 г.), показали высокий уровень негативной политической идентификации среди трех социально-статусных групп: у молодежи со средним специальным образованием в возрасте до 21 года, у пенсионеров безотносительно к характеру их образования и деятельности в трудоспособном возрасте, а также в профессиональных группах «силовиков» и «управленцев». Что касается последних двух профессиональных групп, то вербальная демонстрация с их стороны негативного отношения к некоторым политическим партиям и движениям в действительности является формой проявления лояльности своему «работодателю», своего рода сигналом: «Мы не признаем “несистемные” партии, политикой не занимаемся».

Негативная политическая идентификация так или иначе связана с отношением к власти. Неприятие по политическим мотивам, дистанцирование (4% высказываний) персонифицировано, адресно («наглецы в Думе», «Немцовы, Гайдары и другие, не нужные в обществе»).[64] Таким образом, дистанцирование от власти актуализировано в сознании россиян, традиционное отчуждение от нее не преодолено полутора десятками перестроечных и постперестроечных лет. Примечательно, что уровень негативной идентификации по политическим мотивам в России в конце 1990-х годов количественно доминирует над уровнем позитивной политической идентификации.

---

[64] *Климова С. Г.* Указ. соч. С. 57.

Все исследователи едины в том, что различие между «нами», «нашей» группой, «внутренней» группой и «другими», «чужими», «внешней» группой возникает в конфликте и через конфликт. Это относится не только к классовым конфликтам, хотя для многих это самый очевидный пример. «В национальных, этнических и политических конфликтах, в конфликтах разных слоев бюрократических структур — повсюду проявляется та же самая закономерность».[65] Еще по утверждению Г. Зиммеля, представители одного слоя или одной касты сплачиваются по причине их общей враждебности к членам другого слоя или другой касты. Таким образом, иерархия отношений сохраняется именно по причине антипатии, которую представители подгрупп в рамках единого общества испытывают друг к другу.[66] Здесь необходима оговорка. Как уже было отмечено, внешние группы далеко не всегда становятся объектом враждебных чувств; наоборот, при определенных условиях они могут выступать в качестве позитивного референта. С ними можно соперничать, равно как и возмущаться ими. Но при этом социальная система не разрушается.[67] В классической индийской кастовой системе межкастовые конфликты редки потому, что низшие и высшие касты одинаково относятся к кастовому делению. Легитимность — это важнейшая промежуточная переменная, без учета которой невозможно предсказать, проявятся ли в реальном конфликте чувства враждебности, порожденные неравным распределением прав и привилегий.[68] В обществах, где восходящая мобильность институционализирована, преобладает не предписанный, а достижительный статус, враждебность в отношениях между стратами смешивается с сильным позитивным влечением к тем, кто стоит выше в социальной иерархии и задает модели поведения.[69] Ранее предполагалось, что групповые границы создаются посредством внешнего конфликта; таким образом, группа самоидентифицируется в борьбе с другими группами. Г.Зиммель доказал, что внешний конфликт усиливает внутреннюю сплоченность группы и ее централизацию.[70]

Изменения в степени согласия с существующим распределением власти, богатства и статуса тесно связаны с изменениями в отборе референтных групп в изменяющихся социальных ситуациях. Когда социальная структура более не считается легитимной, индивиды, занимающие сходные социальные позиции, в ситуации конфликта объединяются в

---

[65] *Козер Л.* Указ. соч. С. 54.
[66] Там же. С. 55.
[67] Там же.
[68] Там же. С. 57.
[69] Там же. С. 56.
[70] Там же. С. 111.

группы с общими самосознанием и интересами. Предрасположенность необязательно выливается в конфликт. Важнейшими промежуточными переменными, влияющими на возникновение конфликта, являются степень и способ легитимации власти и системы статусов.[71] В конфликтах внутри закрытой группы одна сторона ненавидит другую тем сильнее, чем большую видит в ней опасность единству и идентичности группы. Чем выше степень участия и личностная вовлеченность членов группы, тем выше напряженность конфликта и, следовательно, острее реакция на нарушение групповой лояльности.[72] «Состояние конфликта настолько сближает членов группы и подчиняет их единому импульсу, что они должны либо выступить единым фронтом, либо совершенно порвать связи друг с другом».[73] Интересна ситуация, когда угнетаемый обращается к человеку с таким же статусом пренебрежительно (например, афро-американцы называют друг друга презрительно «ниггер»). По мнению Э. Эриксона, подобная негативная идентичность угнетенных является проявлением интересов угнетателей, поскольку демонстрирует отражение бессознательной, также негативной, идентичности доминирующих групп и дает доминируемым группам «хотя и хрупкое, но все же ощущение цельности».[74]

2.3. Функции политической идентификации

Как любое социальное явление политическая идентификация выполняет в обществе явные и латентные функции. Данное разделение, предложенное Р. Мертоном в середине XX в. в «Социальной теории и социальной структуре», основано на критериях целеполагания и степени осознанности возможных последствий событий. Под явными функциями понимают следствия, которые для участников процесса являются намеренными и осознаваемыми, а под латентными – не предполагающие их осознанности и намеренности.

Авторы «Американского избирателя» выделили четыре основные функции партийной идентификации в демократическом обществе с устойчивой партийной системой.[75]

Во-первых, партийная идентификация способствует формированию

---

[71] Там же. С. 57, 58, 59.
[72] Там же. С. 95.
[73] Там же. С. 111.
[74] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 317.
[75] *Abramson P. R.* Political Attitudes in America. Formation and Change. San Francisco, 1983. P. 72–75.

общественного мнения. Граждане получают достаточно большой объем информации о политических событиях, но при этом имеют очень ограниченные временные возможности для их анализа. Тем не менее большинство избирателей имеют устойчивую схему сортировки, оценки и интерпретации новой информации. При этом лишь некоторые граждане обладают устойчивыми, целостными, непротиворечивыми идеологическими воззрениями и используют их для анализа политических процессов. Большинство же оценивает изменяющуюся политическую ситуацию через призму лояльности к определенной партии. Партийная идентификация создает некое «сито», с помощью которого индивид пытается просеять происходящие политические события и выяснить, что наиболее соответствует его скрытым предпочтениям и ориентациям. Чем более устойчива идентификация с партией, тем более очевиден принцип этого выбора. Но вопрос о том, насколько идентификация с партией влияет на восприятие политической информации, в исследовании Э. Кемпбелла прямо еще не ставился.

Во-вторых, партийная идентификация влияет на электоральное поведение. Авторы «Американского избирателя» утверждали, что партийная идентификация и ориентация на партии (эти понятия не тождественны) являются самыми важными детерминантами электорального поведения людей. Сейчас эту позицию разделяют многие исследователи, но в начале 1960-х годов подобное утверждение выглядело весьма спорным. Было известно, что хотя в 1950-е годы более 50% американцев определяли себя более демократами, чем республиканцами, на выборах 1952 г. и 1956 г. две президентские кампании выиграли именно республиканцы. Э. Кемпбелл показал, что в эти годы до 99% «сильных» республиканцев голосовали за Эйзенхауэра, а среди «сильных» демократов на этих президентских выборах за Эйзенхауэра голосовали соответственно только 16 и 15%.[76]

В-третьих, партийная идентификация связана с психологической вовлеченностью в политику. Люди с выраженной устойчивой партийной идентификацией интересуются политикой, более осведомлены о шансах на победу во время выборов и более склонны к участию в голосовании. В классическом исследовании Э. Кемпбелла не был дан ответ на вопрос о том, как лояльность к партии связана с политическими интересами, каким образом политические интересы «привязывают» людей к партии. Вероятно, оба эти процесса взаимосвязаны. Чем более выражено ощущение привязанности к одной из политических партий, тем больше человек интересуется политикой и оказывается вовлеченным в политиче-

[76] Ibid. P. 73.

ские баталии. Считается, что «независимые» основывают свой электоральный выбор, ориентируясь на личности кандидатов или предлагаемые способы решения проблем, а не на партийные «ярлыки». Но в действительности они менее информированы о политике, меньше стремятся участвовать в принятии политических решений, практически не вовлечены в политический процесс.

И, в-четвертых, высокий уровень партийной идентификации среди электората препятствует созданию новых партийных движений и благоприятствует стабильности существующей партийной системы. В те времена, когда избиратели бывают не удовлетворены деятельностью существующих политических партий, новые партии или партии с ограниченным числом сторонников имеют реальную возможность приобрести вес в политической жизни общества. Но избиратели с «сильной» партийной лояльностью могут оказать сопротивление укреплению новых партий или лидеров, не вписывающихся в традиционную партийную систему. Чем большее количество граждан имеет сильную партийную идентичность, тем более защищена существующая партийная система.

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что избиратели сохранят свою партийную идентичность, но «высокий уровень скрытых предпочтений среди электората обеспечивает некоторое пространство для существующих партий в развитии новой политики».[77] Есть основание полагать, что даже при сложившейся системе политических партий в качестве редчайшего исключения все же может возникнуть ситуация поиска новых политических партий для выражения иных, нестандартных политических установок. Это может происходить и потому, что по меньшей мере одна или несколько из существующих партий готовы прислушаться к ожиданиям, новым требованиям населения.

Когда политологи обсуждают проблему политической идентификации, то речь идет прежде всего о возможности прогнозирования электорального поведения избирателей. Считается, что в современном обществе идеологическая идентификация избирателей с кандидатом значима «для определенной части электората, которая представлена в основном политической элитой, составляющей от силы 10–20% от всего электората. Роль же идеологического фактора при решении массового избирателя незначительна».[78] Утверждение о голосовании преимущественно на основе идеологической идентификации именно элитарных групп представляется в достаточной степени спорным. Чтобы убедиться в этом,

---

[77] Ibid. P. 74.
[78] *Политическая* реклама. М., 1999. С. 220.

следует проанализировать характер голосования представителей старших возрастных и низкостатусных социальных групп в нашей стране.

Партийная идентификация связана, по утверждению Е. В. Егоровой-Гантман, с двумя моделями поведения избирателей. Прежде всего избиратели могут воспринимать партию как некий символ, связывать в своем сознании ее «стратегический образ» со временем ее господства и потому стремиться поддерживать ее. Кроме того, партия может ассоциироваться с наиболее яркими ее лидерами. Данные модели ориентации на партии, безусловно, точно описывают российскую действительность, когда в условиях нестабильности партийной системы и «избыточного» числа политических партий, не очень различимых по их политическим программам, выбор партийного лидера оказывается наиболее важным «маркером» при голосовании.

Но в целом прогнозирование результатов голосования на основе только партийной идентификации избирателей оказывается весьма проблематичным, поскольку на поведение электората оказывает влияние целый комплекс разнородных факторов. Это достаточно хорошо понимали классики теории партийной идентификации. Партийная идентификация влияет на выбор избирателя, но сама по себе без дополнительных факторов не является причиной участия в голосовании. Конечно, наличие устойчивой партийной идентификации значительно облегчает электоральный выбор не очень хорошо информированному (компетентному) и заинтересованному в политике избирателю. Приведем три варианта классификации мотивов электорального поведения (они не отличаются друг от друга принципиально), в которых фигурирует партийная идентификация.

Согласно предложенной в середине 1980-х годов схеме М. Шэнкса – У. Миллера[79] на электоральный выбор в следующей временнóй последовательности воздействуют факторы: а) фиксированные личные (демографические) характеристики; б) приобретенные личные характеристики (статусные — образование, род деятельности, место жительства, круг общения и т. д.); в) идеологические диспозиции; г) партийная идентификация; д) оценка деятельности кандидатов; е) чувства и аффекты, вызываемые кандидатом. После прохождения этих стадий и следует собственно электоральный выбор.

Т.Дж. Колтон предложил модель объяснения электорального поведения на основе анализа: а) социально-статусных характеристик избирателей; б) их оценки экономической и политической ситуации; в) пар-

---

[79] *Shanks M., Miller W.* Policy Direction and Performance Evaluation: Contemporary Explanations of the Reagan Elections. New Orlean, 1995.

тийной идентификации (предпочтения); г) позиции по конкретным вопросам; д) ретроспективных оценок инкумбентов (уже занимающих властные посты политиков); е) оценок персональных качеств политических лидеров; ж) перспективных ожиданий избирателей от партий и кандидатов и степени их соответствия предвыборным программам политических игроков.[80] Данные классификации однотипны, они являются модификацией более старой модели, предложенной еще в 1960-е годы.

Согласно первоначальной версии, также с учетом временнóго аспекта, выделялись следующие пять групп факторов электорального выбора: 1) социально-демографические факторы; 2) партийная идентификация; 3) личность кандидата; 4) особенности избирательной кампании (характер рекламы, наличие негативной рекламы и использование «грязных» технологий); 5) обсуждение выборов с близкими, друзьями и сослуживцами.

В развернутом виде эта схема выглядит так. Каждый избиратель имеет определенную предрасположенность голосовать в зависимости от своих социально-демографических характеристик. Эта предрасположенность проявляется в следующем: у каждого избирателя есть некое абстрактное представление о том, как он «обычно» поступает во время выборов. При этом не имеет никакого значения, насколько его представления о собственном поведении соответствуют действительности. Он, например, может «помнить», что голосовал на всех последних выборах, хотя это и не так. Важно другое: подобное ощущение «привычного» поведения жестко связано с представлениями людей о том, как поступают типичные представители их социальной и статусной группы.

По мере приближения выборов, но, возможно, даже до объявления их, для индивида более значимым оказывается персонифицированное чувство близости к определенной партии. Непосредственно после регистрации кандидатов и при получении информации о них внимание избирателя фиксируется на личности претендентов. Значимость их партийной принадлежности присутствует в сознании избирателей уже в «снятом виде», ее актуальность если и не снижается, то уходит на второй план, а внимание фиксируется на личности кандидатов.

Затем избиратели оказываются жертвами массированного воздействия разгорающихся предвыборных баталий. И, наконец, непосредственно перед выборами наибольшее влияние на принятие решения о голосовании начинает оказывать «ближний круг» общения. Как видим, с помощью только партийной идентификации объяснить решение избирате-

---

[80] *Colton T. J.* Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia. Cambridge; London, 2000.

лей о голосовании невозможно, тем не менее она признается значимым фактором электорального поведения.

Но прогнозирование характера голосования – лишь одна из функций политической идентификации в обществе, причем явная. Следует отметить также то, что политическая идентификация выполняет функции индикатора восприятия членами общества стабильности партийной системы, в том числе и политической системы в целом, легитимности власти и политического режима. Поэтому изучение политической идентификации граждан, особенно в условиях нестабильного общества, представляет высокую эвристическую ценность для ученых-политологов и политиков-практиков.

В целом политическая идентификация выполняет важную функцию структурирования общества. Безусловно значимой является и такая ее функция, как интеграция интересов социальных групп. По сути дела политическая идентификация фиксирует корпоративное настроение реально существующих или символических групп, объединений или институтов. Это можно продемонстрировать на следующем примере. В 1980 г. в Германии была проведена серия экспериментов по выявлению особенностей восприятия телезрителями выступлений политика в зависимости от степени совпадения его политической идентификации с политической идентификацией телезрителей и журналиста. В качестве материала для анализа использовались записи интервью с Г. Шмидтом, Г. Колем, Ф. Й. Штраусом и Ф. Геншером. Эти исследования позволили убедительно доказать, что характер совпадения политических взглядов кандидата и ведущего вне зависимости от политических взглядов телезрителей делал персону кандидата более привлекательной. В случае несовпадения политических установок политика и телеведущего публика была склонна сопереживать последнему.[81]

Существенной латентной функцией политической идентификации выступает социальный контроль. Предлагая через систему СМК и встраивая в процесс социализации контролируемый набор социально одобряемых (в данном случае элитой) моделей политической идентификации граждан, власть может вполне успешно осуществлять функцию социального контроля, обеспечивать достаточно высокий уровень согласия среди населения путем «затушевывания спорных проблем». Это можно проиллюстрировать на следующем примере. В России власть стремится все сильнее влиять на политическое сознание граждан. Не стоит связывать этот процесс только с деятельностью нынешнего Президента Российской Федерации. Фактически данный процесс на-

[81] *Ноэль-Нойман Э.* Указ. соч. С. 235–236.

чался еще в 1993 г., когда на статус «партии власти» претендовало движение «Демократический Выбор России», затем в 1995 г. – «Наш Дом Россия». В 1996 г. буквально через неделю после победы во втором туре президентских выборов Б. Н. Ельцина его командой были проведены мозговые штурмы для определения основных задач его деятельности и методов их решения. 20 июля 1996 г. была подготовлена аналитическая записка «Оппозиция и власть после выборов», в которой среди прочих задач была сформулирована следующая: «Партия власти должна обеспечить преемственность власти, противостояние оппозиционному блоку в сфере публичной политики и политической практики, идеологическое, информационное обеспечение курса, постоянную связь с избирателями, создание объекта социально-политической идентификации избирателей».[82]

Устойчивая политическая идентификация членов организации повышает эффективность ее деятельности и выполняет некую психотерапевтическую роль для людей, входящих в эту структуру. «Эффективность политической организации базируется на ряде условий, среди которых одно из важнейших — идентификация индивида со своей группой. Принадлежность к сплоченной группе помогает личности снизить тревожность, дает ощущение своей сопричастности социально значимым целям, удовлетворяет другие важнейшие человеческие потребности. Сказанное относится не только к отношениям внутри партий, но и к отношениям между партиями, блоками, с одной стороны, и их электоратом — с другой».[83]

Формирование общественного мнения в условиях демократии исследователи также относят к одной из функций политической идентификации. На наш взгляд, это утверждение носит спорный характер. Весьма значимой функцией социальной и политической идентификации граждан является потребность в признании. «Стремление к признанию — чрезвычайно мощный элемент психики; такие чувства, как гнев, гордость и стыд, служат основой для политических страстей и создают мотивацию многих процессов политической жизни».[84] В некоторых случаях устойчивая политическая идентификация сама по себе выполняет роль мотивации поведения, способствует преобразованию потребностей в действия. Кроме того, она помогает людям ориентироваться в политическом пространстве, позволяет оценивать происходящее.

---

[82] *О времени* и о семье // Власть. 2001. 30 янв. С. 8.

[83] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 148.

[84] *Фукуяма Ф.* Доверие // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 159.

Э. Эриксон считал, что идентичность «служит выживанию».[85] Это высказывание можно понимать как декларацию такой ее функции, как адаптация индивида или социальной группы к политической ситуации. Очевидно, более склонны игнорировать свою политическую идентичность при принятии решения о характере голосования люди, ощущающие себя изолированными, «лица со слабым самосознанием», для которых страх изоляции оказывается сильнее, чем опасность выбора человека, чьи политические устремления он не разделяет. Именно эти избиратели во время голосования будут более подвержены «сдвигу последней минуты».[86]

В связи с проблемой политической идентичности возникает вопрос и о том, насколько она связана с потребностью человека не отличаться от большинства. По версии Г. Тарда, способность к имитации связана со страхом человека перед исключением из сообщества. В более поздних работах социологов во второй половине XX в. имитация рассматривается как своего рода учеба, «научение» вести себя подобно тем людям, с которыми человек себя идентифицирует. Наблюдение поведения референтной группы, осознание существующих возможностей и выгод, влекущих за собой подобное поведение, апробация подобного поведения — все это элементы, способствующие усилению определенной политической идентификации индивида.[87]

Косвенным образом влияние на характер голосования оказывает так называемый «эффект оркестрового вагона» (стремление следовать за победителем), описанный П. Лазарсфельдом еще в середине XX в. Не просто стремление быть на стороне победителей, но потребность не чувствовать себя в изоляции, опасение ощутить себя отчужденным, изгоем из-за своих политических предпочтений (эффект «спирали молчания», согласно теории Э. Ноэль-Нойман) заставляет людей не просто голосовать за явных фаворитов предвыборной гонки, но и искренне заблуждаться относительно своего отношения к ним. «Конфликт между социальным и подсознательным в человеке несомненен».[88] В силу этого, например, человек, осознающий себя наемным работником и поэтому идентифицирующий себя с идеологией марксизма, может на практике голосовать за «партию власти». Либо, признавая чрезвычайно важными ценности свободы, индивидуализма, самовыражения или даже принимая их за выражение собственной сущности, человек не связывает

---

[85] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 50.
[86] *Ноэль-Нойман Э.* Указ. соч. С. 35–36.
[87] Там же. С. 75.
[88] Там же. С. 77.

их «с принимаемыми для самого себя способами поведения».[89] Можно вспомнить высказывания А. де Токвиля о том, что в демократических странах ощущение изолированности и беспомощности настолько угнетает инакомыслящих, что доводит их до отчаяния.

Но развитие человека не начинается и не кончается идентичностью, сама идентичность для зрелого человека становится относительной. Она «необходима как якорь в быстротечном существовании человека “здесь и теперь”… за пределами детства, закладывающего этические основы нашей идентичности, и идеологии юности… Этика зрелого возраста может гарантировать следующему поколению возможность пройти полный цикл человеческой жизни».[90] И только это позволяет индивиду преодолеть границы своей идентичности, достичь действительной индивидуальности и одновременно шагнуть за ее пределы.

2.4. Индикаторы оценки политической идентичности

В эмпирических исследованиях достаточно часто используется инструментальное определение политической идентичности как «приятия или отвержения личностью определенных форм политической жизни».[91] Но любой, даже самый совершенный в методическом отношении опрос хотя бы частично искажает существующее положение дел, особенно когда речь идет о такой «тонкой материи», как политические установки. Исследователи для анализа политической идентификации обычно используют трехуровневую схему, включающую идеологический, партийный и персонифицированный уровни.

Большинство западных политологов рассматривают политическую (и прежде всего партийную) идентичность как один из наиболее надежных показателей, позволяющих определить предпочтения электората в стабильных демократических странах. В этом направлении в течение нескольких десятилетий работали такие исследователи, как У. Шивли, Э. Кемпбелл, Э. Эриксон, Дж. Белкнап, М. Франклин, Р. Дж. Далтон, М. Фиорина. Изучение политической идентичности жителей европейских стран проходит в рамках программ Евробарометра и Европейской группы по исследованию ценностей.

Методы, используемые для изучения политической идентификации граждан европейских стран и США, весьма разнообразны. Для оценки

---

[89] Там же. С. 78.
[90] Там же. С. 51.
[91] *Политический* маркетинг. М., 1998. С. 56.

типа и интенсивности идеологической идентификации используется нарративное интервью в биографическом методе, которое также позволяет выяснить жизненные стратегии. Биографический метод опирается на следующий принцип. Только личность, способная оценить собственные действия, формулировать свои предпочтения, связанные с предикатами «хороший» и «плохой», и способная опираться «на иерархию ценностей в процессе выбора возможных действий, — только такой субъект может *определять самого себя*».[92]

Весьма показателен пример интерпретации Э. Эриксоном «истории жизни» Б. Шоу: «“Я *был втянут* в социалистическое возрождение начала восьмидесятых, *весьма серьезное* для англичан, *горящее негодованием* по поводу совершенно *реальных и фундаментальных зол*, охвативших *весь мир*”. Выделенные слова имеют дополнительное значение: “Втянут в” — идеология обладает непреодолимой силой. “Возрождение” определяется традиционной силой омоложения. “Весьма серьезное” — даже циникам позволяет проявить искренность. “Горящее негодованием” — наделяет потребность в отвержении санкцией справедливости. “Реальный” — проецирует смутное внутреннее зло на ужас социальной реальности. “Фундаментальный” — обещает участие в попытках основательной реконструкции общества. “Весь мир” — структурирует определенный образ мира. Следовательно, здесь имеются элементы групповой идентичности, которая использует агрессивность и дискриминативную энергию молодых индивидов для обслуживания идеологии и помогает созданию индивидуальной идентичности».[93]

Тестирование по методу неоконченных предложений («Кто я? Какой я?», «Люди в нашей стране делятся на … и …») был введен в начале 1950-х годов. Метод неоконченных предложений относится к классическим отработанным методикам, которые, тем не менее, подвергаются критике некоторыми специалистами. Например, чрезвычайно резким в своей оценке возможностей использования теста «Кто я?» для выяснения характера идентичности был Э. Эриксон. «Еще раз подчеркивая взаимосвязь биографии и истории, я должен упомянуть о досадном и странном, никогда мной не подразумевавшемся отождествлении термина “идентичность” с вопросом “Кто я?”. Человек задает себе этот вопрос, либо временно находясь в болезненном состоянии, либо в момент плодотворного внутреннего конфликта, или в отрочестве, когда эти два состояния могут совпадать… Вопрос, по существу (если его вообще можно задать в первом лице), был бы: “Каким я хочу стать и как этого

---

[92] *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 42.
[93] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 198–199.

добиться?" Но осознание внутренних мотивов в лучшем случае способствует замене детских желаний и юношеских фантазий реалистическими целями. Достичь большего поможет лишь обновленное и более чуткое ощущение исторической реальности».[94] Однако то, что подвергают сомнению авторитетные социальные психологи, многие годы с завидным успехом используется в социологии[95] и прикладной политологии.

Время от времени высказываются сомнения в самой возможности полноценного использования этого приема для изучения не социальной, а политической идентификации, например молодежи. Дело в том, что в силу ограниченности социального опыта и возрастной специфики для молодых людей априори наиболее значимыми оказываются идентификационные стратегии, связанные с межличностной коммуникацией, и профессионально-карьерные стратегии. Кроме того, для современной российской молодежи характерно отсутствие устойчивой политической идентификации. Негативная идентификация по принципу «Я не…» не может использоваться для оценки характера политической идентичности, поскольку (пусть это звучит как каламбур) «не быть» кем-то еще не значит кем-то «быть».

Для изучения состояния идентификации россиян Фонд общественного мнения использует стандартную методику неоконченных предложений. Например, общероссийский опрос, проведенный ФОМ по репрезентативной выборке в 56 населенных пунктах 29 административных образований Российской Федерации методом личного интервью по месту жительства (объем выборки 1500 респондентов, 26–27 января 2000 г.) содержал следующие вопросы: «Такие же люди, как я, это…», «Для меня чужие — это…». Анализ социальных идентификаций чрезвычайно важен для оценки политической идентичности, ибо с его помощью можно определить, насколько представлены в «поле самоопределений» категории, стереотипы, связанные с областью политики.

Следует согласиться с С. Г. Климовой в том, что, «как и все стереотипы, эти оценки более или менее устойчивы, эмоциональны и понятны,

---

[94] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 328.

[95] Указанные тестовые методики позволили Р. Зурхеру выделить четыре базовых типа самооценки. 1. «Физическое Я» характеризует ориентированных на себя личностей, которые называют прежде всего такие свойства, как пол, возраст, рост. 2. «Социальное Я» достаточно стабильно, осознается как синтез социальных ролей, отражает фиксацию внимания респондентов на статусных, ролевых, групповых принадлежностях. 3. «Рефлексивное Я» отражает субъективную самооценку, не зависящую от внешних обстоятельств и социальных ролей. 4. «Океаническое Я» предполагает самооценку в самых общих, порой абстрактных категориях. Для политологов значимым является описание «социального Я», упоминание респонденами при описании себя идеологий, политических ценностей, политических движений, имен политиков и т. д.

распространены в обществе».[96] Результаты опроса показали, что социальная идентификация (22% респондентов, по данным упомянутого исследования ФОМа) наиболее затруднена у жителей села и малых городов. Политическая идентификация, согласно информации ФОМа, занимает только 12-е место среди иных значимых показателей социальной идентификации россиян. Показатель этот находится на уровне «шума» и составляет 1% опрошенных. Именно такое количество людей идентифицируют себя по идеологическим признакам (например, как «коммунистов»). Вместе с тем наиболее распространенные социальные идентификационные стратегии (первое место занимает критерий бедности, бесправности, обреченности – 18%, второе – критерий отнесения к символической общности – «такой, как все» – 15% высказываний) в равной степени могут означать и отсутствие политической идентификации в сознании россиян, и склонность к поддержке левых политических партий.[97]

Процедура самооценки по шкале «правые – левые» предполагает определение своего места в существующем политическом спектре (предлагается следующий вопрос: «Оцените свое местоположение по шкале “левые – правые”»). Шкала «правые – левые» неплохо работает в европейских странах, где спектр политических партий представляет собой распределение всех возможных вариантов и не смещен, подобно американской партийной системе, к центру. Кроме того, шкала «работает», если у респондента сформировались устойчивые политические и партийные предпочтения, что, в свою очередь, будет оказывать существенное воздействие на его политическое, в частности и электоральное, поведение.

В середине 1990-х годов некоторые исследователи (Х.-Д. Клингеманн) стали высказывать мнение, согласно которому страны стабильной демократии, вступившие в постиндустриальную стадию развития, характеризуются высокой степенью политической фрагментарности, индивидуализацией процессов, ослаблением классового антагонизма и снижением роли социальной стратификации в принятии электоральных решений, сближением идеологических позиций различных партий. А потому старые методики якобы не могут уже объективно отражать процесс политической идентификации граждан. Кроме того, согласно этим взглядам, люди склонны на шкале «правые – левые» выбрать «срединные» значения, тем самым дистанцируясь от радикалов любого вида. Например, в начале 1990-х годов оценивали себя как центристов 38,0%

---

[96] *Климова С. Г.* Указ. соч. С. 53.
[97] Там же. С. 54.

французов, 49,7% граждан Великобритании, 41,8% итальянцев, 54,4% американцев, в то же время относили себя к левым соответственно 9,1%, 6,1, 15,1, 3,2% и к правым — 3,4% французов, 5,2% жителей Великобритании, 4,6% итальянцев, 7,1% граждан США.[98]

В. Рукавишников вполне справедливо ставит вопрос о том, насколько традиционная методика «правые – левые» подходит для анализа политической идентификации граждан в России. Проблема, по его мнению, заключается не только в том, что в течение нескольких лет с «легкой руки» журналистов, не очень информированных в политической теории, общественному мнению предлагали версию, согласно которой в нашей стране коммунисты, во многом солидаризируясь с национал-государственниками, являются «правыми», а «рыночники-либералы» — «левыми». Критерии деления граждан на «правых» и «левых» все более размываются, уходят из сферы экономики и социальной политики. Достаточно много наших сограждан (по данным некоторых экспертов — до 30–40%) отказываются оценивать свои политические позиции по шкале «правые – левые». Причины могут быть самыми разными: слабая информированность о политических процессах и низкий интерес к политике, опасение открыто высказывать свои политические предпочтения, смешение политических взглядов («я в чем-то левый, в чем-то правый»), сознательное дистанцирование от политических процессов.

Метод оценки совпадения интересов используется в сочетании с обычным анкетным опросом и в личном интервью. Он предполагает выбор альтернативы ответа на закрытый вопрос: «Какая из политических партий или организаций, представленных ниже, в наибольшей степени выражает интересы таких людей, как вы?».

Самооценка близости политической позиции партии предполагает ответ на вопрос: «Можете ли вы сказать о себе, что вы (ваша политическая позиция) близки к какой-либо партии? Если да, то ощущаете ли вы себя очень близким, достаточно близким или просто симпатизирующим?». Выявление готовности отдать свой голос за какую-либо партию (при условии, что проводимый опрос по времени достаточно далеко отстоит от выборов) также может служить критерием оценки партийной идентичности.

Начиная с 1952 г., вслед за исследователями из Мичиганского университета, американские ученые при оценке партийной идентификации в качестве основного используют следующий вопрос: «Говоря в целом, кем вы себя обычно ощущаете: республиканцем, демократом или неза-

---

[98] *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998. С. 200.

висимым?». Тем, кто обозначают себя как сторонника той или иной партии, задают дополнительный вопрос о том, насколько «сильным» или «не очень сильным» республиканцем или демократом он себя чувствует. «Независимым» или «не имеющим предпочтений» задается дополнительный вопрос – о том, к кому они ближе, к республиканцам или демократам. По итогам этих двух вопросов строится классификация респондентов, которые делятся на семь основных категорий («сильные демократы», «слабые демократы», «тяготеющие к демократам независимые», «независимые без скрытых симпатий», «тяготеющие к республиканцам независимые», «слабые республиканцы», «сильные республиканцы»).[99] При построении данной классификации различия между теми, кто действительно ощущает себя независимыми, и теми, кто ориентируется на поддержку «несистемных» маленьких партий, не делается, поскольку число последних чрезвычайно мало и не превышает 3% всех респондентов и 1% активного электората. В особых случаях для изучения именно этой категории «независимых» классифицируют как «сильных сторонников минипартий» (несистемных партий), «слабых сторонников», «имеющих партийные предпочтения независимых» и «независимых без партийных предпочтений». Последние классифицируются как аполитичные.

Для оценки партийной идентификации в странах с устойчивой двухпартийной системой в анкету включают вариант вопроса: «К сторонникам какой партии вы можете себя отнести?». Последние два варианта вопроса об идентификации предполагают рациональность выбора при голосовании. Применительно к устойчивой многопартийной системе (например в европейских странах со стабильной демократией) голландские исследователи предложили использовать следующий вопрос: «Назовите партию, за которую вы можете когда-либо проголосовать». Причем этот вопрос рекомендуют использовать в «спокойное», достаточно далеко отстоящее от выборов время.

Вопрос о необходимости отбора релевантных вопросов и шкал для оценки партийной идентификации в различных странах поднимался

---

[99] В отечественной научной литературе значения этой шкалы переводят следующим образом: а) явные сторонники демократов, неявные сторонники демократов, лица с демократическим уклоном, независимые, лица с республиканским уклоном, неявные сторонники демократов, явные сторонники демократов (см.: *Политическая* наука: Новые направления. М., 1999. С. 266); б) «сильные» сторонники демократов, «слабые» сторонники демократов, независимые сторонники демократов, независимые, независимые сторонники республиканцев, «слабые» сторонники республиканцев, «сильные» сторонники демократов (см.: *Артемов Г. П.* Политическая социология. М., 2002. С. 195–197). Исследователи чаще используют второй вариант перевода.

исследователями неоднократно, например Д. Батлером и Д. Стоуксом в 1974 г., когда они предложили шкалу партийной идентификации для США и Великобритании. Я. Бадж и Фарли в 1976 г. обсуждали вопрос о шкале партийной идентификации для европейских стран и Канады.

В целом сама техника опросов с системой прямых (лобовых) вопросов, использованная представителями мичиганской школы, критикуется как неадекватная и не обеспечивающая должного уровня интерпретации полученной информации, например, в публикациях Б. Палмквиста, Д. Грина. Хотя «лобовые» вопросы используются для оценки политической идентичности очень часто, «жесткие социологические методы замера мнений с прямыми вопросами к респондентам, как правило, дают хороший результат лишь в случае наличия достаточно устоявшегося мнения, рационального осознания респондентами своих политических интересов и устойчивого расклада политических сил, который позволяет гражданину идентифицировать себя с той или иной партией, движением, лидером».[100] Среди россиян только у нескольких социальных групп встречаются реально сформированные предпочтения, это те, кто ориентируются на коммунистическую и либеральную идеологии.

В дополнение к шкале «правые – левые» (европейская традиция) можно использовать и ряд других показателей. Например, для анализа политической идентичности в Италии ученые дополнительно используют такие индикаторы, как отношение к капитализму, объем власти профсоюзов, распределение доходов в обществе, отношение к разводам, готовность к участию в забастовках в общественном секторе. При этом используют стандартную шкалу: «полностью согласен», «скорее согласен», «скорее не согласен», «полностью не согласен».[101]

Межпартийная взаимотерпимость (партийная толерантность) также косвенным образом свидетельствует о характере политической идентичности. Шкала (традиционный «термометр») включает деления от 0 (полная антипатия) до 100 (полная симпатия).[102]

Для нестабильных обществ (например, для стран вторичной модернизации) весьма актуальным является вопрос о выяснении значимых объектов политической идентификации. Методически наиболее надежным для решения этой проблемы представляется использование закрытого вопроса с прилагаемым перечнем возможных объектов: «С какими группами вы испытываете чувство общности?». При этом должны быть

---

[100] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 309.

[101] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 43, 45.

[102] Там же. С. 44.

указаны объекты трех уровней: идеологические, партийные, индивидуальные (личности, политики).

Следует признать, что наиболее важным для анализа политических установок россиян является вопрос о формах и характере идентификации с властями. Стало «общим местом» утверждение о колоссальном уровне отчуждения населения России от структур власти. Тем не менее исследователи явно наталкиваются на несовпадение вербального и невербального поведения граждан, достаточно вспомнить итоги выборов в Государственную Думу в декабре 1999 г. и выборов Президента Российской Федерации в марте 2000 г.

Политическая идентификация наряду с политическим поведением признается составляющей политической культуры. В большинстве работ, принадлежащих к основному потоку политологических исследований, «предпочтения, отдаваемые индивидами определенным партиям на выборах, рассматриваются в качестве надежного индикатора политической идентичности людей».[103]

К. Дженнингс считает, что предпочтение, отдаваемое политической партии, является одним из наиболее распространенных способов выражения политической идентичности в демократических обществах. Несмотря на то, что идентификация с партией как характеристика политических пристрастий индивида весьма чувствительна к изменениям в политической жизни, она является одной из наиболее устойчивых во времени черт, которые могут быть отнесены к группе политических характеристик.

В рамках концепции политической культуры Г. Алмонд и С. Верба предлагали оценивать интенсивность политических предпочтений (т. е. партийной идентификации) либо описывая «себя» и «других» – политических противников, либо оценивая уровень терпимости к бракам со сторонниками иных политических взглядов. Нужно сказать, что если для оценки первого параметра как нельзя лучше подходит методика неоконченных предложений, то для оценки второго — шкала Богардуса, в которой каждое последующее суждение исключает предыдущее. В этом случае возникает только одна проблема: с помощью данной методики, судя по всему, в действительности лучше измеряется не уровень выраженности политической идентификации, а один из параметров демократической политической субкультуры — политическая толерантность.

Отталкиваясь от понятия «мыслящий избиратель», мы попытаемся проследить, как такие переменные, как близость позиций, ретроспек-

---

[103] *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Указ. соч. С. 198.

тивные оценки деятельности правительства и партийная идентификация, могут быть интерпретированы с помощью модели формирования предпочтений при многопартийных системах.[104] Партийные предпочтения могут быть привязанными к данным выборам или ситуации, а могут иметь более общий характер. Понятие «партийное предпочтение», безусловно, связано с понятием партийной идентификации. В первоначальной версии теории мичиганских исследователей партийная идентификация определялась как постоянная позитивная идентификация с партией в качестве основного, а не ситуативного объекта установки.[105]

Более распространенный рейтинг партийных «симпатий» избирателей скорее подчеркивает сиюминутный, хотя и свойственный не только выборам, как это часто думают, характер установок. Ежемесячные опросы показывают немало взлетов и падений рейтингов различных партий. Рейтинг может оставаться относительно стабильным, даже если изменятся средний уровень симпатии и дистанция между оценками разных партий. То, что на первый взгляд кажется явной претензией на «главное политическое предпочтение дня», может содержать информацию о более постоянных составляющих партийных предпочтений, если исследователь измерит установки, расположенные между ситуативными и постоянными предпочтениями.

По мнению М. Фиорины, такая интерпретация близка к определению партийной идентификации как «текущего счета ретроспективных оценок» каждой значимой для избирателя партийной организации. На этот, не существующий счет каждой партии он постоянно добавляет позитивные и снимает с него негативные оценки в зависимости от своего представления об эффективности и направленности ее деятельности за период между выборами.

Как политические настроения, так и самоидентификация по шкале «либерализм — консерватизм» (когда респондентов спрашивают, кем они себя считают) могут быть отнесены к индикаторам политической идентичности. Для проведения идеологической идентификации американцы также традиционно задают вопрос о том, кем человек себя ощущает — сторонником консерватизма или либерализма. При этом предлагается шкала с тремя градациями (помимо «консерватизма» или «либерализма» можно выбрать также позицию «центрист», т. е. «срединную»).

Многие индивиды в действительности имеют весьма смутное представление о том, какие ценности и установки образуют консервативную

---

[104] *Политическая* наука… С. 263.
[105] Там же. С. 266.

и либеральную идеологии. Кроме того, современные версии идеологий имеют очень много точек соприкосновения. Поэтому, делая выбор, респондент чаще всего использует расхожие штампы (в США обычно либералы выступают за аборты, а многие консерваторы, включая нынешнего президента США Буша-младшего, за сохранение смертной казни и более жесткую дисциплину). «Центристская» позиция в этой шкале может означать одновременно и «смешанную» идентичность (в чем-то близки консерваторы, в чем-то либералы), разочарование в обеих идеологиях, «усталость» и «апатию», неспособность объективно оценить свои идеологические установки и отсутствие таковых, аполитичность. Соответственно трактовка результатов, полученных по этой трехбалльной шкале, вызывает определенные сомнения.

Т. Брейдер и Дж. Такер считают, что в посткоммунистических странах для формирования партийной идентификации граждан требуется определенное время. Однако три индикатора все же можно измерить: а) преданность партии, которая укрепляется за счет кумулятивного эффекта политического опыта; б) степень соответствия представлений индивида лозунгам определенной партии, поскольку по мере развития идентификации человек по многим вопросам начинает думать так же, как сторонники партии; в) рациональный характер идентичности (при этом под рациональностью авторы понимают здравый смысл и осознание приемлемости организации, речь об исчерпывающей и точной информированности избирателей относительно программы или деятельности партии не идет). Исследователи отмечают, что вербальная самоидентификация с партией не всегда совпадает с моделью поведения.[106] Методика Т. Брейдера и Дж. Такер принципиально отличается от стандартных приемов замера партийной идентификации, используемых в США и других европейских странах в течение сорока лет, со времени известного исследования мичиганских ученых под руководством Э. Кемпбелла.

По мнению А. Миллера, для посткоммунистических стран и особенно для России при изучении партийной идентификации следует задавать вопрос о том, существует ли партия, которая бы выражала их интересы лучше, чем другие объединения. Если респондент отвечает положительно, его спрашивают, что это за партия. И затем задается вопрос о том, насколько тесной ощущается респондентом эта близость к партии. Хотя первый вопрос не отражает самоопределения в категориях, использованных Э. Кемпбеллом, однако он позволяет точно определить политическую ориентацию респондента. Для эмпирической проверки

[106] Ibid.

гипотезы о наличии у российских избирателей партийной идентификации, по мнению Т. Брейдера и Дж. Такер, необходимо измерять: а) преданность и постоянство избирателей в течение определенного времени при выборе партии, за которую отдают свой голос; б) постоянство в выборе партии и ее оценку в других ситуациях; в) соответствие между интересами и верой в то, что лозунги и программа партии совпадают с ними.[107] Эти авторы подчеркивают, что чрезвычайно важно сравнивать два показателя: с какой партией респонденты вербально идентифицируют себя и каким при этом является их выбор на избирательном участке. Т. Брейдер и Дж. Такер использовали рейтинговую шкалу (так называемый «термометр» с делениями от 0 до 100) для оценки того, насколько респонденты чувствуют близость к каждой из партий. Аналогичная шкала может быть применена для оценки идентификации с наиболее яркими представителями политического истеблишмента, поскольку вне зависимости от того, являются ли они членом какой-либо организации, в общественном мнении более или менее значимые политические фигуры связываются с политическими партиями и движениями.

У. Зиммерман и Т. Колтон в 1996 г. задавали россиянам вопрос о том, могут ли они о какой-то партии сказать «моя партия». Не удивительно, что только 25% респондентов смогли назвать партию. Понятно, что подобная фраза была понята многими как вопрос об их «собственной партии» (own party), гораздо лучше было бы спросить о «Вашей партии» (your party). С. Уайт в исследовании 1997 г. задавал респондентам прямой вопрос: «Вы идентифицируете себя с какой-нибудь конкретной политической партией или движением?» На наш взгляд, групповая идентификация не может быть оценена с помощью такого «лобового» вопроса. Для многих респондентов непонятна сама постановка вопроса (что значит «идентифицировать себя с…»?). Дело не только в использовании незнакомого для многих понятия. «Имя как таковое, означающее — вот что придает идентичность объекту».[108]

При проведении Центром эмпирических политических исследований философского факультета СПбГУ опросов населения Санкт-Петербурга (1998–2001 гг.) с целью оценки партийной идентичности населения один индикатор был заимствован из программы Евробарометра (ощущение близости к той или иной партии). В качестве дополнительного контрольного вопроса учитывался ответ на вопрос о том, за какую пар-

---

[107] *Brader T.* The Emergence of Mass Partisanship // American J. of Political Science. 2001. Vol. 45. N 1. January. P. 72.

[108] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 101.

тию избиратели скорее всего могут проголосовать. Поскольку указанные опросы проводились в такие отрезки времени, когда до ближайших выборов было не менее полугода, то общественное сознание в тот момент не было объектом манипуляции СМИ и политтехнологов. Это обстоятельство как раз и позволяет оценить уровень партийной идентификации, но не дает ответа на вопрос, за кого избиратели в действительности намерены голосовать.

В отличие от большинства политологов мы считаем, что сами результаты голосования за ту или иную партию, за того или иного кандидата можно считать индикатором политической идентификации с очень большими оговорками. В данном случае мы можем зафиксировать сиюминутные политические предпочтения, которые формируются на основе политических ориентаций и одновременно являются результатом целого комплекса внешних по отношению к избирателю факторов, например умелого использования эффективных избирательных технологий. На наш взгляд, и такой показатель, как симпатия к партии, не тождествен понятию «идентификация». Необходимо соотносить положительные и негативные показатели («могу поддержать» — «никогда не поддержу»). Косвенным индикатором политической идентификации может служить мотивация голосования на выборах.

При анализе политической идентификации крайне важно использовать контрольные вопросы и вопросы-ловушки для проверки точности самооценки политической идентичности респондентами, поскольку человек может заблуждаться относительно своих собственных взглядов. Российские исследователи неоднократно фиксировали несовпадение идентификации на рациональном уровне и политических установок. Например, респондент обозначает свои политические взгляды как демократические, но при этом его общие оценки – политики, норм взаимоотношений в обществе и т. д. – являют собой образчик авторитарности. К этому следует добавить также, что вербальные самооценки и реальное политическое поведение, как правило, не совпадают.

Важнейшими параметрами оценки политической идентификации выступают его устойчивость и непротиворечивость. Первый параметр можно вычислить с помощью панельного лонгитюдного исследования, оценивая степень изменчивости установок респондентов относительно различных политических объектов в зависимости от происходящих в политике событий. Второй параметр можно оценить с помощью двух систем измерения. Во-первых, можно определить уровень соответствия идеологического, партийного и персонифицированного уровней политической идентификации. Во-вторых, можно вычислить уровень противоречивости оценок, даваемых респондентом политическим лидерам и

институтам власти, и его отношения к актуальным политическим проблемам, соотнося эти данные с его оценкой собственных политических установок.

Следует также помнить о проблеме «ложных политических установок» (Ф. Конверс), когда в ситуации личного интервью респонденты, не желая признавать свою некомпетентность в области политики, приверженность радикальным взглядам или аполитичность, дают «ситуативные» ответы (так называемый эмерджентный эффект) или оценивают свои взгляды как центристские.

Глава 3

ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

3.1. Социальная стратификация

С момента возникновения интереса к политической идентификации политологами стал активно обсуждаться вопрос о тех факторах, которые определенным образом влияют и структурируют эту составляющую политического сознания. Сторонники Колумбийской школы (П. Лазарсфельд) пытались обнаружить факторы, влияющие на политическую идентификацию, вне политической сферы, объясняя ее состояние экономическими процессами, деятельностью massmedia, общественных организаций, групп давления и т. д. Представители Мичиганского университета (Э. Кемпбелл, Дж. Белкнап, У. Миллер, Д. Стоукс) связывали партийную идентификацию с прошлым опытом участия в политической жизни, в частности голосования. По их мнению, установка в отношении партии, самоопределение проявлялись не только во время выборов, но служили своеобразной системой ориентиров при оценке текущих политических событий, повседневных практик.

Изначально внимание исследователей занимали и социально-демографические характеристики индивидов, имеющих одинаковую или различающуюся политическую идентичность. Взгляды современных политологов на роль социально-демографических факторов весьма далеки от «плоского» социального детерминизма. Они формировались под влиянием идей крупных ученых, высказанных в основном более полувека назад. Например, в свое время на основании статистических данных некоторые исследователи (П. Лазарсфельд) пришли к выводу о том, что хотя социальные характеристики и имеют огромное влияние на политические предпочтения, влияние это опосредовано местом индивида в социальной структуре. Из этого следовало, что политические взгляды индивида во многом определяются возможностью доступа к политической информации.

Еще в 1950-х годах Л. Козер указывал, что модель множественной принадлежности к группам с конфликтующими интересами и ценностями необходимо анализировать с точки зрения ее функционального значения для структуры общества. Пожалуй, все исследователи единодушны в представлении о том, что различие между «нами», «нашей» группой, «внутренней» группой и «другими», «чужими», «внешней группой» возникает в конфликте или через конфликт. Это относится не только к классовым конфликтам. В национальных, этнических и политических конфликтах, в конфликтах разных слоев бюрократических структур – повсюду проявляется данная закономерность.

Как утверждал Г. Зиммель, представители одного слоя сплачиваются по причине их общей враждебности к членам другого слоя или группы. Таким образом, иерархия позиций может сохраняться именно по причине антипатии, которую в рамках единого общества испытывают представители подгрупп по отношению друг к другу. Но «внешние» группы далеко не всегда становятся объектом враждебных чувств, при определенных условиях они могут выступать в качестве позитивного референта. Наиболее значима роль референтных групп для формирования политической идентичности в обществах, где восходящая социальная мобильность институционализирована, и преобладает не предписанный, а достижительный статус.

Когда социальная структура более не считается легитимной, индивиды, занимающие сходные социальные позиции, объединяются в группы с общими самосознанием и интересами. «В конфликтах внутри закрытой группы одна сторона ненавидит другую тем сильнее, чем больше она видит в ней опасность единству и идентичности группы. Чем выше степень участия и личностная вовлеченность членов группы, тем выше напряженность конфликта и, следовательно, острее реакция на нарушение групповой лояльности».[1]

Существенным фактором формирования политической идентичности является социальная мобильность. Когда молодой человек вступает в пору юности, получает работу и создает собственную семью, его социальные и политические интересы могут существенно отличаться от родительских благодаря вертикальной социальной мобильности. Изменение социального статуса часто сопровождается изменением политической идентификации, усвоенной в семье. Например, американец, «улучшивший» свою социальную позицию, будет, вероятно, меньше интересоваться политикой, будет меньшим либералом в вопросах внешней политики и гражданских свобод, но большим либералом в

[1] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000. С. 95.

экономических вопросах и с большей вероятностью сторонником демократической партии, чем те, над кем он возвышается на социальной лестнице.[2] Люди с нисходящей социальной мобильностью, чей социальный статус оказывается ниже родительского, более заинтересованы в политике, они консервативны в экономических вопросах, но либеральны в вопросах международной политики и гражданских свобод, чаще ощущают себя республиканцами. Социальная мобильность постепенно изменяет политические установки и политическую идентификацию людей в направлении, соответствующем их новому статусу, причем таким образом, чтобы их новые взгляды оказались между теми, какие господствовали в семье, и теми, которые отвечают их новой позиции в жизни.

Существенное влияние на характер политической идентификации оказывает место жительства индивида (тип поселения и регион). Например, южане в США чаще идентифицируют свои взгляды как консервативные и считают, что республиканская партия в большей степени выражает их интересы. Жители «глубинки» (мелких населенных пунктов) более консервативны и менее склонны обнаруживать характер своих политических предпочтений.

Этнический или расовый фактор влияния на политическую идентификацию является наиболее спорным из списка признаков социальной стратификации общества. В 1980–1990-е годы многие американские исследователи ставили вопрос о воздействии расовых отношений на формирование партийных симпатий или выбор при голосовании. Ученые при этом заняли прямо противоположные позиции. Некоторые исследователи полагали, что расовый вопрос возникает, если этническое меньшинство увеличивается количественно на определенной территории и начинает восприниматься представителями титульной национальности как угрожающий фактор их доминированию (и, как следствие, тема эта актуализируется). Согласно другому мнению расовые отношения не могут объяснить политическую идентификацию или выбор при голосовании. Например, отношение людей разных этносов к гражданским правам не связано с предпочтением той или иной партии.[3] Несмотря на все эти споры, как показывают наиболее значимые публикации по теме политической идентификации, расовый фактор американским исследователям представляется существенным (во всяком случае тот факт, что раса является основным критерием сравнения подгрупп при изучении этого явления, говорит о многом).

---

[2] *Nimmo D., Ungs T.* Political Patterns in America: Conflict Representation and Resolution. San Francisco, 1979. P. 145.

[3] *Политическая* наука: Новые направления. М., 1999. С. 252.

С 1940-х годов исследователи предпринимали неоднократные попытки выяснить взаимосвязь характера религиозной практики и политических предпочтений избирателей. Известно, например, что французские протестанты по преимуществу оценивают свои взгляды как левые, что и доказывают своей избирательной практикой, голосуя за социалистов или коммунистов. При этом «левизна» протестантов, живущих в городе, никогда не была радикальной. Оценивали свои взгляды как коммунистические в большей степени протестанты, проживавшие в сельской местности. Но «вместе с этим» не значит «по причине этого». Очевидно, что характер политической идентификации представителей различных конфессий опосредован культурно-историческими факторами и традициями.

Одним из традиционных и наиболее очевидным (но отнюдь не бесспорным) способом объяснения политической идентичности является указание на социальное окружение и происхождение индивида, т.е. на его социальные контакты. В исследовании Р. Раппопорта и К. Лэнгтона 1964 г. голосование за С. Альенде в Чили объяснялось тем, что «рабочие, жившие в рабочей среде, стали идентифицировать себя в качестве рабочих».[4] Подобный однозначный подход середины 1960-х годов отвергается современной зарубежной политической наукой. Политическая идентификация людей не является простым, прямым, непосредственным порождением социальной среды. Согласно теоретической модели 1990-х годов, доминирующей среди исследователей, «типичный обыватель», серьезно относясь к своим гражданским обязанностям, успешно избегает излишней поглощенности политикой. Граждане сами выступают в качестве собирателей и толкователей политической информации.

Э. Гидденс утверждает, что в 1970-х годах исследователи считали важнейшим фактором, «влияющим на поведение избирателей, социальный класс. Именно вследствие этого избиратели “идентифицируют” себя с той либо другой партией».[5] В наше время корреляция между классом и поведением на выборах стала менее определенной. Более значительная часть избирателей обращает внимание на политику и взгляды партий, а не просто выражает одной из них безоговорочную поддержку. В этом случае наблюдается отступление от устойчивой партийной идентификации.

Э. Гидденс, ссылаясь на позицию Айвора Крю, выделяет два фактора, способствующих этому явлению. Во-первых, значительно уменьшается роль классовых различий и увеличивается влияние сторон жизни

---

[4] Там же. С. 242.
[5] *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 303.

людей, которые непосредственно не связаны с их социальным статусом. Во-вторых, избиратели все в меньшей степени являются пленниками своих партийных предпочтений. Граждане стремятся голосовать исходя из своих сегодняшних интересов.

По мнению некоторых западных исследователей, результаты различного рода выборных кампаний (президентских, парламентских, местных) позволяют достаточно точно идентифицировать политический выбор как всего общества в целом, так и отдельных социальных групп. Итоги президентских выборов, проводимых в США в последние десятилетия, фиксируют снижение удельного веса избирателей, принимавших участие в голосовании.

Совсем неоднозначно выглядит картина электоральной активности различных имущественных, профессиональных и иных групп американского общества. Если на избирательные участки в 1992 г. пришло 63,8% занятого населения, то среди безработных аналогичный показатель составил 46,2%. Среди занятого населения наибольшую активность проявили группы самозанятых работников (71,4%) и государственных служащих (78,7%), лица, владеющие определенной собственностью и принимающие участие в управлении. Уровень электоральной активности наемных работников был сравнительно невысок, только 50,3% их общего числа приняло участие в выборах главы государства.

Существенно различается электоральное поведение и многочисленных профессиональных групп. Наиболее высокие показатели электоральной активности характерны для группы менеджеров (79%), а самые низкие — для работников средней квалификации и неквалифицированного персонала из сферы материального производства (42,4%). Статистические данные однозначно свидетельствуют: чем выше социально-экономический статус той или иной профессиональной группы, тем более она активна на выборах.

Аналогичная тенденция прослеживается, если взять показатель уровня образования. Как правило, группы с высоким уровнем образования принимают более активное участие в голосовании. Так, в президентских выборах 1992 г. в США участвовало только 21,5% лиц, имевших начальное образование, в то время как в группе дипломированных научных работников данный показатель был равен 83,2%. Все это позволяет определить характерную взаимосвязь между социальной дифференциацией и электоральным поведением населения: уровень активности и абсентеизма прямо пропорционален тому статусу, который та или иная группа имеет в системе социальной иерархии.

Политическая идентификация подразумевает также партийный выбор, отличающийся в разных социальных группах. Необходимо учиты-

вать и такой аспект социальной предопределенности политической идентификации, как идеологические предпочтения различных слоев населения. В настоящее время в США основными идеологиями являются консерватизм и либерализм, которые во многом соответствуют программным установкам республиканской и демократической партий. Результаты проведенных в 1970 – начале 1990-х годов эмпирических исследований фиксируют следующее соотношение идеологических предпочтений (см. табл. 1).

Таблица 1

Идеологическая идентификация населения США (1973–1991 гг.), %

Год	Либералы	Консерваторы	Умеренные	Ответа нет	Колич. опрошенных (чел.)
1973	31	29	36	4	1984
1978	26	31	36	7	1505
1983	22	33	40	5	801
1988	27	34	35	4	1472
1991	26	31	39	4	1513

Эти цифры свидетельствуют о достаточно стабильной идеологической дифференциации: на каждое из трех направлений ориентируется приблизительно треть опрошенных американцев. В то же время идеологический выбор различных социальных групп оказался неоднозначным. Так, к либералам себя относят 19% белого, 26% черного и 23% испаноязычного населения; 18,5 и 21% лиц со средним и высшим образованием; 20 и 24% неквалифицированных и квалифицированных работников; 19% лиц с годовым доходом до 20 тыс. долларов и 22% лиц, чей годовой доход превышает 25 тыс. долларов. Среди консерваторов соотношение следующее: 29% представителей белого населения; 28,5% лиц с высшим образованием; 26 и 31% квалифицированных и неквалифицированных работников; 30% группы специалистов и бизнесменов; 26 и 30% лиц с годовым доходом соответственно до и свыше 25 тыс. долларов. Таким образом, если консерваторы имеют незначительное опережение в таких группах, как специалисты, бизнесмены, лица с высоким уровнем дохода, то позиции либералов характеризуются относительно высоким рейтингом среди национальных меньшинств и стабильным соотношением в других социальных группах.

Следует отметить, что значительное число американцев занимает

нейтральную позицию по отношению к этим идеологиям, не признавая особых различий между ними. Это говорит о том, что идеологическая дифференциация не совпадает с делением общества на классы, этносы, профессиональные и этнические группы, хотя и испытывает определенное воздействие с их стороны. Если в начале XX столетия можно было говорить о более или менее строгой соотнесенности той или иной идеологии и определенной социальной группы (классовость идеологии), то сейчас эта взаимосвязь носит условный характер. К тому же в современных условиях любое идеологическое течение включает в себя положения, которые импонируют самым разным классам, стратам и группам, что создает условия для их идеологического консенсуса. В этой связи многие политологи приходят к выводу, что «в странах западной демократии классовое голосование значительно сокращается».[6]

Если в западной политологии активно проводится мысль о снижении роли социальной стратификации в формировании политической идентификации, российские исследователи продолжают попытки установить связи между этими категориями. Многие отечественные авторы утверждают, что современное общество представляет собой сложный конгломерат имущественных, профессиональных, национально-этнических и иных общностей, каждая из которых характеризуется определенным уровнем и образом жизни, структурой потребления, особенностями культуры и психологии.

Несомненно, социальная дифференциация воздействует также на политическое поведение различных социальных групп, включая их электоральную активность, партийный и идеологический выбор, политические предпочтения и ориентации. Однако происходящие в современных условиях изменения политического менталитета не всегда позволяют выявить прямую взаимосвязь между социальной принадлежностью индивидов и их политическим выбором.

Согласно концепции диспозиций В. А. Ядова идентификационные стратегии индивида, в том числе и политические, базируются на целом комплексе социально-демографических, статусных факторов. Род занятий, характер и уровень образования, должностной статус (управляющий или подчиненный), условия и характер труда, возраст и пол индивида — все это вносит свою лепту в формирование политической идентичности человека.[7] Несколько менее категоричны при описании российской действительности сотрудники Фонда общественного мнения.

---

[6] *The Blackwell* Dictionary of Twentieth Century Social Thought / Ed. by W. Outhwaite and T. Bottomore. Blackwell Publishers. 1993. P. 83.

[7] *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М., 1996. С. 166.

«Критерий социально-профессионального статуса, бывший при социализме главным в самоидентификации, сейчас заменился негативным критерием — описанием себя и других как потерявших статус. Потеря статуса заставляет человека ориентироваться в социальном пространстве, опираясь не на социальные институты, а на личностные связи».[8]

Групповая идентификация с классом, статусной или профессиональной группой может принимать характер политической идентификации. Особое значение групповая идентификация приобретает в условиях резкого изменения социальной структуры общества вследствие трансформации экономической и политической систем общества. Например, специалисты-гуманитарии с высшим образованием, работающие на государственных предприятиях, военные, работники полуразрушенной системы военно-промышленного комплекса в середине 1990-х годов с большой долей вероятности были готовы поддерживать коммунистическую или социал-демократическую идеологию. Вместе с тем на выборах эти люди склонны голосовать за «партию власти» или за тех, кого поддерживает исполнительная власть, в надежде за свою лояльность получить хотя бы крохи от «государственного пирога» в виде целевых социальных программ. Еще 15 лет назад они принадлежали к высокостатусной группе советского общества. Ныне жизненной стратегией для них стала попытка выжить в условиях рыночной экономики.

Исследователи из фирмы «Комкон-2» летом 2000 г. провели опрос среди представителей «среднего класса» в 11 крупных российских городах-миллионниках (включая Москву и Санкт-Петербург). В качестве методов сбора информации были использованы анкетирование 1000 человек и глубинное интервью со 120 представителями этой социальной группы. Выделение статусной группы «средних русских» проводилось на основе как их самоидентификации (самоотнесение к среднему классу), так и объективных показателей (уровень доходов, социальный статус и стиль жизни). По оценкам экспертов, ныне к среднему классу в России могут быть отнесены около 10% взрослого населения. Личный доход средних русских варьирует в диапазоне от 450 до 1250 долларов ежемесячно, средний возраст составляет 32,8 лет, образование высшее.

Несмотря на то, что численно эта группа не очень велика, внутри нее обнаруживаются несколько подгрупп: а) «деловые люди» (предприниматели, топ-менеджеры и «белые воротнички»); б) «яппи» (не обремененные семьей профессионалы, сосредоточенные на собственной карьере); в) «зависимые» (жены богатых людей и их содержанки, а также

---

[8] *Климова С. Г.* Идентификация и политический выбор // Поле мнений. 2000. Вып. 3. Апр. С. 60.

«золотая молодежь» — дети из богатых семей); г) «начинающие» (люди, пробивающиеся в круг «деловых», обладатели «демонстрационной» жизненной стратегии); д) «сибариты» (молодые люди без карьерных амбиций и с относительно невысокими доходами); е) «свободные художники» (люди творческих профессий со стабильным средним доходом).

Всех этих людей объединяет общая политическая идентификация. Ключевыми ценностями для них являются свобода («свобода всего» — мысли, слова, действий), независимость, возможность выбора и самоопределения судьбы. Они отнюдь не законопослушны и не считают законы необходимой нормой своей частной жизни.

«Средние русские» политически активны, но относятся к участию в выборах как к долгу. По этому параметру российский средний класс очень напоминает низкостатусные группы старших избирателей (впрочем, необходимо помнить о различиях вербального и невербального, реального политического поведения). Представители этой группы благодаря высоким по общероссийским меркам доходам считают единственно возможным для себя способом влияния на политику участие в выборах. Они политически толерантны, демократичны. Интересен и тот факт, что, не являясь государственниками, большинство представителей российского среднего класса связывает личную судьбу, планы на будущее с судьбой своей страны. Но пока «новые средние русские» не осознают свои интересы как общегрупповые, не создают политических партий и движений. Во многом это связано с их прагматизмом и стремлением организовать жизнь «в ближнем круге».[9]

Центр эмпирических политических исследований (философский факультет СПбГУ) в ноябре 2000 г. провел в Санкт-Петербурге телефонный опрос (выборка составила 2366 избирателей). В результате подтвердилась гипотеза о том, что сроки политической социализации возрастных когорт существенным образом влияют на такой вид политических установок, как политическая идентификация. Именно этот фактор является определяющим среди всех социально-демографических параметров в формировании политической идентичности населения.

Молодые петербуржцы в возрасте 18–30 лет (7,5% общего числа опрошенных) склонны считать, что они не имеют политических убеждений. Еще 4,6% молодых людей не могут определить свои политические взгляды. На такую самооценку политических взглядов молодежи влияют особенности их жизненных стратегий (приоритет ценностей обще-

---

[9] *Блаженкова О., Гурова Т.* Класс. Все, что вы уже знали о среднем классе, но боялись произнести вслух // Эксперт. 2000. 18 сент. № 34–35. С. 21–28.

ния (коммуникации) и карьерных устремлений). Молодежь в возрасте до 30 лет склонна также идентифицировать свои политические взгляды как либеральные или националистические. Люди среднего возраста (30–50 лет) оценивают свои политические взгляды скорее как консервативные и избегают оценивать их как коммунистические. Представители старших возрастных групп предпенсионного и пенсионного возраста склонны считать свои взгляды коммунистическими. Анализ политической идентификации выделенных среди молодежной группы двух подгрупп (18–24 года и 25–30 лет) показал, что существенных различий в их политических взглядах нет, за одним небольшим исключением: среди людей в возрасте 25–30 лет доля респондентов, оценивающих свои политические взгляды как консервативные, в два раза больше, чем среди 18–24-летних.

Персональная политическая идентификация молодых людей характеризуется неприятием политической платформы Г. Зюганова: они считают ее отнюдь не близкой себе. Петербуржцы среднего возраста склонны полагать, что взгляды лидера КПРФ им «скорее не близки». Но люди предпенсионного и пенсионного возраста, безусловно, идентифицируют свои взгляды с политическими позициями Г. Зюганова. Взгляды лидера ЛДПР В. Жириновского также не вызывают бурного восторга молодых петербуржцев: более 60% опрошенных в возрасте до 30 лет заявили, что политические взгляды В. Жириновского им не близки совсем. Вместе с тем нельзя утверждать, что у молодежи сформировалось устойчивое отношение к данному политику. Вообще у петербуржцев достаточно сложное отношение к лидеру ЛДПР. Фактически представители всех возрастных групп заявили о том, что его политические установки им не близки, но статистических зависимостей в ответах респондентов обнаружено не было. Очевидно, отношение к этому политику определяется не только и не столько его политическими взглядами, сколько его способностью «делать новости», быть «ньюсмейкером», оставаться в центре внимания.

Молодые люди склонны также признавать, что им близки политические установки И. Хакамады. Для сравнения: люди среднего возраста полагают, что их представления в чем-то близки, а в чем-то отличаются от позиции лидера СПС, а пожилые петербуржцы склонны считать, что им чужда политическая позиция И. Хакамады. Данные опроса свидетельствуют о том, что в Санкт-Петербурге изменилось отношение к Г. Явлинскому. Все три возрастные когорты (18–30 лет, 31–50 лет и старше 51 года) продемонстрировали склонность дистанцироваться от политических установок лидера «Яблока», хотя эти позиции респондентов и не являются устойчивыми. Здесь действует целый комплекс фак-

торов, начиная с общего «полевения» петербургского электората и заканчивая банальным выводом, что неудачников у нас не любят, а «фиаско господина Нет» во время последних президентских выборов не добавило ему популярности даже в традиционной «яблочной вотчине», особенно после избрания Президентом России петербуржца.

Следует обратить внимание на отношение молодежи к политическим взглядам президента В. Путина. Хотя не менее 40% молодых людей в возрасте до 30 лет считают, что их политические взгляды скорее или очень близки политическим взглядам В. Путина, анализ стандартизованных остатков распределений ответов на этот вопрос свидетельствует о другом: молодые люди склонны считать, что политические установки президента им совсем не близки и не склонны декларировать близость политических позиций. Интерпретировать это противоречие можно следующим образом: молодые люди не имеют ясных представлений о политических взглядах президента и скорее демонстрируют свою лояльность по отношению к самой должности.

О том, что отношение петербуржцев к некоторым политикам связано с их статусом (публичный политик (партийный деятель) или представитель исполнительной ветви власти (чиновник)), свидетельствует и отношение к политической позиции представителя Президента Российской Федерации в нашем регионе. Молодые люди в возрасте до 30 лет явно не заражены политическим патернализмом и потому склонны заявлять, что политическая позиция В. Черкесова им совсем не близка. Представители старшей возрастной группы либо декларируют неспособность оценить близость своих представлений и установок В. Черкесова, либо демонстрируют свою лояльность, заявляя о близости политических взглядов. Примечательно, что при ответе на тот же вопрос по отношению к В. Яковлеву, молодые люди старались избежать однозначной оценки своей позиции. Пожилые петербуржцы, наоборот, склонны подчеркивать полное совпадение своих политических установок с установками главы городской администрации.

Анализ распределения ответов мужчин и женщин на вопрос о степени близости политических взглядов политиков показал, что женщины, в отличие от мужчин, затрудняются в определении своих политических взглядов. Женщины, в противоположность мужчинам, не склонны оценивать свои политические представления как националистические. Обнаруживаются и некоторые различия идентификации с политиками по гендерному признаку. Если характер идентификации с политическими взглядами лидера КПРФ Г. Зюганова у мужчин и женщин, проживающих в Санкт-Петербурге, практически одинаков, то в отношении к В. Жириновскому (ЛДПР), И Хакамаде (СПС), Г. Явлинскому («Яблоко»),

губернатору Санкт-Петербурга В. Яковлеву, представителю Президента Российской Федерации В. Черкесову, президенту В. Путину, явно прослеживаются отличия.

Принципиально отличается отношение мужчин и женщин к И. Хакамаде. Мужчины склонны считать, что их политические установки абсолютно не совпадают с установками И. Хакамады. Женщины, наоборот, признают тождество своих мнений с ее. В данном случае проявляется именно гендерный фактор, идентификация по признаку пола. Это никоим образом не говорит о том, что женщины имеют более либеральные политические взгляды, чем мужчины.

Женщины более лояльно, чем мужчины, относятся к политическим высказываниям В. Жириновского, они не склонны считать позиции этого политика «скорее далекими». Мужчины дистанцируются от политических взглядов лидера ЛДПР. По отношению к лидеру «Яблока» в отличие от мужчин женщины настроены более лояльно. Мужчины также не склонны считать, что их политические позиции и позиции губернатора В. Яковлева близки. Женщины демонстрируют большую, чем мужчины, лояльность и по отношению к представителю Президента России в регионе В. Черкесову.

Это тем более интересно, что по роду своей деятельности представитель президента обязан «быть оком государя», на региональном уровне контролировать реализацию федеральных интересов. Женщины не склонны считать, что полностью не разделяют политические установки В. Черкесова, и скорее затрудняются в выборе варианта ответа. Мужчины, наоборот, считают, что его политические установки не отвечают их взглядам на политику.

Это проявляется и по отношению к самому президенту. Мужчины не склонны считать, что их политические взгляды полностью совпадают с его позицией, наоборот, они склонны признать максимальное отчуждение от установок президента. Жительницы Санкт-Петербурга склонны признать максимальное совпадение своих политических представлений с установками президента. Очевидно, в данном случае речь идет не о приятии или отторжении личности президента, скорее можно говорить о лояльности его политическому курсу. Выбор позиции «взгляды полностью не совпадают» демонстрирует не активное неприятие нынешней политики, проводимой главой исполнительной власти, но максимальное отчуждение от власти.

Наблюдаются определенные различия в идеологической идентификации жителей Санкт-Петербурга и в зависимости от уровня образования. Люди с неполным средним и средним образованием склонны считать свои политические убеждения тождественными коммунистиче-

ским. Респонденты со средним образованием и со средним специальным образованием дистанцируются от либеральных политических взглядов. Но респонденты первой из этих двух групп склонны считать, что они вообще не имеют политических убеждений. Горожане со средним специальным образованием затрудняются с определением своих политических установок. Студенты высших учебных заведений оценивают свои политические взгляды как либеральные. Весьма примечательно, что петербуржцы с высшим образованием не склонны идентифицировать свои установки с крайними позициями политического спектра и оценивают свои политические взгляды скорее как социал-демократические, либеральные или консервативные. Кроме того, лица с высшим образованием не уклоняются от ответа на вопрос о своих политических убеждениях.

Самооценка социального статуса жителей Санкт-Петербурга также влияет на характер их идеологической идентификации. Респонденты, относящие себя к промежуточному слою между высшим и средним, склонны оценивать свои политические взгляды как либеральные. Среди относящих себя к среднему слою устойчивым является самоопределение себя как либералов или националистов. Люди, относящие себя к слою между средним и низшим, не склонны идентифицировать свои взгляды как коммунистические, они затрудняются в самооценке политических убеждений. Петербуржцы, относящие себя к низшей социальной группе, определяют свои политические взгляды как коммунистические. Эта категория людей ни в коем случае не является маргинальной или люмпенизированной. В основном в эту группу вошли самые старшие респонденты. Возможность ощущать себя востребованным в обществе остается для россиян очень острой социальной проблемой.

3.2. Политическая культура и социализация

Значимым фактором политической идентификации является политическая культура. Сами возможности становления политической идентификации в разных государствах существенно отличаются. Еще в начале 1960-х годов С. Милгрем выяснил, что населению европейских стран свойственны различные стили политического поведения, например, «во Франции… население… ведет себя подчеркнуто индивидуалистически… в Норвегии… чрезвычайно сильная социальная сплоченность».[10]

---

[10] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Пер. с нем. М., 1996. С. 76.

Разным обществам и культурам присущи различные типы идентичности. Э. Эриксон, например, говорил о «склонной к экспансии американской цивилизации "*self-made*" идентичности»,[11] о военном идеале как составном элементе групповой идентичности многих европейцев, имеющим для немцев особое значение.[12] Особые характеристики идентичности и у израильтян — она «возникла из "привозных" идеалов, вольных, пуританских и мессианских… и большая часть населения представляет эту совершенно непереваривaемую смесь идеологий. Это массы африканских и восточных иммигрантов, мощно организованных трудом жителей большого города, религиозных ортодоксов новой государственной бюрократии и, конечно, "доброго старого" торгового класса середняков».[13]

Определенный стиль мышления и оценки существует в политических культурах и субкультурах, обеспечивая принадлежащих к ним людей «политическими взглядами, настроениями и чувствованиями, позволяя им идентифицировать себя с определенными политическими ценностями».[14] Говоря о влиянии политической культуры, необходимо отметить роль режимов в идеократических государствах, где высшее лицо, будь то фараон, царь или император, наделялось фактически сакральными функциями. В России во все времена была сильна традиция если не обожествления власти, то признания ее богоугодности. По большому счету, традиция эта не прервалась.

В общественной жизни политическая идентификация причудливым образом пересекается, сливается с этнической и конфессиональной идентификациями или формируется под их влиянием. Это можно наблюдать на примере Индии, Югославии, многих других государств. Очень интересен в этом смысле пример Польши. Хорошо известно, что авторитет и власть католической церкви в Польше даже во времена социализма не уменьшались. Это отразилось на положении женщин, которые после разрушения социалистического строя оказались в конечном итоге в психологической ловушке. Католичество выступает против права женщин на аборты и фактически поддерживает политику правых партий, направленную на вытеснение женщин с общественной и политической сцены. Реально проблемами женщин занимаются левые партии, выступая за равноправие и, главное, за право женщин на свободу

---

[11] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. С. 29.
[12] Там же. С. 64.
[13] Там же. С. 203.
[14] *Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 158.

выбора во всем, в том числе на планирование семьи и выбор приоритетной сферы деятельности. Но 1990-е годы прошли в этой стране под знаком яростного отрицания коммунистических идей, настороженного отношения к левым партиям в целом (даже умеренным). Таким образом, будучи ревностными католичками, женщины не могли действовать вопреки установлениям католической церкви и прибегнуть к защите левых партий. Они были вынуждены делать вид, что вопрос о праве женщин на аборты не носит политического характера (а это в католическом мире, безусловно, не так), и пытаться хоть как-то решить его с помощью женских общественных организаций.

Наиболее интенсивно эмпирические исследования роли социализации в становлении политической идентичности граждан проводились в 1970-е годы в США.[15] Исследования этого времени показали, что в детском сознании образ «правительства» связан главным образом с президентом, «закон» в детском сознании ассоциируется с полисменом (причем не просто полисменом, а с конкретным человеком, тем, кого они видят ежедневно на своей или на соседней улице). Дети персонифицируют понятия, привязывают их к легко узнаваемым типажам. Проведенные еще до 1970-х годов исследования свидетельствуют о том, что школьники вторых–восьмых классов считают, что президент — более, чем все, честный, дружелюбный, знающий и работающий человек. Большинство американских детей в конце 1960-х годов называли президента «лучшим человеком в мире». Исследования показали, что обучавшиеся в начальной и неполной средней школе дети не только негативно восприняли скандал, задевший Никсона, но также перенесли свое негативное отношение на президентство как на должность и на правительство в целом. Например, за 12 лет (период между 1962 и 1974 годами) число позитивно относившихся к президенту детей, обучавшихся во 2–6-х классах, уменьшалось катастрофически. В 1962 г. 50–67% детей утверждали, что президент «всегда (или почти всегда) поможет мне, если нужно»; «он всегда (или почти всегда) держит данные обещания», «он лучше всех». К 1974 г. только 33% шестиклассников знали о существовании должности президента, только 25% могли точно назвать его имя и фамилию, только 10% возлагали на него свои надежды и восхищались им. Уоттергейтский скандал также оказал влияние на рост политического цинизма среди школьников, хотя трудно утверждать, что детские взгляды на президентство могли сохраниться до того времени, когда именно эти школьники получили право голосовать.

Подобно президенту, одетый в униформу полисмен является одной

[15] *Nimmo D., Ungs T.* Op. cit. P. 140.

из первых политических фигур, входящих в сознание детей из книг, фильмов, с экранов ТВ и просто улиц. Черными и белыми детьми полисмен воспринимается как человек, на которого можно положиться и кому можно доверять. Это представление с возрастом среди белых детей незначительно ослабевает, но среди чернокожих — весьма существенно.

Сложно выяснить источники формирования в детстве определенного отношения к политическим лидерам. Конечно, косвенным образом на этот процесс влияют СМИ. Кроме того, может оказаться существенным и влияние «неполитических» лидеров. Дети, находящиеся под сильным воздействием своих родителей, наиболее авторитетных для них людей, могут просто перенести свою любовь с родителей на политических лидеров. Но может быть и наоборот: дети находятся под впечатлением силы власти, воспринимают ее как родительское наказание и учатся почитать политических лидеров из-за чувства страха. В таком случае почтение заменяется страхом. Многие исследования 1960–1970-х годов, посвященные формированию политической идентичности, проводились именно в этом ключе. Так или иначе, но в любом случае среди детей обнаруживается сильная тенденция персонализировать власть и думать о ней как о группе с доминирующими политическими фигурами, такими, как президент, министр, мэр, полисмен.[16] Впрочем, в отечественной литературе можно обнаружить и иные оценки данного фактора со ссылкой на американские эмпирические исследования, проведенные примерно в тот же период.[17]

В американской системе образования прилагаются колоссальные усилия, чтобы выработать у соотечественников гражданское сознание и чувство долга. Большое число американцев уже в раннем возрасте усваивает, что участие в политике — гражданский долг. Но молодые люди более склонны считать долгом пассивное, а не активное участие в политической жизни. Их в большей мере интересует индивидуальное, а не коллективное участие в политике. В восьмом классе дети еще верят, что долг каждого гражданина участвовать в политике, интересуясь текущими политическими событиями и участвуя в голосовании. Оба эти вида относятся к пассивным индивидуальным действиям. Лишь немногие считают, что должны вступать в политические организации и активно пытаться влиять на функционеров из правительства.

По мере получения образования чувство гражданского долга углубляется. Среди обучающихся в колледже гражданское сознание весьма

---

[16] Ibid. P. 141.
[17] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 36.

высоко. Но гражданские идеалы и поведение в обществе не всегда совпадают. Многие американцы чувствуют, что им «следовало бы» участвовать в политике, но гораздо меньшее число граждан реально участвуют в политической жизни общества.

Одним из источников политического согласия выступает позитивное отношение к согражданам, правительству, представителям власти и гражданскому долгу. Если время или события не уничтожают эти установки, они помогают в преодолении конфликтов. Но укрепление подобного отношения в современной политической жизни кажется проблематичным, у сегодняшних американцев нет такого же позитивного восприятия правительства или политиков, как у предшествующих поколений. Более того, склонностью идентифицировать себя с конфликтными группами американцы бросают вызов политическому консенсусу, проталкивая свои специфические политические интересы. Групповые идентификации определяют политические взгляды американцев.[18]

Партийная идентификация является одной из форм групповой лояльности, которую многие американцы легко усваивают. Вероятно, еще в семилетнем возрасте большинство американских детей думают о себе как о людях, отдающих определенное предпочтение республиканцам или демократам. И хотя с 1970 г. относительно высокая доля американцев утратила партийную идентичность, около 70% все еще сохраняют ее. Практически партийная идентификация важна американцам в момент выбора при голосовании. Примерно две трети тех, кто называет себя республиканцами или демократами, голосуют за кандидатов на пост президента от соответствующих партий.[19]

Религиозная идентификация также формируется достаточно рано. Девять из десяти американцев в возрасте до 18 лет имеют религиозные предпочтения, хотя у многих это чувство с возрастом ослабевает. Партийная и религиозная идентификации часто дополняют друг друга. Но когда эти два типа идентификаций оказываются несовместимыми, менее значимой оказывается партийная. Подобная зависимость ярко проявилась на президентских выборах 1960 г., когда Дж. Кеннеди не смог привлечь голоса многих протестантов с юга из-за их нежелания голосовать за католика, претендующего на пост президента.[20]

Идеологические идентификации являются релевантными политическим чувствам американцев, но трудно сказать, насколько явно они проявляются в конфликтах. Среди исследователей-политологов сущест-

---

[18] *Nimmo D., Ungs T.* Op. cit. P. 141.
[19] Ibid. P. 141.
[20] Ibid. P. 142.

вуют определенные расхождения в представлении о влиянии идеологических идентификаций на политическое поведение. Некоторые утверждают, что американцы имеют главным образом неидеологическое мировоззрение. Они могут идентифицировать себя как «левых» (в 1975 г., по данным Института Гэллапа, 27%) или «правых» (36% в 1975 г.). Но эти предпочтения американцев для них несущественны. Другие исследователи-политологи возражают против этого. Например, они утверждают, что молодые избиратели обладают идеологическими ориентациями и, вероятней всего, по сравнению со старшими избирателями будут либералами в идеологии безотносительно к выбору партии. Но лишь очень немногие американцы демонстрируют хорошо артикулируемую идеологическую идентификацию в процессе политической социализации.

Взрослея, ребенок приобретает осознание своего социального статуса, что может породить конфликт с другими людьми. Социальная группа, к которой принадлежит индивид, определяет как тип участия, так и направление партийной идентификации. Наконец, дети учатся осознавать расовые различия в соответствии с типом их общественного и политического сознания. Американские политологи считают, что большинство политических знаний формируется под воздействием генетических врожденных способностей к обучению, вследствие постепенного психического, умственного и эмоционального развития, а также в результате обращения к политике.

Подростки усваивают верования, ощущения, действия, воспроизводимые в реальных жизненных ситуациях родителями и друзьями или «символическими моделями» (литературными персонажами, киногероями, телезвездами или известными людьми, с которыми нет прямого контакта). Знание подключает моделирование: человек анализирует, сравнивает, продолжает копировать или старается быть отличным от других людей.[21]

Многие общественные институты влияют на политические установки с раннего детства. Основная схема ясна: семья инициирует политическую социализацию. Чем старше становится ребенок, тем меньшее влияние на него оказывает позиция семьи и родителей. Постепенно функцию политической социализации начинают выполнять школа, социальные группы, профессия, религия и СМИ. Иногда вновь приобретаемый опыт оказывает большее влияние, чем усвоенные в детстве установки. Но по мере расширения контактов с социальным окружением конфликтные взгляды сталкиваются все чаще, и модификация устано-

[21] Ibid. P. 143.

вок происходит менее болезненно для личности. Роль семьи как агента политической социализации ребенка постепенно снижается. В первой половине XX в., когда члены семьи были связаны теснее, большинство американцев не училось в колледжах, СМИ менее влияли на людей, чем сейчас, а семьи были самыми влиятельными агентами (субъектами) политической социализации. Времена изменились, и вместе с ними – значение семьи. Но родители все еще являются значимыми фигурами для своих детей; они существенно ограничивают и фильтруют влияние сообщества на своих детей, передают свои политические взгляды подрастающему поколению. Хотя политические установки детей в целом все еще напоминают родительские, передача политических взглядов родителей детям осуществляется не в форме словесных наставлений.

Способы обращения родителей со своими детьми порождают существенные различия в политической социализации. В конце 1960-х годов, когда студенты организовывали беспорядки в студенческих городках, изучение различий общения этих студентов со своими семьями, влияния отношений с родителями в детстве на уровень их агрессивности было новаторским.

Участников исследования делили на пять групп: а) «пассивных», заявивших о неучастии в политических и общественных организациях и акциях протеста; б) «конвенционалистов», которые были активными членами студенческих братств, типичными бесконфликтными студентами с относительно низкой политической активностью; в) «конструктивистов», участвующих в социальных проектах, но не часто и не регулярно примыкающих к организованным протестам; г) «активистов», протестующих и высказывающих свое несогласие с существующим положением, но также участвующих в общественных проектах, направленных на корректировку осознанных социальных болезней; д) «участников движения протеста», которые пришли в политику непосредственно через организованные неконвенциональные акции.

Ученые обнаружили наличие тесной корреляции между стереотипом поведения и характером взаимоотношений студентов с родителями в детстве. Родители «пассивных» были постоянно озабочены здоровьем и благополучием своих детей, настойчиво требовали послушания, конформизма и отношения к себе как к образцу. Родители «конвенционалистов» апеллировали к традиционным общественным ценностям (ответственность, послушание, достижение, конформизм), требовали общественно одобряемого поведения и успехов, сопровождая требования угрозой физического и психологического наказания. Родители «конструктивистов» ратовали за дисциплину, достижения, способность подчиняться, ограниченное (контролируемое) самовыражение; использовали не-

физические наказания, у них были более теплые отношения с детьми, чем у родителей «конвенционалистов». Родители «активистов» поощряли детей быть независимыми и ответственными, как и родители «конструктивистов» и «конвенционалистов». Они поощряли самовыражение ребенка, даже допускали кратковременные проявления агрессии у детей и менее настаивали на дисциплине. Но при этом отношения родители–дети оценивались «активистами» ниже, чем «хорошие». Родители «участников протеста» были непоследовательны в своей воспитательной практике. Весьма снисходительные в одних вопросах, они оказывались очень жесткими в других, в меньшей степени поощряли раннюю зрелость и независимость, но в то же время настаивали на достижениях, успехах и поощряли соревнование. Отношение с родителями эти студенты оценивали негативно.[22]

Данное исследование позволило сделать важные выводы. Во-первых, «протестующие», чьи родители немотивированно заменяли разрешение и запрещение, в большей степени, чем другие студенты, восставали против политических установок своих родителей. Во-вторых, нельзя всех протестующих студентов считать «продуктом» «разрешительного» (попустительского) воспитания. Активисты также участвовали в акциях протеста, но они не являлись непримиримыми мятежниками против всякой власти. В-третьих, протестное поведение студентов нельзя рассматривать как индикатор негативной политической идентификации.[23]

Люди, не сформировавшие свой политический интерес до того времени, когда они покинули семейное гнездо, имеют больше шансов оказаться под воздействием других агентов социализации (школьных учителей, друзей и т. д.) с их ценностями, которые могут противоречить установкам родителей. Степень заинтересованности в политике родителей является важным маркером для детей во всех социальных группах. Если политика не значима для старших членов семьи, то политические взгляды родителей не станут объектом юношеского мятежа и протеста. Если же политика и информированность о политических событиях значимы в семье, то усвоение ребенком политических взглядов, противоположных родительским, может быть способом протеста против их авторитета и власти.

Дух и события времени также жестко влияют на политическую социализацию. Существование «межпоколенческого разрыва» (степень усвоения ребенком политических взглядов родителей) во многом зави-

---

[22] Ibid. P. 144.
[23] Ibid.

сит от того, насколько политическая среда, в которой растет человек, отличается от той, в которой воспитывались его родители. Более того, возможно, что время формирования ребенка, дух и политические события времени его социализации могут уменьшать различия взглядов родителей и детей, привязывая оба поколения к общим политическим взглядам.

Эта проблема применительно к политической идентификации студентов старших курсов и их родителей была исследована К. Дженнингсом в середине 1970-х годов.[24] К этому времени по сравнению с серединой 1960-х годов значительно выросло число студентов университетов, идентифицировавших себя как «независимых». Их число составило 35%, республиканцами себя считали 21%, демократами – 44%. Среди получающих образование в колледжах в 1975 г. идентифицировали себя с республиканцами 27%, 29% считали себя демократами, 44% — независимыми. Политические взгляды большинства учащихся колледжа были не слишком радикальными, многие ощущали себя достаточно далекими и от «правых», и от «левых». По данным института Гэллапа, в 1975 г. классифицировали себя как «крайне левых» только 6%, 3% считали себя «крайне правыми», 36% идентифицировали себя как «центристов», 19% — как «правый центр», 34% — как «левый центр». Более того, с середины 1970-х годов студенты в политическом поведении перестали быть агрессивными: две трети из них отвергали насилие как эффективный способ достижения политических целей и социальных усовершенствований.

Интересные данные о зависимости политической идентификации россиян от времени их первичной социализации приводит Е. Б. Шестопал.[25] Оказывается, те респонденты, чья первичная политическая социализация пришлась на годы перестройки, заявляют о нейтральности своих политических позиций. В действительности их политический менталитет крайне противоречив, он вызван «циничным приспособлением» к столь же циничной повседневности и носит явно выраженный прагматический характер, хотя многие демократические ценности представляются респондентам значимыми. Политическая идентификация людей, чья первичная политическая социализация совпала с годами застоя, вписывается в рамки авторитарной модели. Они склонны признавать над собой власть и политических институтов, и политических лидеров. Политические взгляды идентифицируются как демократические, консервативные или социал-анархистские (власть должна заботиться о сла-

---

[24] Ibid. P. 145.
[25] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 190–207.

бых и больных), но большая часть опрошенных считает себя аполитичными. Люди, чья первичная политическая социализация происходила в период послехрущевских реформ, относятся к политике скорее безразлично или отрицательно. Они признают необходимость сильного государства, имущественного и социального неравенства и не считают, что государство должно заботиться о социально незащищенных слоях.

Родившиеся в 1950-х годах россияне весьма критично относятся ко всем авторитетам, но свобода для них имеет негативное значение. Среди этой группы нет доминирующего вида политической идентификации. Более того, идентифицируя себя с определенной идеологией, эти люди одновременно испытывают симпатии к политическим лидерам абсолютно иных политических убеждений.

Родившиеся во время или сразу после Великой Отечественной войны достаточно негативно относятся к многопартийности, готовы признать над собой власть как отдельных людей, так и власть закона. Будучи самыми активными избирателями, эти люди не склонны быть членами какой-либо политической партии. Они ориентируются на коммунистическую идеологию, обладают низкой политической толерантностью. Общая негативная установка по отношению к политике сочетается с поддержкой системы, власти в целом (собственно говоря, эта возрастная когорта и голосует за «партию власти», меняя свои приоритеты во время каждой избирательной кампании).

Родившиеся в предвоенные годы люди считают себя и либералами, и коммунистами, и монархистами, и социал-демократами. Политическая самоидентификация их не совсем адекватна, поскольку «набор ценностей» этой группы крайне противоречив и не соответствует самоназванию. Эта возрастная группа наиболее категорична в своих политических оценках, мир в их представлении двуцветный — черно-белый. Представители самой старшей возрастной группы признают власть государства, но крайне болезненно относятся к возможности власти над ними отдельных людей. Эти люди одновременно этатисты и эгалитаристы, они определяют себя как коммунистов или аполитичных, но в целом лояльны к власти и не проявляют недовольства ситуацией на поведенческом уровне.

3.3. Социальные процессы и политические институты

Представители Мичиганской школы полагали, что необходимо выделять два уровня факторов, влияющих на состояние идентичности. Первый уровень включает межличностное общение, малые социальные

группы, второй уровень охватывает макрополитические процессы и институты власти. Политические позиции людей, их политическое самоопределение не связаны только с социальными факторами, поскольку люди, обладающие сходными социальными характеристиками и находящиеся в примерно одинаковых условиях жизни, могут иметь самые разные политические позиции.

Р. Эриксон, Дж. Райт и Дж. Макайвер в исследовании 1993 г. доказали, что чем больше социальная группа, тем меньше вероятность зависимости политического выбора от социальных условий. Не меньшее воздействие на индивида оказывают политические процессы и институты. Например, важнейшим событием, определившим расклад политических сил и партийной идентичности американцев, была гражданская война между северными и южными штатами. Для политической идентификации наших сограждан, безусловно, чрезвычайно важным явился распад СССР, изменение государственной идеологии, введение института президентства по образцу западных стран.

В самом общем плане можно сказать, что характером государственного устройства, режимом, политическими институтами, партиями и организациями, т. е. политической системой в целом, определяется характер политической идентификации, поскольку именно на уровне политической системы «задаются» возможные модели идентификации. Политические «институты определяют политику, влияя на самоидентификацию акторов, их представления о власти и стратегию достижения власти».[26] При весьма высокой изменчивости формы политических институтов, их сути и функциям свойственна определенная устойчивость. В течение последнего года XX столетия в России не только обсуждался вопрос об укреплении «вертикали власти», но и предпринимались активные действия в этом направлении.

Хорошо известно, что следствием создания новых «промежуточных» управленческих институтов в вертикали власти может стать идеологическая деполяризация представителей этих структур и более прагматичный подход к политической жизни. Это касается прежде всего государственных служащих, управленцев «средней руки». Но если в управленческих структурах политические взгляды администраторов и должны проявляться в минимальной степени, то такой институт власти, как политическая партия, призван максимально четко выражать идеологические установки своих сторонников. Вместе с тем «политическая идентификация с партиями и движениями не складывается в силу неразвито-

---

[26] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 19.

сти самих партий и их полной неспособности быть каналом выражения рациональных интересов граждан».[27]

Необходимо учитывать и так называемый «временной» фактор. Его проявления различны. Например, накал политической борьбы во время избирательной кампании делает более актуальной необходимость политической самоидентификации граждан. «Социальный заказ» структур государственной власти СМИ также влияет на установки граждан. Особая ситуация возникает в том случае, если СМИ занимают «объективную», критичную позицию по отношению ко всем политическим партиям и группировкам. Считается, что в данном случае влияние политической информации на формирование политической идентичности граждан существенно затрудняется. В каждом обществе существует свой идеал «политического человека», который ретранслируется через каналы СМИ наряду с другими институтами и агентами политической социализации. Именно от этого эталона во многом зависит, какой характер приобретут политические сознание и поведение, какими будут вовлеченность и степень активности, идентификация с теми или иными политическими партиями и социальными группами. Поскольку СМИ являются прямым источником информации о мире, они влияют на мировоззрение людей. Более не существует ограничений на описание событий или изображение их в черно-белых тонах. Те же самые технологии, которые позволяют фотографировать планеты в открытом космосе, используются для передачи изображений войн, выборов, заседаний, политических событий.[28] Совершенно ясно, что СМИ (преимущественно ТВ и газеты) являются основным источником политической информации для молодежи. Впервые дети начинают использовать СМИ как источник политической информации в начальной школе, просматривая общенациональные программы новостей. Опросы в США показали, что один из трех детей младшего школьного возраста и две трети старшеклассников смотрят общенациональные информационные программы новостей каждый вечер, а большинство детей по субботним утренним программам знакомятся с блоками новостей, специально создаваемыми для детской аудитории.

Привлекая внимание к общественным проблемам, СМИ увеличивают политическую информированность молодых людей. Здесь проявляется принцип прямой связи: чем больше демонстрируют событие, тем больше о нем знают. Но имеет значение и вид информации. Публикации, касающиеся общественных дел в газетах, журналах, книгах и т. д.,

---

[27] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 310.
[28] *Nimmo D., Ungs T.* Op. cit. P. 150.

возможно, дадут более устойчивое знание о политике, чем передачи ТВ или радио. Молодые люди осознают, что СМИ существенно влияют на их отношение к политическим проблемам.

Еще в 1970 г. исследователи предложили студентам проранжировать значимость четырех основных каналов социализации, которые позволяют получить устойчивые, обширные и всесторонние политические знания и установки. Первое место заняли СМИ, следующие места соответственно преподаватели, родители и друзья. Хотя СМИ, очевидно, влияют на то, как молодые люди мыслят, на их политическую информированность, знания, представления, важно уточнить, о каких аспектах мы говорим. Отнюдь не факт, что информация СМИ влияет на политические ценности молодежи (взгляд на события, предпочтение политических кандидатов, отношение к политике с доверием или цинизмом). Фактически есть очень немного свидетельств тому, что влияние СМИ на политическую активность имеет такую же интенсивность, как участие в политических кампаниях, контакты с общественными функционерами, объединение в политические группы.[29]

В дополнение к своему разнообразному влиянию на политические симпатии, ценности и поведение СМИ помогают обозначить ожидания людей относительно того, что может случиться или происходит в политике. Подготавливая публику к грядущим крупным событиям, таким, как общегосударственный партийный съезд, президентские выборы, СМИ дают людям фон, призму установок, через которую она будет воспринимать новости. Редко возникают ситуации, когда большинство граждан отвергают контекст, предложенный СМИ при передаче новостей, и пытаются сделать независимые выводы.

В более широком смысле этот фактор можно назвать информационным. Как указывал А. Пшеворски, от характера «потребляемой» из доступных источников и воспринимаемой в качестве «своей» информации зависит характер политической идентификации людей. Но этот фактор не является универсальным для объяснения роли информации. Каким образом можно охарактеризовать влияние политической информации на формирование политической идентификации индивида, если он не имеет политических предпочтений и в его сознании отсутствуют критерии для отбора поступающей информации, и, как следствие, он не может контролировать ее поступление? Лишь незначительное число граждан относительно неплохо осведомлено об основных политических событиях и обсуждаемых политических деятелях. Подавляющее большинство не владеет этой информацией. Считается, что политическая активность

[29] Ibid. P. 151.

индивида ограничивает воздействие так называемых «нейтральных» информационных каналов, обеспечивает защиту от навязывания политических взглядов. Э. Даунс обосновал принцип «минимизации усилий»: неинформированные граждане ищут способы снижения «затрат» (времени, средств, мыслительных усилий и т. д.) на приобретение информации. Позиции ярких политических фигур также существенно влияют на политическую идентификацию населения. Как отмечали в начале 1990-х годов Э. Карминес и Дж. Куклински, «граждане склонны формировать свои взгляды по конкретному вопросу в зависимости от того, как идентифицировалась позиция крупных политических лидеров по этому вопросу».[30]

Д. Канеман и А. Тверски выделили четыре эвристических принципа, дающих индивидам возможность при принятии решений использовать лишь незначительную часть всей имеющейся в их распоряжении информации: доступность, представительность, приспособление, моделирование. Под доступностью понимается ситуация, когда индивид, принимая политическое решение, не стремится получить не только всю относящуюся к случаю информацию, но и просто доступную. Например, собираясь голосовать за определенную партию, человек идентифицирует себя с ней или ее идеологией, апеллируя к политическим взглядам какого-либо выдающегося ее представителя, практически не обращая внимания на иных представителей этого течения. Принцип представительности предполагает автоматический перенос политических взглядов одной персоны на другую по каким-либо отдельным, частным критериям. Принцип приспособления предполагает, что личная позиция индивида по политическим вопросам является частью его ожиданий как члена группы.[31]

«Индивидуальные» факторы (к ним относятся личные цели индивида (жизненная стратегия), индивидуальные предпочтения, «независимые структурные факторы») также могут рассматриваться в контексте социальных процессов. Социальные контакты, место работы являются результатом выбора индивида. Но они также зависят от его социального статуса. Влияние малых социальных групп чрезвычайно значимо. Нормы и ценности людей, объединенных в социальные группы, более разнообразны, чем это обычно бывает в семье. Круг друзей и людей, которых человек ощущает близкими себе, имеет огромное влияние. Эти группы имеют особое значение в подростковые годы. Во многих своих политических взглядах — главным образом тех, которые не связаны с

---

[30] *Политическая* наука… С. 256.
[31] Там же. С. 254–255.

вопросом приверженности той или иной политической партии и идеологии — студенты часто походят на своих друзей больше, чем на родителей. Как правило, это объясняется тем, что социальное происхождение друзей нередко совпадает. Итак, социальный фон имеет определенное значение. Дети из среднего класса по большей части усваивают установки своего класса и ценности, впервые проявленные в семье. Дети из бедных районов не знакомы с установками среднего класса; исследования показывают, что они растут с негативными установками по отношению к политическим институтам и лидерам, типичным для детей из среднего класса.

Степень сплоченности людей, чьи политические предпочтения не находят у окружения сочувствия, очень высоки. «Отверженные» предпочитают держаться вместе, их группы весьма сплоченны, меньшинства «склонны принадлежать структурам своих ассоциаций».[32] Р. Барт в конце 1980-х годов объяснял роль межличностной коммуникации в становлении общих политических взглядов людей, используя «модель социальной сплоченности». Его мнение поддержали Р. Хакфельд, Э. Даунс, Дж. Спраги.[33] Уважающие и доверяющие друг другу люди, а потому и разделяющие общие нормы (в том числе и политические), некритически «усваивают» передаваемую друг другу политическую информацию и более склонны к однотипной политической идентификации. Доверие порождает влияние, сплоченность и осознание сходства общих интересов, установок, взглядов, «существование близкой политической склонности». В современных исследованиях электорального поведения ученые анализируют, каким образом такие переменные, как близость позиций, ретроспективные оценки деятельности правительства, партийная идентификация, формируют политические предпочтения в многопартийных системах.

Существование в государстве «вторичных групп» (добровольных ассоциаций и различных гражданских клубов) также способствует политической самоидентификации, поскольку в них обычно объединяются те, чьи цели и установки, усвоенные ранее, совпадают. Часто люди создают особые группы для улучшения своего экономического или социального положения. Когда организации предпринимают интенсивные попытки создания внутригрупповых норм, люди вынуждены менять свои взгляды из-за страха общественного остракизма. В целом они приспосабливают индивидуальные установки к групповым, если чувствуют потребность в том, чтобы их воспринимали равными, имеют сильную

[32] Там же. С. 243.
[33] Там же. С. 247.

потребность в поощрении со стороны, находятся в частых и тесных контактах с группой, предлагают важные темы для дискуссий в группе или не имеют альтернативных путей приобретения политической информации, испытывают страх обнародовать свою позицию. В этом случае на их позицию давит мнение лидера группы. Люди могут попытаться достичь компромисса, меняя одну группу на другую, игнорируя темы дискуссий, конфликт мнений или уходя из всех групп, если противостояние будет слишком нестерпимым.[34]

Сфера и характер деятельности, безусловно, влияют на политические установки. Рабочие ассоциации являют собой пример мощного политического влияния, поскольку постоянно порождают политические дискуссии. Деятельность, предполагающая общение с населением (преподавание, продажа, сервисное обслуживание, реклама), активно связывает работника с политикой в отличие от «изоляционистских» видов деятельности, подобных фермерству. Не случайно в некоторых штатах США государственным служащим законом запрещено проявлять свою приверженность какому-либо политическому течению.[35]

Участие в решениях, затрагивающих организацию (кампанию, предприятие, профсоюз), даже если эта деятельность и не является собственно политической, трактуется исследователями как проявление склонности к государственным делам. Хотя подобное влияние сферы занятости проявляется в жизни позднее, чем возникает возможность участвовать в школьных и семейных делах, оно возникает тогда, когда рабочие видят взаимосвязь между политической деятельностью и улучшением своего личного экономического положения.

По утверждению Г. Зиммеля, «конфликт — это форма социализации». Определенный уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален. Представители генетической психологии и психоанализа в 1930-х годах собрали массу эмпирических свидетельств в пользу того, что конфликт представляет собой важнейший фактор, формирующий идентичность и автономию эго, т.е. фактор полного отделения личности от окружающего мира.[36] Г. Зиммель рассматривал взаимосвязанные, но не тождественные явления. Во-первых, он утверждал, что конфликт задает границы между группами внутри социальной системы благодаря усилению самосознания групп и их представлений о собственной автономности и специфичности, в результате которого происходит самоидентификация групп внутри системы. Во-вторых, он доказывал, что

---

[34] *Nimmo D., Ungs T.* Op. cit. P. 149.
[35] Ibid.
[36] *Козер Л.* Указ. соч. С. 52.

взаимное «отталкивание» помогает сохранять целостность социальной системы, устанавливая равновесие между ее различными группами. Например, межкастовые конфликты могут вести к самоизоляции и индивидуализации каст, но могут также способствовать сохранению стабильности всей социальной структуры индийского общества, обеспечивая баланс интересов враждующих каст. Г. Зиммель настаивал на группосозидающей природе конфликта.[37]

Функция конфликта, заключающаяся в установлении и поддержании групповой идентичности, отмечена в работах таких исследователей, как Ж. Сорель и К. Маркс. Защиту «насилия», с которой выступил Ж. Сорель, следует понимать исключительно в контексте осознания им тесной взаимосвязи между конфликтом и групповой сплоченностью. Он понимал, что рабочий класс сможет сохранить свою идентичность только в постоянных столкновениях со средним классом. Лишь в этом случае рабочие обретут и осознают свою классовую принадлежность. Он был убежден, что социалисты (к которым он себя относил) должны противостоять «гуманитарным» попыткам правящих классов улучшить положение рабочих, и в основе этой убежденности лежала признанная социологическая истина: подобные меры приведут к снижению уровня классового конфликта и, следовательно, к ослаблению классовой идентичности. По К. Марксу классы возникают только благодаря конфликту. Объективно индивиды могут обладать одинаковым положением в обществе, но осознать общность своих интересов они могут лишь в конфликте и через конфликт.

Не последнюю роль в формировании политических установок играет религия. Хотя более 90% взрослого населения США идентифицируют себя как протестантов, католиков или иудаистов, число тех, кто реально посещает церковь, значительно ниже. Тем не менее религия все еще остается важным фактором социализации граждан, поскольку основное содержание мировых религий составляют апелляции к достоинству человека и ценности нравственного поведения. Но некоторые религиозные догмы могут порождать непримиримое отношение к религиозным меньшинствам.[38] В целом следует признать консервативное влияние религии на политические взгляды членов религиозных организаций. Отношение политиков к преступлениям, уровню смертности, алкоголизму, азартным играм, разводам, контролю за рождаемостью, абортам, образованию, коммунизму и ряду других проблем может быть окрашено религиозными представлениями так же, как и другие установки.

---

[37] Там же. С. 53.
[38] *Nimmo D., Ungs T.* Op. cit. P. 150.

Электоральное поведение регламентировано нормами, устанавливаемыми конституциональными и законодательными актами и партийными традициями. Отдельный избиратель находится под влиянием социального и демографического фона и личных перспектив, которые обусловлены главным образом партийной идентификацией. Это является относительно стабильным фактором, который влияет на голосование. На каждых выборах сами эти факторы определяются впечатлением о кандидатах, партиях и спорных проблемах. Было бы заманчиво предположить, что большинство граждан во время голосования руководствуется главным образом симпатиями к партии или кандидату и не способно сделать рациональный выбор. Но подобное умозаключение слишком примитивно. Эта позиция игнорирует тот факт, что партийная идентификация хотя и является призмой, через которую люди видят выборы, дает многим избирателям рациональное понимание политики. Приверженность партии — не просто шоры, она может служить инструментом анализа политических фактов. Имидж кандидата или партии, актуальность проблем в глазах избирателей не всегда связаны с их партийными предпочтениями и порой заставляют сторонников отказываться от былой приверженности той или иной партии. Американцы, например, делают различие между своим ощущением приверженности той или иной партии и сиюминутным прагматичным выбором. Они могут и часто делают свой выбор на основе последнего фактора. Эти «независимые» отличаются от тех, кто был объектом исследований электорального поведения, проведенных в США в начале 1940–1950-х годов. «Старые независимые» были в целом не информированы о политике, апатичны, имели слабую веру в свою способность влиять на правительство, легко поддавались воздействию эмоциональных сентенций. «Независимые» избиратели с 1970-х годов делятся на две категории: «старых независимых», характеризующихся признаками прошлых десятилетий, и «новых независимых», которые не идентифицировали себя ни с одной партией, но не из-за своей политической пассивности, а потому, что были уверены: ни одна из политических партий не представляет их интересы в электоральных конфликтах достаточно полно, чтобы одаривать эти организации своей постоянной лояльностью. «Новые независимые» готовы действовать прагматично в зависимости от спорных вопросов и способностей кандидатов. Но это не доказывает, что американцы не склонны к рациональному выбору, поскольку как устойчивая политическая идентификация, так и независимость требуют рационального понимания политических процессов и своих интересов. Более того, нельзя утверждать, что продолжающееся, по крайней мере внешне, вовлечение большинства граждан в политику с помощью выборов необходимо для

выживания демократии. Несомненно, если люди хотят вынести свои споры на общественное обсуждение, высокий уровень участия в голосовании — один из путей демонстрации существующих конфликтов. Поддержку избирателями на выборах оппозиции или голосование против всех можно рассматривать как проявление конфликтов, которые существуют в общественном мнении и между политическими лидерами.[39]

3.4. Роль символов в формировании политической идентичности

Идентифицируя себя с тем или иным движением или отвергая их не всегда люди в состоянии сформулировать свои убеждения и представить их в виде развернутой системы высказываний на политические темы. Не всегда они способны оценить свои политические взгляды, определить отношение к тем или иным политическим движениям и идеологиям. Для исследователя в некоторых случаях весьма плодотворным при определении политической идентичности граждан оказывается привлечение к анализу политической символики.[40]

Политическим партиям и движениям выгодно иметь яркую, запоминающуюся символику (вербальную и невербальную), поскольку это облегчает восприятие образа организации не только ее членами, но и сторонними наблюдателями, способствует привлечению новых сторонников. В США стали привычными образы осла (демократическая партия) и слона (республиканская партия), в России всем избирателям памятны «крыша»-треугольник (НДР в середине 1990-х годов), яблоко («Яблоко»), медведь («Единство»), красный революционный стяг — образ коммунистического движения и т. д.

Политические символы могут успешно применяться для корректировки политической идентификации и отношения к политическим объектам, для манипуляции общественным мнением. Хорошо известны комментарии к символу НДР («крыша приехала», «крыша съехала»), фиксирующие настороженное отношение к статусу партии власти в середине 1990-х годов и опасения, связанные с самой персоной лидера этой партии В. Черномырдина. Одновременно использование образа «зеленого», «гнилого» или «червивого» яблока для снижения образа

---

[39] Ibid. P. 222.

[40] Подробно об историческом опыте формирования идентификации с собственным государством и государственной идеологией см.: *Мисюров Д. А.* Политика и символы. М., 1999. С. 78–91, 113–117.

партии Г. Явлинского фиксирует и заказной характер подобной «эксплуатации» символа, откровенно негативное отношение и к партии, и к ее лидеру.

Известно, что активное использование политических символов может оказать существенное влияние на электоральное поведение. Э. Ноэль-Нойман в своей теории «спирали молчания»[41] указывает, что если сторонники политической партии публично активно высказываются о своих политических предпочтениях, носят значки, наклеивают партийную символику на стекла автомобилей, витрины магазинов, выставляют постеры в окнах квартир, вступают в публичные дискуссии и организуют «стихийные» мини-митинги, то они способны создать впечатление «организованного большинства» и тем самым перехватить инициативу у противников, привлечь в ряды своих сторонников людей со слабой или не сформированной политической идентичностью. Как утверждает Э. Ноэль-Нойман, эффективность символического действия во много раз превосходит влияние слов и призывов.

Роль символа в формировании политической идентичности может выполнять и одежда. «Среди социальных феноменов… можно выделить общую тенденцию к некоему единообразию, либо к социальной униформе, или к определенной отличительной одежде, посредством которой недостаточная уверенность в себе может на время замаскироваться “групповой” уверенностью».[42] Черные рубашки фашистов в Италии в середине 1920-х годов, полувоенный френч без знаков различия как символ тоталитарной власти, кожанки чекистов как антипод твидовых пиджаков «бывших» и кожанки современных российских «бритоголовых» как элемент радикальных националистических группировок молодежи, синие костюмы с красным галстуком как «униформа» представителей власти, береты как символ антифашистского французского Сопротивления и латиноамериканских революционеров в 1960-х годах — все это способы «символического присоединения» и политической идентификации. Оказываясь в «униформе», индивид подвергается дополнительному психологическому воздействию, ощущая близость с такими же, как он, людьми и закрепляя политические установки.

Прозвища политиков также явно выполняют функцию их символической идентификации. «Киндер-сюрприз» (С. Кириенко) трактуется как «молодой да ранний», «только что из яйца», «пустышка». Аббревиатура «ЧВС» (В. С. Черномырдин) предполагает некую тяжеловесность и мощь, ассоциируется с дальнобойным артиллеристским оружи-

---

[41] *Ноэль-Нойман Э.* Указ. соч. С. 238–239.
[42] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 193.

ем. Прозвище Б. Н. Ельцина «Царь» также весьма показательно, особенно с учетом того, что появилось оно в 1996 г., когда официально либеральные политические реформы еще продолжались. «Железный Винни Пух» (Е. Гайдар) — внешне мягкий, пухлый, комфортный для своих друзей и предельно жесткий к оппонентам, способный последовательно добиваться своих целей. Г. Явлинский — «Господин Нет» находится в вечной оппозиции. Активное использование в СМИ этих «заместителей» имен или «просачивание» информации о них корректируют политические взгляды обывателей, весьма далеких от кремлевских битв.

По большому счету, даже основные идеологии могут четко отграничиваться одна от другой с помощью нескольких устойчивых словосочетаний-образов, т. е. вербальных символов. Например, студенты политологического отделения философского факультета СПбГУ (групповая дискуссия была проведена в апреле 2000 г.) выделили для каждой идеологии четыре устойчивых словосочетания-образа: для фашистской идеологии — «порядок во всем», «нация превыше всего», «большинство всегда право», «жестокая власть, лишенная недостатков»; для анархизма — «абсолютная свобода», «отмена налогов», «отмена государства», «самоорганизация общества»; для идеологии социализма — «социальное обеспечение», «поддержка мелкого производителя», «социальное партнерство», «высокие налоги для обеспечения социальных программ». Обязательными принципами людей, придерживающихся коммунистической идеологии, являются вера в «светлое будущее», реализация принципов «равенства доходов» и достижение «бесклассового общества», «интернационализм». Сторонники идеологии либерализма будут поддерживать «снижение регулирующей роли государства», «независимость человеческой личности», «возможность выбора», «плюрализм мнений». Люди, идентифицирующие себя с консерваторами, склонны оперировать такими понятиями, как «постепенные изменения», «стабильность», «опора на прошлое», «низкие налоги для обеспеченных».

Конечно, некоторые понятия и символы достаточно многозначны, они могут «прочитываться» по-разному людьми с несовпадающим социальным и политическим опытом. К подобным многозначным символам, безусловно, относится образ Белого Дома. Для американцев этот символ связан с легитимностью президентской власти, с главой государства, со стабильностью, законностью и т. д. Для россиян образ Белого Дома связан с весьма противоречиво оцениваемыми событиями августа 1991 г. и октября 1993 г.

Даже отношение к символике государства при определенных условиях может стать своеобразным «маркером» политической идентифика-

ции. Подобную ситуацию мы могли наблюдать в нашей стране в 1991 г. и в конце 2000 г. В первом случае в качестве гимна России была утверждена «Патриотическая песнь» Михаила Глинки без слов, поскольку дореволюционный гимн, начинавшийся словами «Боже, царя храни», был абсолютно неуместен в условиях начала демократизации нашего общества. Подобная версия гимна весьма раздражала людей с устойчивой системой коммунистических политических взглядов. Позже фракцией КПРФ в Государственной Думе были предприняты титанические усилия к отмене этого гимна. Людьми с либеральными и монархическими взглядами ситуация прочитывалась как возвращение России ее многовековой истории. В конце ушедшего десятилетия отношение к гимну вновь стало своеобразной лакмусовой бумажкой самооценки политических взглядов. Во второй половине 2000 г. в Государственной Думе обсуждался, а 8 декабря был принят проект закона «О государственном гимне Российской Федерации». Право решения о тексте гимна Государственная Дума оставила за Президентом, который своим указом поставил «все точки над i». Принятое решение было воспринято либерально настроенными социальными группами как восстановление гимна Советского Союза, поскольку наряду с возвращением музыки Александрова написание текста (а фактически — новой редакции старого) было поручено С. Михалкову, автору двух предыдущих версий гимна СССР.

Необходимо признать также роль смеха как очень мощного символа «присоединения» или угрозы социальной и политической изоляции. Достаточно вспомнить унизительные кадры съемок одного из последних (или последнего?) выступления А. Сахарова в Верховном Совете. Депутаты, хохоча и улюлюкая, дистанцировались от академика не только как от личности, но и как от правозащитника и защитника демократии. Это и стало «началом конца» «романтической» волны демократических реформ.

Итак, говоря о политической идентификации, мы должны выделять целую группу макро- и микрофакторов, влияющих на состояние политического сознания населения страны в целом, отдельных индивидов, участников политических институтов или различных социальных групп. Необходимо признать, что роль социоэкономических, социокультурных, социально-демографических, профессиональных, статусных факторов, политической социализации, характера политических событий в стране является определяющей в формировании целостной, устойчивой, непротиворечивой политической идентичности.

Глава 4

ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ (на примере исследований, проведенных в США)

4.1. Партийная идентификация при двухпартийной политической системе

Партийную идентификацию в научной литературе чаще всего трактуют как устойчивую установку в отношении к определенной политической партии, что непосредственно влияет на электоральное поведение индивида. Партийная идентификация понимается как психологическая приверженность конкретной партийной организации, являющаяся основным мотивом голосования за нее.[1] Отечественные исследователи, особенно работающие в сфере политического консультирования, склонны утверждать, что «твердая партийная идентификация подразумевает лояльность к политическим деятелям своей партии».[2] «Партийная идентификация является позиционной переменной, которая означает чувство принадлежности индивида к “эталонной” (референтной) политической группе».[3] Этот показатель не оценивает поведение. Партийная идентификация не предполагает формальной принадлежности к партии, уплаты взносов или участия в партийных митингах. Даже существующее в некоторых штатах США правило регистрации избирателей в качестве сторонников той или иной партии не может рассматриваться как показатель партийной идентификации, равно как и голосование за ту или иную партию. «Партийное предпочтение» — срединная переменная, «находящаяся между мнениями и оценками партий, с одной стороны, и поведением в ходе голосования — с другой. Статус этой переменной

[1] *Голосов Г.* Поведение избирателей в России // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000. С. 89–90.

[2] *Егорова-Гантман Е., Плешаков К.* Политическая реклама. М., 1999. С. 221.

[3] *Abramson P. R.* Political Attitudes in America: Formation and Change. San Francisco, 1983. P. 71.

совпадает со “сравнительной оценкой кандидатов” в американских моделях президентских выборов».[4] Понятие «партийное предпочтение» связано с понятием «партийная идентификация». В первоначальной версии мичиганских исследователей партийная идентификация определялась как «постоянная позитивная идентификация с партией в качестве основного, а не ситуативного объекта установки».[5]

США представляют собой страну классической бипартийной системы, при которой две основные партии периодически сменяют друг друга в высших органах государственной власти. Но анализ электорального поведения в США 1970–1990-х годов показал, что достаточно часто «твердые» сторонники демократической и республиканской партий голосуют за представителей «не своих» партий, если считают их «слабыми политиками». То же происходит, если избирателей не устраивает политическая линия правящей партии (как это было, например, во времена войны во Вьетнаме или при осуществлении операции «Буря в пустыне»). Большинство людей, считающих себя сторонниками основных партий США, по своим политическим взглядам являются умеренными, центристами. Партии в современной политической жизни выступают прежде всего инструментом организации выборов и средством добиться победы в избирательной кампании, поэтому при выдвижении своих политических программ они очень точно должны знать установки и ожидания электората. Как следствие, смягчается идеологическая основа программы действий партий. У сторонников и рядовых (зарегистрированных) членов партий меньше активности и энтузиазма, чем у партийных активистов. Идеологически они менее стойки и в своих взглядах склонны придерживаться «середины дороги». Они не последовательны в решении спорных политических вопросов и часто действуют как прагматики. Исследования указывают на рост числа людей, которые ощущают себя либералами или консерваторами по целому кругу политических проблем. Но остается значительной и группа людей, которые колеблются, ощущая себя то либералами, то консерваторами. Например, являясь либералами в вопросе о роли правительственных программ в области проблемы занятости, они могут быть консерваторами в отношении расовой политики.[6]

По данным опросов общественного мнения, начиная с 1970-х годов, обнаруживаются существенные расхождения в оценке состояния политической идентификации американцев. Но большинство опросов фик-

---

[4] *Политическая* наука: Новые направления. М., 1999. С. 265.
[5] Там же. С. 266.
[6] *Freedman M.* Power and Politics in America. Los Angeles, 1990. P. 112.

сируют следующие пропорции: самоидентифицирующие себя в качестве либералов составляют около 20% электората, консерваторов около 33%, умеренных около 40% и более. Кроме того, многие из называющих себя консерваторами или либералами склонны уточнять свою позицию словом «умеренные». Например, среди студентов I курса в колледжах явно существует предпочтение позиции «середина дороги». Хотя к концу 1980-х годов обнаружился некоторый спад в выборе такой позиции, 53,9% первокурсников все же предпочитали центристские позиции, 2,3% считали себя крайне левыми, 22% либералами, 20,2% консерваторами и 1,6% крайне правыми. Не удивительно, что подавляющая часть политиков в такой ситуации предпочитает не рисковать поддержкой больших групп людей и не демонстрирует жесткой идеологической позиции, стремясь, насколько возможно, занять центристские позиции.

Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах были семейной традицией, передаваемой из поколения в поколение, то в последние десятилетия подобная идентификация является скорее исключением из правила. Примерно четвертая часть молодых людей в США может поменять свои партийные пристрастия в течение двух месяцев. При этом есть данные, что в возрасте от 18 до 25 лет свою партийную принадлежность изменяют до 40% молодых людей. Примерно половина молодых американцев не видит себя сторонниками ни одной из основных политических сил в стране. Возникают проблемы с партийно-политической идентификацией и в странах Западной Европы.[7]

У большинства американских избирателей отсутствует устойчивая партийная лояльность. Конечно, в определенные отрезки истории партийная преданность была колоссальной. Например, во время больших волн переселений в первой половине XX в. в США прибывали иммигранты, не способные говорить по-английски, которые не имели работы, дома, а часто и друзей, круга общения. Партии в это время создали специальный политический «механизм», который поддерживал этих людей, обеспечивал им пищу, помогал найти ночлег и работу. В ответ от них ожидали только поддержки и голоса на выборах. Позднее данные партийные «машины» оказывались уже не столь важны. В результате ослабевала и партийная «лояльность». В годы создания демократической коалиции Франклина Рузвельта, во времена расцвета «нового курса» преданность партиям была уже не столь сильной, как раньше. Объединение в одном движении цветных рабочих, бедных фермеров, афро-

---

[7] *Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 148.

американцев, евреев, католиков, выходцев с юга, интеллектуалов позволило Ф. Рузвельту трижды победить на президентских выборах, а Г. Трумену быть переизбранным в 1948 г. Но эта коалиция была создана великой депрессией и массовой безработицей. Значение коалиции уменьшилось, когда отпала необходимость прилагать усилия по восстановлению экономики. После второй мировой войны историческая «привязанность» к демократической партии медленно и неуклонно ослабевала.

В 1984 г. примерно 33% электората оказывали сильную поддержку какой-либо политической партии. Но все большее число людей ориентировалось не на партию, а на личность политика или проблему.

Таблица 2

«Сила» партийной идентификации американцев*

Тип идентичности	1960 г.	1984 г.
«Сильные» демократы	21	18
«Слабые» демократы	25	22
Независимые демократы	8	10
Независимые	8	7
Независимые республиканцы	7	13
«Слабые» республиканцы	13	15
«Сильные» республиканцы	14	14
Аполитичные, не могут оценить	4	2

* *Freedman M.* Power and Politics in America. Los Angeles, 1990. P. 114.

Для многих американцев характерно голосование «по разорванному билету», когда они поддерживают демократов и республиканцев в борьбе за разные посты во время одних выборов. Но начиная с 1952 г. республиканцы распоряжались в Белом Доме большее количество сроков, чем демократы. Среди избирателей, получивших право голосовать после 1960-х годов, значительно увеличилась доля «независимых» (см. табл. 2). Но более половины людей, идентифицирующих себя как независимых, не полностью освободились от «партийных уз». Партия все еще жива в сознании и поведении большой доли электората, хотя и утрачивает свой потенциал. Поскольку партийные лидеры и кандидаты видят склонность многих избирателей голосовать по «разорванным билетам», они опускают из своих программ многие аспекты, отличающие республиканцев от демократов. Они осознают, что благодаря этой уловке можно перетянуть на свою сторону избирателей и, наоборот, сторонники могут перейти к противникам. Что касается «независимых», то некоторые из них (их число все более возрастает) предпочитают более

жесткую политику, чем сторонники партий. Но большинство «независимых» все же оказываются в центре политического спектра. Для привлечения их голосов кандидаты вновь будут отказываться от радикальных, вызывающих споры и неприятие пунктов своих программ.

Э. Кемпбелл, Ф. Конверс, У. И. Миллер и Д. Стоукс («Американский избиратель», 1960) рассматривали партийную идентификацию как ключевую политическую концепцию и учитывали высокую долю американцев, идентифицировавших себя с основными политическими партиями, как ключевой политический фактор. По мнению этих авторов, лишь немногие причины имеют в США такое же влияние на исход общенациональных выборов, как тяга десятков миллионов граждан к одной из двух партий. И это, в свою очередь, обеспечивает поддержку самой партийной системе.

Но более свежие данные показывают, что хотя партийная идентификация все еще объясняет политическое поведение американцев, ее значение снижается. В 1950-е годы около 35% избирателей в США оценивали себя как стойких («сильных») сторонников одной из партий, в конце 1980-х годов таких насчитывалось, по данным мичиганских исследователей, только 26%. Четыре десятилетия назад 74% американцев относили себя к «сильным» или «слабым» сторонникам партий, в 1980-е годы этот показатель колебался на уровне 63%. В 1950-е годы 6% независимых не имели никаких партийных предпочтений, через три десятилетия их число увеличилось до 13%.[8] Только среди чернокожих южан уменьшение числа «аполитичных» сопровождается усилением партийной приверженности.

Тот аргумент, что партии служат формированию общественного мнения, основан главным образом на непрямых доказательствах и на представлении о том, как формируются партийная идентификация и общественное мнение. По данным американских исследователей большинство респондентов имеет установки, аналогичные установкам их родителей, и сохраняет лояльность партии на протяжении всей своей жизни. Более того, исследование социализации, предпринятое Г. Хайманом, подтверждает, что большинство респондентов имело партийную идентичность до формирования позиции по частным политическим вопросам. Однако эти утверждения не дают нам представления о том, каким образом приверженность партии обеспечивает формирование взглядов отдельных людей. Реализуется ли этот принцип всегда, особенно в эпоху, когда телевидение распространяет информацию о самых разнообразных проблемах и делает ее более доступной, и развитие об-

[8] *Abramson P.R.* Op. cit. P. 74–75.

разования избирателей усиливает их способность формировать позицию безотносительно к партийной приверженности и подсказкам со стороны партий? Вероятно, значение партийной идентичности в формировании новой позиции по политическим проблемам может существенно снизиться.

Основное возражение против тезиса о возможности партий формировать общественное мнение по спорным темам было высказано Р. Линдом и М. Шварцем в 1973 г. Если бы партийная идентификация создавала и структурировала политическое знание, можно было бы обнаружить сильную взаимосвязь между партийной идентификацией и позицией по спорным вопросам, которой придерживается каждый конкретный человек. Для обнаружения этой зависимости были использованы данные мичиганских исследователей 1968 г. и данные, полученные в 1969 г. учеными университета в Северной Каролине. Статистические исследования показали, что взаимосвязь между этими показателями достаточно слаба. Однако эти выводы научный мир особо не удивили. Еще Э. Кемпбелл обнаружил, что партийная идентификация американцев слабо связана с их представлениями о проблемах, вызывающих наиболее горячие споры среди политиков.[9] Авторы «Американского избирателя» обсуждали долгосрочные процессы изменения политических представлений избирателей, на которые влияет партийная идентификация. Такие процессы бывает трудно зафиксировать, поскольку при панельных исследованиях, когда опрашивают одних и тех же респондентов, сложно сохранить выборку даже в течение четырех лет.

В 1970-х годах ученые доказали тесную взаимосвязь между партийной идентификацией и позицией двух партий, длительное время обсуждавших обязанности правительства по сохранению здоровья граждан и его гарантии по обеспечению высоких жизненных стандартов.

Кажется весьма заманчивым сделать вывод о том, что лояльность партии помогает структурировать взгляды отдельных людей по поводу политических событий, кандидатов и, в некоторых случаях, по спорным проблемам. Конечно, неудовлетворенность позицией партии по спорному вопросу может привести к ослаблению партийной идентичности избирателя, особенно если спорная проблема воспринимается как личностно значимая. Отток белых южан из демократической партии между 1964 г. и 1968 г., когда партийное лидерство находилось в существенной зависимости от требований чернокожих американцев, ясно показал, что партийная идентичность может меняться, что спорные проблемы являются значимыми в этом процессе. Более того, в отношении индиви-

[9] Ibid. P. 76.

дов, изменивших свои партийные привязанности, нельзя с уверенностью сделать вывод о том, что их приверженность партии предшествовала формированию позиции по спорным вопросам. По мнению американских исследователей, тенденция к снижению роли партийной идентификации явно прослеживается во время выборов президента США, особенно показательны данные за 1950–1980-е годы (см. табл. 3).

Таблица 3

Партийная идентификация белых избирателей, голосовавших за кандидата от демократов на пост президента США (в %)*

Партийная идентификация	Годы							
	1952	1956	1960	1964	1968	1972	1976	1980
«Сильные» демократы	82	85	91	94	89	66	88	87
«Слабые» демократы	61	63	70	81	66	44	72	59
Независимые, голосующие за демократов	60	65	89	89	62	58	73	57
Независимые, не имеющие предпочтений	18	15	50	75	28	26	41	23
Независимые, голосующие за республиканцев	7	6	13	25	5	11	15	13
«Слабые» республиканцы	4	7	11	40	10	9	22	5
«Сильные» республиканцы	2	—	2	9	3	2	3	4
Коэффициент взаимосвязи партийной идентификации и характера голосования	0,71	0,75	0,78	0,64	0,73	0,48	0,68	0,69

**Abramson P. R.* Political Attitudes in America: Formation and Change. San Francisco, 1983. P. 77.

Влияние партийной идентификации на выборы в Конгресс США с начала 1960-х годов также снизилось (см. табл. 4). Впрочем, утверждение, что высокий уровень партийной идентификации влияет на электоральную стабильность, было многократно подтверждено после 1960 г. В 1962 г. Ф. Конверс и французский исследователь Дюпекс в совместной статье провели сравнительный анализ американских и французских избирателей. В США уровень партийной идентификации был более высоким, как и уровень электоральной стабильности, в то время как Франция демонстрировала партии-звезды, которые участвовали в одних-двух выборах, а затем навсегда покидали политическую арену. Например, во Франции в 1953 г. возник Союз защиты владельцев магазинов и ремесленников, носивший откровенно антисемитский характер и ориентировавшийся по преимуществу на мелких бизнесменов. Первоначально это было антипарламентское движение. В 1956 г. оно набрало 12% голосов избирателей, необходимых для получения мест в Национальной Ас-

самблее, и затем было преобразовано в партию. В 1958 г. оно перестало существовать в качестве общенациональной политической силы вместе с исчезновением Четвертой Республики. Конверс и Дюпекс пришли к выводу о том, что отсутствие партийной идентичности у значительного количества французов способствовало успеху на выборах новых партий.[10]

Таблица 4

Партийная идентификация белых избирателей, голосовавших на выборах в Конгресс США в 1952–1980 гг. (в %)*

Год выборов	«Сильные» демократы	«Слабые» демократы	Независимые, поддерживающие демократов	Независимые, не имеющие предпочтений	Независимые, поддерживающие республиканцев	«Слабые» республиканцы	«Сильные» республиканцы	Коэффициент взаимосвязи между партийной идентификацией и голосованием за президента
1952	90	76	63	25	18	10	5	0,77
1954	97	77	70	41	6	6	5	0,85
1956	94	86	82	35	17	11	5	0,83
1958	96	88	75	46	26	22	6	0,79
1960	92	85	86	52	26	14	8	0,78
1962	96	83	74	61	28	14	6	0,81
1964	92	84	78	70	28	34	8	0,67
1966	92	81	54	49	31	22	12	0,70
1968	88	72	60	48	18	21	8	0,66
1970	91	76	74	48	35	17	4	0,72
1972	91	79	78	54	27	24	15	0,64
1974	89	81	87	54	38	31	14	0,62
1976	86	76	76	55	32	28	15	0,59
1978	83	79	60	56	36	34	19	0,51
1980	82	66	69	57	32	26	22	0,49

**Abramson P. R.* Political Attitudes in America: Formation and Change. San Francisco, 1983. P. 79.

Эта идея получила дальнейшее подтверждение в работах Ф. Конверса и У. И. Миллера в конце 1960-х годов при анализе партийной идентификации граждан США, Великобритании, Западной Германии, Италии, Мексики. Идея заключалась в том, что стабилизация вновь формирующейся партийной системы связана с приходом новых поколений

[10] Ibid. P. 82.

избирателей. Только с появлением третьего поколения избирателей, уже имеющих высокую степень идентификации с той или иной политической партии, можно говорить о стабильности партийной системы в целом. В 1960-е годы США и Великобритания имели зрелую партийную систему, а Германия, Италия и Мексика — нет.

В 1969 г. Ф. Конверс первым провел историческое сравнение электорального поведения в Веймарской республике в период между 1919 г. и 1933 г., когда к власти пришел Гитлер, и в США во время президентских выборов 1968 г. Изучение гибели Веймарской республики тем более значимо, что показывает пример разрушения демократической политической системы в результате поддержки избирателями (причем наиболее молодыми) антидемократических партий. Ф. Конверс обнаружил параллели между поддержкой лидера нацистской партии молодежью Германии и поддержкой кандидата в президенты США Г. Уоллеса самыми молодыми избирателями.

Оба политических лидера бросили вызов существовавшим партиям, оба стремились обрести поддержку среди самых молодых избирателей. Поскольку Г. Уоллес специально не апеллировал к молодежи, можно было ожидать, что более старые и консервативные избиратели также поддержат его кандидатуру. Исследователи утверждают, что этот кандидат был лучше воспринят молодежью, поскольку у данной демографической группы более слабая партийная идентификация, чем у старших возрастных групп. Старших избирателей также мог привлечь этот кандидат, но они менее охотно, чем молодежь, голосовали за него из-за своей лояльности к традиционным политическим партиям. Во время следующих выборов как значимая политическая сила Американская независимая партия, которую представлял Г. Уоллес, сошла с политической арены.

Следует отметить, что ситуация повторилась в 1980 г., когда кандидата Р. Андерсона также поддержали молодые избиратели, не обладавшие четкой партийной идентичностью. Итак, партийная лояльность электората может способствовать разрушению нового политического движения и обеспечивает доминирование республиканской и демократической партий в США.

У. Шивли в 1972 г. обратился к электоральной статистике для выяснения того, почему молодежь обеспечила столь неоправданно большую поддержку нацистской партии. Однако достаточно трудно из данных электоральной статистики, не зная характера индивидуального голосования, доказать это. Для достоверной проверки тезиса о взаимосвязи партийной идентификации и стабильности партийной системы необходима ситуация, когда какая-либо новая партия или движение смогут

бросить вызов традиционным партиям, а затем использовать данные опросов для ответа на вопрос, может ли такой феномен, как «сильная» приверженность какой-либо партии (strong party identity) препятствовать их усилиям.

Для проверки этого тезиса необходимы кросснациональные исследования, хотя в таком случае ученые неизбежно столкнутся с проблемой адекватности методики, точности вопросов и шкал, оценивающих степень и характер такой приверженности в разных странах.

В начале 1980-х годов даже в Великобритании при сохранении двухпартийной системы обнаружилось ослабление партийной идентичности, когда на политической арене появилась социал-демократическая партия. В это же время в США в связи с активным участием в президентских выборах независимых кандидатов исследователи прогнозировали возможность изменения двухпартийной системы и появления новых мощных политических партий, а также связанного с этим ослабления партийной идентичности.

Прогнозы не оправдались. Впрочем, исследователи признавали, что успех новых партий зависит от огромного числа факторов, а не только от уровня партийной идентичности активного электората. Искусство «постановки» предвыборной борьбы, очарование кандидатов, значение поднимаемых ими проблем и т. д. — все это и многое другое влияет на будущий успех новых партий. Выборы в парламент Великобритании в 1992 г. также подтвердили наметившуюся ранее тенденцию к отходу от партий их приверженцев. Но тенденция эта проявилась более ярко по отношению к сторонникам неконсервативных партий. Консерваторы в очередной раз продемонстрировали высокую степень сплоченности и партийной идентификации сторонников. На выборах 1992 г. тори победили уже в четвертый раз (в 1996 г. победу одержали лейбористы). Еще более показательны данные по США (см. табл. 5).

Концепция партийной идентификации, разработанная Мичиганской школой, начала подвергаться активной критике уже в конце 1960-х годов. Исследователи отмечали, что интерес к политике и выбор определенной идеологии могут влиять на электоральное поведение не в меньшей степени, чем преданность определенной партии. По данным Р. Андерсона и Д. Филда в течение десятилетия после выхода «Американского избирателя» количество американцев, способных к мышлению в идеологических категориях и способных к выбору предпочтительной для себя идеологии, выросло вдвое. Исследователи Н. Най и К. Андерсон доказали, что рост числа сторонников той или иной идеологии и степень соответствия выбираемых американцами идеологии и партии меняют свои значения циклически, приобретая характер синусоиды.

Таблица 5

Партийная идентификация населения США (в %)*

Тип идентификации	Годы			
	1962	1972	1982	1992
Демократы	54	52	55	49
Республиканцы	34	33	32	39
Независимые (к группе независимых отнесены респонденты, занимающие промежуточное положение между двумя партиями)	8	13	11	12
Аполитичные группы	4	1	2	1
Число респондентов	1287	2694	1418	2487

**Vital* Statistics of American Politics / Ed. H. Stanley, R. Nieme. Washington, 1994. P. 158.

При двухпартийных системах партийная идентификация избирателя является существенным фактором выбора. Считается нерациональным голосовать за партию, которую индивид не поддерживал с самого начала, т. е. не идентифицировал себя с ней. При трехпартийной системе партийная идентификация «работает со сбоем». Человек может идентифицировать себя с определенной партией, но не голосовать за нее из прагматических расчетов, если ее шансы на победу слишком малы. В этом случае избиратель будет голосовать за партию, которая достаточно близка его взглядам и убеждениям и имеет бóльшие шансы на победу. Подобное прагматичное голосование должно проявляться еще отчетливей в условиях многопартийной неустойчивой системы. В этом случае у избирателя, скорее всего, совсем нет последовательного ряда партийных предпочтений.

Как показал даже беглый обзор наиболее известных американских исследований, посвященных партийной идентификации, выводы авторов «Американского избирателя» нуждаются в корректировке хотя бы потому, что даже при сверхстабильной двухпартийной системе, такой, как в США, наблюдается снижение уровня партийной идентификации избирателей. Например, по мнению П. Абрамсона, не только партийная идентичность влияет на общественное мнение, но наблюдается и обратная взаимосвязь: общественное мнение может существенно трансформировать лояльность сторонников партиям.

Партийная идентификация влияет на электоральное поведение граждан, но взаимосвязь между этим показателем и электоральным выбором, например с 1964 г. в США, все более ослабляется. Партийная идентичность усиливает психологическую вовлеченность в политику, даже «не-

зависимые» чаще всего действуют скорее как сторонники политических партий. Наконец, исследователи говорят о сложности проверки, доказательства или опровержения тезиса о роли партийной идентификации избирателей в стабилизации партийной системы. Но и с этими оговорками партийная идентификация является ключевой переменной в понимании политического поведения.

4.2. Формирование партийной идентичности

Вывод одного из ранних исследований, посвященных политической социализации, сводится к тому, что наиболее значимым фактором формирования партийной идентификации в США является установка родителей и что она усваивается детьми в самом раннем возрасте. Партийная идентификация обеспечивает структуру предпочтений, которая помогает индивиду интерпретировать новую политическую информацию.[11] Г. Хайман в своем обзоре исследований, включая проекты, выполненные в Мичиганском исследовательском центре (Michigan Survey Research Center), показал тесную взаимосвязь между партийной приверженностью испытуемых и партийной идентификацией родителей. Эмпирической основой его исследования являлась информация, полученная непосредственно от испытуемых. Поскольку эта информация шла от респондентов и не могла быть подтверждена, Г. Хайман отнесся к ней не просто осторожно, но с предубеждением. Однако он высказал гипотетическое предположение о наличии подобной взаимосвязи.

Первыми к исследованию политической социализации детей, позволяющему выяснить возраст, в котором дети уже демонстрируют приверженность партии, обратились Ф. Гринстайн (1958 г., опрос проведен в Нью Хавене, штат Коннектикут), Д. Истон и П. Хейз (1961 – начало 1962 г.). Ф. Гринстайн задавал подросткам вопрос: «Если бы Вам сейчас был 21 год, за кого бы Вы голосовали чаще всего… за республиканцев… за демократов… не знаю». По подсчетам исследователя, шесть из десяти учеников четвертого класса смогли сделать выбор между республиканцами и демократами, хотя только каждый третий был в состоянии назвать имя партийного лидера и лишь один из шести мог назвать фамилии лидеров двух американских партий. Информированность о политических лидерах значительно увеличивается у школьников с четвертого по восьмой класс, одновременно растет и процент тех, кто считает себя независимыми. Хотя выводы ученого базировались на дан-

[11] Ibid. P. 86.

ных, полученных только в одном городе, было произведено сравнение подгрупп детей в зависимости от их социально-экономического статуса. В результате обнаружились очень слабые различия в знаниях и позициях подгрупп, хотя дети из высокостатусных семей с меньшими затруднениями называли имена партийных лидеров и с большей легкостью признавались, что они являются независимыми.

Совместные исследования социализации Д. Истона и П. Хейза (1961 – начало 1962 г.) были также посвящены формированию партийной идентификации в раннем возрасте. В исследовании участвовали белые школьники со второго по восьмой класс. Вопрос задавался традиционный, но шкала к нему предлагалась несколько иная: «Если бы ты мог голосовать, ты был бы… республиканцем… демократом… иногда демократом, а иногда республиканцем… я не знаю, кем бы я был… я не знаю, что означает “демократы” и “республиканцы”». Обнаружилось, что даже среди учеников второго класса каждый третий имел партийные предпочтения. К пятому классу более половины детей обозначали себя как демократов или республиканцев. Процент выбиравших эти партии падал к восьмому классу, одновременно увеличивалась доля тех, кто выбирал ответ «иногда демократ, иногда республиканец». Это исследование также подтвердило вывод о том, что дети из высокостатусных семей более склонны заявлять о себе как о независимых.[12]

Итак, исследования показали, что дети часто заимствуют партийную идентификацию своих родителей. По пальцам можно было пересчитать детей, чьи партийные предпочтения расходились с родительскими. Вывод этих классических исследований касался роли семьи в формировании партийной лояльности. Для подтверждения этой гипотезы было проведено сравнение партийной идентификации детей внутри семей (205 пар).

Эти исследования, к сожалению, не были репрезентативными для всего населения США и не обладали внешней валидностью. Они не давали достоверной информации о соотношении числа детей и родителей, имеющих общие партийные предпочтения, и о механизме передачи родителями своих партийных привязанностей детям. Отчасти эта проблема была решена в проекте Исследовательского центра Мичиганского университета при изучении политических позиций студентов и их родителей (весна 1965 г., было опрошено 1500 студентов старших курсов). Методическая сторона этого проекта была тщательно разработана, она обеспечила высокую степень репрезентативности данных исследования, поскольку информация о политической идентификации родителей была

[12] Ibid. P. 87.

получена не от студентов, а непосредственно от их отцов и матерей. Устойчивость партийной идентичности студентов оценивалась при повторном интервьюировании тех же респондентов спустя восемь лет.

В методологической части своей работы исследователи поставили вопрос о наличии каузальной связи партийной идентичности родителей и детей. Если родители и дети имеют сходные политические позиции, это не говорит прямо о процессах, благоприятствующих усвоению детьми партийных предпочтений родителей. Авторы проекта высказали гипотезу, что при наличии общих в целом культурных и социальных установок родителей и детей (даже если обычно они не разговаривают на политические темы) можно ожидать совпадения их партийной идентификации. Анализ взаимосвязи политических установок родителей и детей показал высокие коэффициенты корреляции даже в тех случаях, когда дети (студенты) не имели ни малейшего представления о политической идентификации родителей, а в семьях никогда не обсуждались политические проблемы. Хотя дети-студенты имели более слабую партийную идентификацию по сравнению со своими родителями (только один студент из трех имел такую же определенную партийную идентичность, как и родители), данные опроса продемонстрировали поразительное соответствие (совпадение) позиций родителей и детей. Около 60% опрошенных студентов имели сходную с родителями партийную идентификацию.

П. Абрамсон (1983 г.) высказал гипотезу, что процесс обучения в высшей школе может подтолкнуть студентов к изменению их партийных предпочтений, поскольку преподавателями университетов постоянно подчеркивается ценность способности к независимым оценкам и суждениям. Студенты из различных учебных предметов (например, из курсов американской истории или американской демократии) могут усвоить, что голосовать следует не за партию, а за кандидата.[13] Слишком маленькое значение придается тому, что дети могут усваивать политические ценности в средней или высшей школе. Наконец, партийная идентификация молодых людей может зависеть от этапа их жизненного цикла. Политическая идентичность может быть слабой и неустойчивой в силу их молодости или отсутствия политического опыта. Наконец, сама атмосфера времени, с которым совпали основные этапы политической социализации человека, влияет на его партийную идентификацию. Молодежь 1970–1990-х годов воспитывалась в период, когда идеологические догмы были как бы размыты.

Необходимо учитывать также «межпоколенческое» (генерационное)

[13] Ibid. P. 92.

объяснение. Вполне вероятно, что в возрасте своих детей родители имели бóльшую тягу к независимости и не проявляли столь однозначной партийной приверженности. Зрелость и достижение определенного возраста предполагают стремление к постоянству и стабильности (может быть, даже косность во взглядах).

В этом исследовании обнаруженные факты не получили удовлетворительного объяснения, но постановка вопросов дала толчок дискуссиям об условиях, при которых у студентов формируется партийная идентификация, отличная от родительской. Основная гипотеза заключалась в том, что дети из менее политизированных семей имели меньше шансов усвоить предпочтения своих родителей, чем те, кто происходил из политизированных семей. Способность родителей передавать детям свои партийные предпочтения значительно снижалась в том случае, если один из родителей был стойким приверженцем партии, а другой — независимым, или когда родители поддерживали разные партии. Впрочем, среди опрошенных сходные партийные предпочтения имели 72% родителей, и только в 12% случаев они являлись сторонниками разных партий. Если родители ассоциировали себя с разными партиями, у матери было больше шансов передать свои взгляды детям, чем у отца, возможно, из-за ее более тесных контактов с детьми.

Студенты также не были склонны следовать партийным установкам родителей, если их близкие друзья поддерживали другую партию. Однако только треть студентов осознавала различие между партийными установками своих родителей и своих друзей. В этом случае авторитет позиции родителей несколько снижался. Но К. Дженнигс и Н. Ниеми пришли к выводу о том, что влияние партийной идентификации друзей относительно небольшое, оно чаще усиливает позицию родителей, чем ослабляет ее. Следовательно, в ситуации совпадения партийной идентификации родителей и друзей, она существенно влияет на позицию студента. В противном случае позиция друзей скорее не окажет на него влияния.

Другим важным фактором социализации студентов и формирования их партийной идентификации является конкретное политическое поведение родителей и то, насколько их голосование на президентских и парламентских выборах соответствует декларируемым политическим взглядам.[14] Ф.Конверс в публикациях середины 1970-х годов показал, что дети часто делают выводы о партийных предпочтениях своих родителей непосредственно из тех действий, которые предпринимают их родители во время выборов, и из того, как они голосуют. Каким образом

[14] Ibid. P. 93.

дети могут точно «установить» партийную идентификацию своих родителей, если представители старшего поколения голосовали то за республиканцев, то за демократов? Например, многие республиканцы в 1932 г. и 1936 г. голосовали за Ф. Рузвельта, а затем возвращались «в лоно» республиканской партии. То же самое происходило и на выборах в Конгресс в конце 1960 – начале 1970-х годов.

Успешная межгенерационная передача партийной идентификации от родителей к детям может препятствовать изменению предпочтений электората. Если бы передача партийных предпочтений от поколения к поколению была точной, то вес партий безотносительно к политическим событиям был бы прямой функцией от времени рождения демократов и республиканцев. В действительности этого не происходит, а данные свидетельствуют о постоянных внутри- и межгенерационных изменениях политической идентичности.

Р. Тедин в 1972 г. проверил влияние партийной идентификации родителей на детей, проведя опрос в «нетипичный период»[15] – между июнем и сентябрем. Были опрошены только 183 студента старших курсов высшей школы и 322 их родителя. Выводы этого исследования нельзя считать репрезентативными по отношению ко всем подросткам США, поскольку опрос проводился только среди белых подростков из Йова Сити, чьи семьи в основном принадлежали к среднему классу. Исследователи и не скрывали ограничений проекта. Первая задача состояла в том, чтобы обнаружить значимые корреляции между политическими установками родителей и их детей. Вторая задача сводилась к определению условий, которые способствуют ослаблению или усилению этих взаимосвязей. Изучалось мнение родителей и детей о расовой интеграции, законах против наркотиков, политике США в отношении Китая. В проект было включено также измерение уровня партийной идентификации с помощью семибалльной шкалы, предложенной мичиганской SRC и использованной в мичиганских исследованиях. Были представлены результаты с привлечением позволяющего работать с интервальными шкалами коэффициента Пирсона.[16] При измерении взаимосвязи партийной идентификации родителей и их детей этот коэффициент составил 0,48 (в мичиганском исследовании он был равен 0,60).

Есть все основания предположить, что данная тенденция сохранилась и в наши дни. Заслуга Р.Тедина как раз и заключалась в том, что он

---

[15] Исследователи традиционно стараются не проводить опросы на политические темы в период летних отпусков избирателей и политиков.

[16] О коэффициенте Пирсона см.: *Татарова* Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М., 1998. С. 168–169; *Рабочая* книга социолога. М., 1983. С. 190.

поставил вопрос о предпосылках, которые способствуют «разъеданию» взаимосвязи политических предпочтений родителей и детей. Была выдвинута гипотеза, согласно которой успешная передача политических партийных предпочтений (аттитюдов) зависит от степени проявления предпочтений родителями, а степень проявления предпочтений, в свою очередь, измеряется выраженностью партийной идентификации.[17] Родители с сильно выраженной партийной идентификацией обычно успешно передавали свои предпочтения детям. Коэффициент корреляции между политическими предпочтениями родителей с сильной партийной идентификацией и политическими предпочтениями их детей составлял 0,68. Этот же показатель при анализе установок родителей со слабой степенью приверженности составлял 0,31. Для «независимых» он был равен 0,28.

Исследователи пришли к выводу о том, что «сила приверженности является важным фактором в успешной передаче (трансмиссии) партийной лояльности».[18] В базу данных компаративистского опроса 1974 г., также посвященного изучению партийных предпочтений избирателей, были включены ответы жителей США, Западной Германии, Великобритании, Дании и Австрии. В США использовался стандартный вопрос из мичиганского исследования, но следующий вопрос относительно силы приверженности был модифицирован и включал уже три варианта ответа («очень тесно (близко)», «достаточно близко» и «не очень близко»).[19] В европейских странах респондентам задавали вопрос: «К какой партии вы обычно чувствуете себя ближе всего?». Те, кто называл ее, дополнительно должны были определить, как и опрашиваемые в США, степень этой близости по трем предложенным вариантам. Такие формулировки вопросов позволили исследователям делать прямые сравнения, не прибегая к расчету дополнительных индексов. В публикации К. Дженнингса, П. Аллербека и У. Розенмэйра (1979 г.) сообщалось, что 88% американских родителей имеют явные партийные предпочтения, в то же время только 77% детей обнаруживают их установки. Аналогичная картина была и в других странах, включенных в исследование. Различия между странами по этому показателю могут объясняться межнациональными различиями в процессе политической социализации, но не исключено, что это следствие различий в методиках опросов, использующихся в разных странах.

Обнаружилось, что во всех пяти странах родители имеют более

---

[17] *Abramson P.R.* Op. cit. P. 95.
[18] Ibid.
[19] Ibid. P. 97.

сильные привязанности, чем их дети. Во всех пяти государствах проявилась лишь слабая тенденция к совпадению уровня приверженности партиям у родителей и их детей. Прямое сравнение позиций родителей и детей в США по коэффициенту tau-b составило лишь около 0,15. Этот показатель был относительно высоким в Великобритании (0,24), Германии (0,21) и Австрии (0,23), а самым низким в Нидерландах (0,08).[20]

К. Дженнингс и его коллеги также изучали степень базовой партийной идентификации родителей и их детей. Для проведения межнационального сравнения они разделили в каждой стране приверженцев самых левых и самых правых партий, а затем провели прямое сравнение приверженности родителей и их детей. В США индекс передачи (совпадения) (tau-b) позиций родителей и их детей составил 0,55. В Германии данный показатель был равен 0,53, в Великобритании – 0,65, а в Австрии, где двухпартийная система была сильно поляризована, – 0,81. Самым низким данный показатель оказался в Нидерландах (0,38), партийная система которых трудно поддается классификации по критерию «левые – правые».[21] Был сделан вывод о высокой степени сходства позиций родителей и детей в изучаемых странах, за исключением Голландии.

Обзор эмпирических проектов показал, что, хотя способ передачи партийной идентификации изучался весьма активно, в ее исследовании все еще остаются белые пятна. Есть серьезные основания предполагать, что характер передачи партийной приверженности в большей степени спонтанен, не является результатом целенаправленной деятельности, сознательного политического внушения. Этот процесс влияет непосредственно на поведенческие импульсы. Исследования не объясняют, как это происходит, но содержат информацию о передаче партийных предпочтений родителей детям. Основная проблема заключается в том, что крайне сложно сказать, каким образом может меняться процесс передачи политической идентичности от поколения к поколению в семье. Все исследования партийных установок студенчества базируются на нерепрезентативных данных, в проектах используются разные способы измерения партийных предпочтений и методы обработки информации. Несмотря на провалы в знаниях по этому вопросу, все же есть основание сделать вывод о том, что влияние партийной идентификации родителей на детей должно уменьшиться хотя бы по той причине, что лояльность партиям у самих родителей в наше время слабее, чем в середине 1960-х годов.

---

[20] Ibid.
[21] Ibid.

4.3. Устойчивость и динамика партийной идентификации

Партийная идентичность — наиболее устойчивый показатель по сравнению с другими политическими показателями. Это было доказано в двух сериях панельных исследований, проведенных учеными Мичиганского исследовательского центра в 1956, 1958, 1960 гг., а затем в 1972, 1974, 1976 гг. Оба проекта показали, что уровень партийной приверженности белого населения более стабилен, чем чернокожего. Для белых американцев показатель корреляции партийной идентификации (tau-b) составил 0,75 при сравнении 1956–1958 гг. и 1958–1960 гг., а для четырехлетнего периода 1956–1960 гг. — 0,71. В 1970-е годы партийная идентификация белых американцев относительно ослабевала, но в целом этот процесс происходил менее активно, чем в конце 1950-х годов. Среди белых американцев коэффициент сохранения партийной идентичности между 1972 и 1974 г. составил 0,70, а между 1974 и 1976 г. – 0,74. Коэффициент за весь этот четырехлетний период был равен 0,68. Несмотря на то, что большинство чернокожих американцев было и остается демократами, но и в этом случае стабильность партийной идентификации у родителей значительно выше, чем у молодежи. Даже если у них и были причины для недовольства политикой демократов в 1960–1970-е годы, еще больше причин было не становиться сторонниками республиканской партии.

П. Абрамсон поставил важный методический вопрос о том, что показатели панельного исследования могут выдавать «ошибочные» данные в том смысле, что под влиянием каких-либо значимых сиюминутных политических событий респондент может искренне заблуждаться относительно своей партийной идентификации. «Некоторые изменения отражают ошибку измерения. Существуют определенные процедуры для того, чтобы попытаться измерить величину таких ошибок и подсчитать “истинную” статистику изменений во времени».[22] По оценкам экспертов, «истинная» корреляция партийной идентификации американцев в период 1956–1960 гг. составляет не 0,72, а 0,93. Конечно, некоторую нестабильность партийной идентификации можно объяснить ошибками измерения (например, случайными ошибками). Но многие ученые утверждают, что некоторые из меняющихся показателей партийной идентификации связаны с недовольством проводимой политикой.

Отток от республиканской партии ее сторонников в конце 1950-х годов в большой степени отражал раздражение людей состоянием экономики во времена Эйзенхауэра, а потеря сторонников в середине 1970-х

[22] Ibid. P. 102.

годов была связана с Уоттергейтским скандалом. Недовольство расовой политикой привело к изменению партийной идентификации в период между 1965 и 1973 г. Анализ изменения партийной идентификации жителей штата Флорида показал, что на персональном уровне как в конце 1950-х годов, так и в середине 1970-х годов это было связано и с ростом личных доходов, и с осознанием благополучного состояния экономики в целом.

Ряд исследователей в качестве факторов дестабилизации партийной идентичности американцев в конце 1960 – середине 1970-х годов называет оценку политики президента Л. Джонсона во Вьетнаме, недовольство южан политикой Белого Дома в отношении гражданских прав афро-американцев, Уоттергейтский скандал, т. е. текущую политику.

Хотя, действительно, вероятны определенные разночтения в понимании причин изменения лояльности той или иной партии, один вывод, вытекающий из анализа данных указанного панельного исследования, кажется абсолютно доказанным: более молодые сторонники партии могут изменить свои позиции легче, чем более старые. Вторичный анализ данных мичиганских панельных исследований 1956–1960 гг. и 1972–1976 гг. продемонстрировал, что у респондентов в возрасте между 21 и 29 годами наблюдается относительно низкий уровень партийной стабильности. Этот показатель у респондентов более старшего возраста увеличивается.[23] Два объяснения данного явления представляются исследователям бесспорными. Во-первых, у молодых не выработался стереотип голосования в поддержку партии. У них нет достаточного политического опыта, как нет и возможности укрепить свои предпочтения посредством стереотипизации политического поведения. Более пожилые сторонники какой-либо партии уже апробировали свои предпочтения, поэтому краткосрочное недовольство в меньшей степени провоцирует изменение их партийной идентификации. Во-вторых, молодежи легче изменить свою жизнь, социальные условия, что также может привести к изменению партийной идентификации. Например, факт женитьбы может отразиться на партийной идентификации молодого человека. Очень немногие американцы выбирают себе супруга с учетом его политических позиций, хотя тенденция вступать в брак с человеком той же расы, религии, социального слоя и региона проживания ведет к гомогенности по политической идентификации среди большинства супружеских пар.[24]

Влияние брака на партийную идентификацию исследовали П. Бек и

---

[23] Ibid. P. 102–103.
[24] Ibid. P. 104.

К. Дженнингс (1975 г.). Они установили, что мужья чаще влияют на партийную идентификацию своих жен, чем наоборот. Традиционный взгляд на доминирование в семье мужчин в данном случае подтверждается. Конечно, большее влияние мужа может быть отнюдь не результатом сознательного и целенаправленного влияния с его стороны на позицию жены. Объяснение может быть более прозаичным: три десятилетия назад общественное и экономическое положение семьи определялось, как правило, социальной позицией мужа. Возникает вопрос, снизилось ли влияние мужей на партийную идентификацию жен сейчас, когда женщины экономически и социально становятся все более независимыми? Интересен в этом смысле пример семейства Клинтонов. Супруга бывшего президента Х. Клинтон — из семьи южан, среди которых традиционно были сильны позиции республиканцев, но она помогала мужу-демократу сделать политическую карьеру, сама вошла в Сенат, представляя интересы демократической партии.

Географическая мобильность также может оказывать определенное воздействие на партийную идентификацию. Большинство ранних исследований партийной идентификации свидетельствовало, что перемещение из региона в регион или из городов в пригороды оказывало очень слабое влияние на изменение партийной идентичности (Э. Кемпбелл, 1960; Ф. Конверс, 1966; Ф. Гринстайн, 1958–1959; П. Рубин, 1976). Хотя эффект географической мобильности действительно незначителен, зафиксированы факты, когда подобное перемещение провоцировало изменение партийной идентификации, особенно среди молодежи. Анализируя данные, полученные Мичиганским центром в 1970-х годах, В. Браун соотнес сведения о характере голосования на выборах в Конгресс и партийной идентификации мигрантов и нашел подтверждение гипотезе о том, что миграции редко ведут к изменению партийной идентификации, но если это происходит, то с большей вероятностью среди молодых избирателей.

Вертикальная социальная мобильность более характерна для молодых граждан. Изменение социального статуса детей по сравнению со статусом родителей является потенциальным источником трансформации партийной идентичности. Многие молодые мужчины и женщины имеют более высокие статусные позиции, чем их родители, но многие перемещаются вниз по социальной лестнице. По данным 1970-х годов каждые 4 из 10 молодых людей повысили свой социальный статус по сравнению с родителями, в то время как 1 из 10 – наоборот.

Известно, что представители среднего класса (наемные работники, не занятые физическим трудом, и их подчиненные) в большей степени ощущают себя республиканцами, чем представители рабочего класса,

занятые ручным трудом. Обнаруживается некая тенденция превращения демократов в республиканцев после повышения их статуса. Аналогична тенденция и для теряющих статус республиканцев — они становятся демократами. Но часто социальная мобильность не ведет к изменению партийных предпочтений. Хотя существует связь социальных классов и партийных предпочтений, зависимость статуса и характера партийной идентификации значительно уменьшилась со времен второй мировой войны. Так, около половины белых, принадлежавших к среднему классу и поддерживавших демократическую партию, после повышения своего социального статуса испытывали настоятельную потребность в демонстрации своей лояльности республиканской партии. Считается, что ранняя политическая социализация определяет стабильность партийных предпочтений. Например, в Великобритании многие люди, изменившие свой социальный статус, обычно сохраняют партийную идентичность своих родителей. В США социальная мобильность чаще приводит к изменению политических предпочтений граждан. И хотя межгенерационная социальная мобильность более характерна для молодежи, она оказывает дополнительное давление на молодых последователей какой-либо партии и может приводить к изменению их партийной идентификации.[25]

Д. Клагетт в начале 1980-х годов предпринял важную попытку провести различие между приобретением партийной идентификации и процессом усиления лояльности. С 1952 до 1980 г. количество белых американцев, имевших сильную партийную идентификацию, сократилось с 35 до 23%, имевших сильную и слабую идентификацию — с 75 до 62%.[26] После 1964 г. обнаружилась устойчивая тенденция самоидентификации молодежи как не зависимой от партийных предпочтений, что может повлиять на политическое поведение в будущем. Но по данным авторов «Американского избирателя» доля людей с сильной партийной идентификацией увеличивается пропорционально возрасту, а процент независимых сокращается.

Изменение партийной идентификации людей с возрастом может быть результатом межпоколенческого эффекта, поскольку само время рождения и первичной социализации накладывает отпечаток на этот процесс. Устойчивая и определенная партийная идентификация старших возрастных групп может быть отражением политики более раннего периода. Речь идет о том, что идеология государства могла быть направлена на воспитание граждан в духе приверженности определенной

[25] Ibid. P. 105.
[26] Ibid. P. 107.

партии, естественно, системной. Вместе с тем идентификационные различия людей разного возраста могут объясняться стадиями их жизненного цикла, поскольку возраст служит индексом продолжительности жизни индивида в определенном государстве и заинтересованности в определенном типе политического поведения. Для оценки уровня значимости этих объяснений Э. Кемпбелл обратился к непрямой проверке того, какой была партийная идентификация респондентов в различные отрезки их жизни. Объяснения, связанные с жизненным циклом респондентов, предполагают описание социально-психологических механизмов. По мнению П. Абрамсона, если бы неустойчивость партийной идентификации была связана с молодостью респондентов, с отсутствием у них опыта и устойчивых стереотипов политического поведения, то можно было бы ожидать усиления идентификации с их переходом в более старшую возрастную когорту. Эта гипотеза, однако, не объясняет все возможные случаи электорального поведения. Аналогичные сомнения были высказаны и Д. Клаггетом относительно электорального поведения «независимых». По версии Э. Кемпбелла, число сторонников партий должно увеличиваться с возрастом во всех подгруппах. Общая гипотеза такова: в жизни индивида существует «созидательный» период, когда формируются устойчивые политические предпочтения; после этого партийная идентификация становится относительно стабильной. Хотя такое предположение не является валидным для всех политических установок, по мнению американских исследователей, для партийной идентификации оно справедливо.

Еще до достижения совершеннолетия и получения избирательных прав многие люди уже симпатизируют определенной партии, хотя партийная идентичность может быть слабой. Изменение партийных предпочтений чаще происходит в молодом возрасте. Также следует отметить, что самый важный опыт, влияющий на изменение партийной идентичности, индивид получает в относительно короткий промежуток времени между первым поступлением на работу и теми несколькими выборами, в которых он получает право участвовать. Хотя многие люди связывают свои политические симпатии с определенной партией даже до того момента, как они впервые участвуют в голосовании, у них есть определенная возможность укрепить свои установки в процессе политического поведения. Если социальные и политические условия требуют формирования сильной партийной лояльности в ранней зрелости, уровень партийной идентификации среди когорт продолжает сохраняться высоким. В других условиях она, вероятно, не будет сильной и устойчивой.

Под политическим поколением следует понимать группу людей,

приобретших сходный исторический опыт, полученный во время социализации. Если «межгенерационное» («поколенческое») объяснение справедливо, то возрастные когорты людей должны отличаться по уровню партийной идентификации.

Многие исследователи обсуждают слабость партий и партийного лидерства в период после 1945 г., когда Д. Эйзенхауэр обеспечил незначительное преимущество республиканцам. В избирательной кампании на пост президента Р. Никсон, Дж. Картер, Л. Джонсон сделали ставку на личную популярность и фактически проигнорировали формализованную партийную структуру. Подобной тактикой кандидаты ослабляют партийную идентификацию избирателей. Аналогично действуют и СМИ, поскольку они должны создавать иллюзию непредвзятости при передаче политической информации, формально не действуя в интересах ни одной из партий.

Методически проверить генерационную гипотезу об изменении партийной идентификации можно с помощью панельного исследования, когда по прошествии нескольких лет, связанных с избирательным циклом, опрашивают на предмет их политических предпочтений одних и тех же респондентов. Если невозможно опросить одних и тех же респондентов в течение длительного времени, можно воспользоваться данными трендовых исследований. Этот метод предполагает включение в анализ подгруппы респондентов, родившихся в одном и том же году (или нескольких лет до и после этого года), сравниваются ответы данной возрастной когорты по поводу их партийной идентификации в разные годы. Например, в анализ включается группа респондентов, родившихся в 1960-е годы, отбираются данные исследований с 1978 г., когда они получили право участвовать в выборах (1978, 1980, 1982, 1984 … 2000 гг.). Исследователь анализирует их ответы, вычисляет тренд количества «сильных сторонников» (рис.1).[27]

Использование метода наименьших квадратов[28] при оценке характера изменения политических установок показывает, что с возрастом число людей с сильной партийной идентификацией, родившихся в одном и том же году, уменьшается. Итак, исследователи оказываются перед необходимостью выбора объяснения с помощью «межгенерационной» (поколенческой) гипотезы или гипотезы «жизненного цикла». По мнению П. Абрамсона, объяснение с помощью теории «жизненного цикла» является неудовлетворительным, поскольку вторичный анализ данных

---

[27] Ibid. P. 113, 118, 125, 129.

[28] Об использовании метода наименьших квадратов в регрессионном анализе см.: *Российская* социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 22–23.

мичиганских исследований показал снижение числа твердых сторонников партий среди шести из семи возрастных когорт.

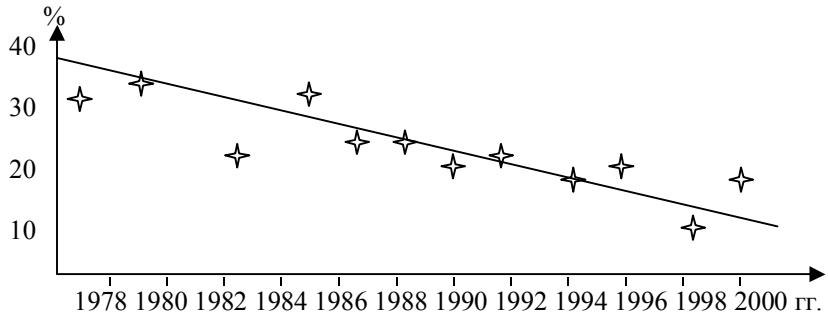

Рис. 1. Процент белых избирателей с сильной партийной идентификацией среди когорты родившихся в 1960 г. (1978–2000 гг.)

Для вторичного анализа очень активно начиная с 1945 г. используются данные института Гэллапа. Эти данные позволяют зафиксировать число людей с партийной идентификацией и «независимых», но не позволяют замерить степень идентификации, поскольку в опросниках «сильная» и «слабая» приверженность партиям не различаются. Точно так же не выделяются и «независимые», имеющие склонность поддерживать какую-либо партию и не имеющие такой склонности.[29] Н. Гленн и Д. Хэфнер, изучая данные института Гэллапа с 1945 по 1971 г., применили в регрессионном анализе метод наименьших квадратов. Они пришли к заключению, что широко известный вывод авторов «Американского избирателя» о более сильной партийной идентификации пожилых людей отражает скорее межпоколенческие изменения, чем различия в «жизненном цикле».

Исследование политической идентификации мичиганских студентов и их родителей подтвердило, что молодые люди с возрастом не обретают более сильную партийную идентификацию. В период 1965–1973 гг. партийная идентификация ослабевала как среди белых молодых людей, так и среди чернокожих. За эти годы число белых молодых людей с сильной партийной идентификацией уменьшилось с 24 до 14%, с сильной и слабой партийной идентификацией — с 63 до 51%. Процент полностью «независимых» почти не изменился, он увеличился с 14 до 16%. Хотя чернокожие молодые люди обладали более сильной партийной

[29] *Gallup G.* The Gallup Poll: Public Opinion, 1993. Willington, 1994. P. 1–8.

идентичностью, в этот период также произошло определенное ее размывание. Лишь очень немногие молодые люди со слабой партийной идентичностью со временем стали явными сторонниками какой-либо партии.

К. Дженнингс и Н. Ниеми считают, что падение партийной идентификации предоставляет неопровержимый аргумент в пользу «межпоколенческой» гипотезы. Как свидетельствуют данные мичиганских исследователей, института Гэллапа и других исследовательских центров, сила партийной идентификации не увеличивается с возрастом. Но это не означает, что выводы авторов «Американского избирателя» неправильны. Социально-психологические процессы, обсуждаемые Э. Кембеллом и его соавторами, следует рассматривать как текущие, операционные, рабочие. Многочисленные последующие исследования показали, что партийная идентификация формируется не только под влиянием социализации и возраста, но также определяется социальными и политическими событиями.[30]

Некоторые исследователи делали попытки создать методики, с помощью которых можно было бы «контролировать» влияние истории (внешних политических событий) на политическую идентификацию. К сожалению, эти методики не являются полностью проверенными и вызывают определенные дискуссии среди ученых. Ф. Конверс, стремясь защитить теорию «жизненного цикла» в объяснении изменения уровня партийной идентификации (от сильной к слабой и наоборот), обратился к нестатистической технике контроля степени влияния на него исторических событий. Он использовал более «прямолинейную» технику, подобную регрессионному методу минимальных квадратов, но утверждал, что она неприменима в случае объяснения возрастом уменьшения (увеличения) партийной приверженности начиная с 1964 г. Ф. Конверс определил период 1952–1964 гг. как «стабильный государственный период», а время после 1964 г. как «эру политического кризиса». Ф. Конверс показал, что партийная идентичность в период между 1952 и 1964 гг. становилась все более ярко выраженной по мере старения электората.

Согласно П. Абрамсону Ф. Конверс переоценивает рост партийной идентификации, особенно среди молодежи, из-за отсутствия данных, характеризующих отдельно белых американцев и афро-американцев. Но и в этом случае есть некоторые основания говорить об эффекте «жизненного цикла». В более поздней публикации (совместной с Дж. Маркусом) Ф. Конверс пересмотрел свои ранние взгляды. Используя комплексную авторегрессионную модель применительно к данным иссле-

[30] Ibid. P. 115.

дования голосования, полученным Мичиганским исследовательским центром в период 1952–1978 гг., Ф. Конверс обнаружил определенный поколенческий эффект в изменении уровня партийной идентичности. Им было отмечено, что следы подлинных внутрикогортных различий сохраняются хорошо в среднем возрасте, хотя, в соответствии с моделью, первоначальные различия активно размывались в потоке общего для возрастной группы исторического опыта.

Хотя Ф. Конверс соглашается с тем, что поколенческий эффект существует, он прямо не отказывается от своих более ранних взглядов. Его тезис о влиянии «жизненного цикла» на партийную идентификацию остается справедливым по крайней мере для «стабильного государства». Переформулировав тезис о «жизненном цикле», Ф. Конверс по существу декларирует, что ощутимое увеличение партийной идентификации может быть обнаружено только в «нормальные» периоды, когда «шок» внешних политических событий не препятствует росту партийной лояльности.

Э. Кемпбелл предсказывал абсолютное усиление партийной идентичности с возрастом. Этот прогноз не оправдался, что может быть объяснено рядом внешних причин. Как утверждает П. Абрамсон, предложенная Э. Кемпбеллом формулировка жизненного цикла связана со стабильностью демократической политической системы. Теперь видно невооруженным глазом, что фактор «жизненного цикла», если только он существует, препятствует ослаблению партийной идентификации лишь в особых, спокойных, «лабораторных» условиях. Нельзя быть уверенными в том, что естественные процессы взросления и старения людей, делающие их более консервативными, позволят сохранить партийную преданность электората. Вероятно, результат будет иным — процессы «смены поколений ведут к драматической эрозии преданности партиям».[31] Э. Кемпбелл в «Американском избирателе» не только документально подтвердил слабую партийную идентичность молодых людей, но также показал, что они все в меньшей степени готовы идентифицировать себя с республиканской партией. Среди людей в возрасте до 45 лет только один из трех ее сторонников идентифицировал себя именно с республиканцами. Среди 45–54-летних четверо из десяти были готовы идентифицировать себя с республиканцами. Среди представителей более старших возрастных групп число идентифицировавших себя с республиканцами увеличивалось, а в возрасте старше 65 лет примерно половина стойких сторонников партий считала себя республиканцами.

Эти данные можно проинтерпретировать двумя способами: а) люди

[31] Ibid. P. 117.

в возрасте в большей мере склоняются к консервативным ценностям, а потому начинают ощущать себя республиканцами; б) эти показатели отражают влияние «нового курса» Ф. Рузвельта. Представители старших возрастных групп получили избирательные права до того, как в 1932 г. и 1936 г. победил Ф. Рузвельт, а демократическая партия стала стабильной. Их первое участие в выборах пришлось на периоды побед республиканцев, когда эта партия была доминирующей, т. е. политическая социализация шла «под знаменем» республиканцев как партии власти. Те люди, чья молодость и основная стадия политической социализации совпали с годами триумфа партии демократов, в большей мере склонны ощущать свою партийную идентичность именно с ними.

В связи с этим возникают два вопроса. Почему в начале 1980-х годов на десятилетие к власти пришли республиканцы, ведь в это время начали голосовать люди, родившиеся в 1960-х годах, свидетели славы Дж. Кеннеди? Означают ли эти данные, что люди стремятся поддерживать ту партию, которая была партией власти в период их первичной политической социализации? Э. Кемпбелл и его коллеги признавали, что если партийная идентификация представляет собой долгосрочный процесс передачи установок, меняющийся только под воздействием общенациональных социальных и политических катаклизмов, то границей разделения в процессе партийной идентификации людей различного возраста должны быть великая депрессия и эпоха «нового курса». По его заключению, если эта интерпретация верна, со временем произойдет перераспределение сторонников республиканцев, их окажется больше в старших возрастных группах, а в целом их число должно снизиться. Но Э. Кемпбелл признал также, что преобладание людей, идентифицирующих себя с республиканцами, среди старших возрастных групп может быть связано и с феноменом жизненного цикла. Республиканцы, поскольку они «распространяют дух респектабельности, консерватизма и социального статуса», могут быть привлекательными для людей среднего и старшего возраста. Следовательно, можно предположить, что две партии неизбежно будут иметь различные пропорции сторонников разного возраста. К сторонникам демократов относятся по преимуществу молодые люди, но эти пропорции будут изменяться по мере того, как молодые демократы станут старше и для них приобретут значимость совершенно иные жизненные ценности.

Хотя Э. Кемпбелл и его соавторы явно благоволили к межгенерационной интерпретации формирования партийной идентификации, они не предприняли попыток провести различие между предложенными альтернативными объяснениями. Слабым и спорным в их позиции является ответ на вопрос, может ли в действительности смена поколений привес-

ти к падению популярности республиканской партии. Хотя исследователи фиксируют уменьшение количества людей, идентифицирующих себя как республиканцев, одновременно они наблюдают падение процента людей, считающих себя демократами. Если мы сравним соотношение республиканцев и демократов, то обнаружим лишь очень незначительные изменения этих пропорций с 1952 по 1980 г., которые можно трактовать как «коррекцию тренда».

Технику, предложенную Ф. Конверсом для проверки взаимосвязи между возрастом и степенью партийной идентификации, можно использовать и для проверки взаимосвязи возраста и приверженности к определенной идеологии. П. Абрамсон показал, что среди тех, кто получил право голосования после 1928 г., значительно меньше республиканцев, чем среди родившихся раньше.

Если бы объяснение незначительности числа молодых людей, идентифицирующих себя с республиканцами, с помощью теории «жизненного цикла» было верно, то можно было бы ожидать увеличения числа республиканцев по мере взросления избирателей. Вместе с тем объяснение относительно низкого уровня популярности республиканцев среди молодых людей только с помощью гипотезы генерационных (межпоколенческих) изменений предполагает, что этот показатель для возрастных когорт, рожденных после 1907 г., несмотря на все изменения в их жизни, останется на том же уровне.[32]

Итак, среди изучаемых политологами политических аттитюдов партийная идентификация является наиболее стабильным показателем. Определенные изменения политической идентичности фиксируются преимущественно среди более молодых возрастных групп, и они связаны с вероятностью изменения социальных условий за счет миграции, женитьбы или замужества, профессиональной и территориальной мобильности. Хотя в действительности лишь очень немногие переходят из группы поддержки одной партии в группу поддержки другой, со временем степень приверженности партии существенно меняется.

Изменения стабильности партийной идентификации отдельных людей могут в конце концов привести к изменению позиции электората в целом. Поскольку молодые сторонники с возрастом не становятся более преданными какой-либо партии, продолжающаяся смена поколений сопровождается ослаблением партийной лояльности электората. Со второй половины 1960-х годов обнаружился незначительный рост числа сторонников демократов и уменьшение республиканцев, как это было в 1930–1940-е годы.

---

[32] Ibid. P. 121.

Кажется справедливым предположение, что родившиеся в 1960-х годах американцы имеют слабую партийную идентичность, поскольку степень партийной идентификации их родителей была также невысока. Возможно, политические события смогут создать сильную партийную приверженность среди будущих возрастных групп. Еще более сложно прогнозировать перспективы партийной идентификации с республиканцами. Ротация сторонников и республиканской, и демократической партий примерно одинакова. Более того, само размывание партийной приверженности помогает республиканцам соревноваться с демократами, поскольку только преданные сторонники могут сопротивляться привлекательным призывам конкурирующей партии (лишь один американец из шести является «сильным» демократом).

Для успешного закрепления во власти республиканцы могут провести дополнительные мероприятия по приобретению сторонников, в основном среди молодежи. Если преодолеть когортные различия, смена поколений поможет республиканской партии. Будущее республиканской партии зависит в большей степени от поведения партийных лидеров, чем от неизбежных процессов смены поколений.

Исход президентской избирательной кампании в США в 2000 г. подтолкнул некоторых авторов к заявлению о кризисе партийной идентичности.[33] В данном случае авторы понимают под идентичностью степень отличия между политическими программами двух основных партий и степень их соответствия ценностям классической консервативной и либеральной идеологий. Процесс интенсивного сближения ценностей и программ основных американских партий наблюдается по крайней мере с 1950-х годов. Вместе с тем характер голосования за представителей республиканцев и демократов позволяет утверждать, что различия в социальной базе сторонников партий все же сохраняются (табл. 6).

Таблица 6

Голосование за А. Гора и Дж. Буша различных групп избирателей (в %)*

Социальная группа	«Вес» группы электората	Голосование за А. Гора	Голосование за Дж. Буша
1	2	3	4
Пол:			
мужчины	48	43	54
женщины	52	55	43

[33] *Борисюк В.* Президентская кампания 2000 г. в США: кризис партийной идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 84–95.

Продолжение табл. 6

1	2	3	4
Возраст:			
18-29 лет	15	54	41
30-44 лет	34	46	61
45-64 лет	37	51	47
65 лет и старше	14	46	52
Этническая группа:			
белые	80	43	54
афро-американцы	9	90	9
испаноязычные	7	61	38
выходцы из Азии	4	62	37
Образование:			
среднее	24	54	44
высшее	50	49	48
Доход:			
богатые (от 75 тыс. долл. в год)	27	46	52
высший средний класс (50–75 тыс. долл.)	21	48	49
низший средний класс (20–30 тыс. долл.)	17	51	45
бедные (до 20 тыс. долл.)	10	63	33

* *Борисюк В.* Президентская кампания 2000 г. в США: кризис партийной идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 89.

За представителя демократов, как и прежде, предпочитают голосовать не очень образованные, «цветные» и малообеспеченные американцы. Лидеру республиканцев в основном отдают голоса высокообразованные обеспеченные белые избиратели старшего возраста.

Американские исследователи предлагают следующую классификацию избирателей, идентифицирующих себя по партийному признаку:[34]

Сторонники республиканской партии

- «жесткие консерваторы» (10% населения и 12% избирателей республиканской партии);
- «умеренные республиканцы» (11% населения и 12% избирателей республиканской партии);
- «республиканские популисты» (9% населения и 10% избирателей республиканской партии);

Сторонники демократической партии

- «либеральные демократы» («традиционалисты», 9% населения и 10%

[34] *Retropolitics.* The Political Typology. Version 3.0. 1999. S. 1. P. 1–3.

избирателей демократической партии);

• «социально-консервативные демократы» («прогрессисты», 13% населения и 14% избирателей демократической партии);

• «новые демократы» («клинтоновцы», 9% населения и 10% избирателей демократической партии);

• «партийные бедняки» (лица, живущие на социальные пособия, 9% населения и 11% избирателей демократической партии);

«Независимые» избиратели

• «новые процветающие независимые» (10% населения, 11% от числа всего электората);

• «недовольные независимые» («синие воротнички» и изгои общества, маргинальные группы, 9% населения, 10% от числа всего электората);

• «независимые попутчики» (которые делают выбор, за кого будут голосовать, непосредственно на избирательном участке при заполнении бюллетеня, около 11% населения и электората).

Следует отметить, что уровень соответствия партийной идентичности и характера голосования остается у американских избирателей достаточно высоким (табл. 7).

Таблица 7

Голосование на президентских выборах США в 2000 г. (в %)*

Партийная идентификация	Голосование за А. Гора	Голосование за Дж. Буша
«Сильные» демократы	94	6
«Умеренные» демократы	82	16
«Независимые» демократы	64	21
«Независимые» республиканцы	36	59
«Умеренные» республиканцы	13	86
«Сильные» республиканцы	4	95

* *Борисюк В.* Президентская кампания 2000 г. в США: кризис партийной идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3. С. 90.

Говорить о кризисе партийной идентичности рано, поскольку, как показывают данные социологических исследований, за Дж. Буша проголосовали около 20% избирателей, считающих себя демократами, а за Э. Гора 17% избирателей, считающих себя республиканцами. Объектом предвыборной борьбы, как и раньше, оставались «независимые» избиратели и «умеренные» сторонники основных партий. Вместе с тем аналитики высказывают мнение, что в современных условиях эта традиционная классификация все в меньшей степени отражает особенности электорального поведения избирателей–сторонников партий.

Глава 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.1. Кризисная идентичность: причины, признаки и виды

Принято считать (и это, безусловно, правильно), что в конце 1980 – начале 1990-х годов в России проявился кризис политической идентичности, приведший, в частности, к попыткам перенести групповые установки на все общество в целом. Логика рассуждений исследователей предельно ясна. Кризис идентичности возник как следствие распада традиционного общества, форсированного и в значительной степени насильственного. Продолжительность этого кризиса определяется скоростью адаптации массового сознания к новым реалиям, которая еще далеко не завершена. Данный кризис во многом был связан с всплеском массовых иллюзий относительно возможности демократизации страны в короткие сроки. Конец десятилетия ознаменовался кризисом самих идей и поиском антилиберальной идентичности. В политическом спектре образовалась огромная ниша, из которой ушли либералы первой волны и которую ныне активно стремятся заполнить традиционалисты, националисты и консерваторы.

Осмысление роли политического сознания позволяет некоторым исследователям делать заявления о том, что главный кризис современной России — это кризис не социальный и не экономический, а кризис идентичности, поскольку проблема политического выбора носит в значительной степени мифологический характер. Причинами кризиса политической идентичности называют отсутствие целей и программы развития страны, ориентации на общие цели государственных институтов управления, рассогласование целей и действий политических и экономических элит, нестабильность системы управления, межэлитные конфликты, отсутствие общей для большинства населения страны системы ценностей, разрыв между квалификацией, уровнем образования людей и их доходами и статусом в обществе. Как ни странно, но плюрализм по-

литических отношений в России в последнее десятилетие XX в. также создал определенные проблемы в политическом самоопределении людей, поскольку отсутствие официальной государственной идеологии делало политическую идентификацию граждан как бы «излишней», необязательной.

Немаловажной причиной был и «избыток» участвовавших в выборах в Государственную Думу партий (43 партии и движения на выборах в 1995 г. и 28 – в 1999 г.). На характер политической идентификации в России большое влияние в последнее десятилетие XX в. оказывал феномен «культуры бедности». Его признаки — слабая социальная организация, демонстративное отчуждение от политики, фатализм, отсутствие планов на будущее.

Высокий уровень негативной идентификации, который проявляется в самой речевой конструкции при самоопределении: «Я никогда…», характерен для значительной части россиян безотносительно к их возрасту. Необходимо признать также эпизодический, ситуативный характер политической идентификации большинства россиян. «Опыт подтверждает грустную истину, что в любой системе, основанной на подавлении, запретах и эксплуатации, подавляемые, исключенные и эксплуатируемые бессознательно принимают тот плохой образ, который навязывается им господствующей группой».[1] По заключению Д. Истона и Дж. Денниса, в моменты кризиса возможно возвращение личности к ее базовым представлениям (т. е. полученным в период первичной социализации).

Демонстративный отказ от официальной государственной идеологии, изменение экономических устоев жизни, разрушение социальных связей многих социальных групп, утрата большинством политических институтов и лидеров доверия граждан — все эти явления начала 1990-х годов предопределили, как сказал бы Э. Эриксон, «спутанность» политической идентичности наших сограждан. Признаками кризиса идентичности, по мнению Л. Бызова, являются причудливое сочетание старых и новых идентичностей, взаимоисключающих ценностных установок в результате частичного разрушения государственных, корпоративно-профессиональных, социальных связей, деформация модели политического поведения индивида (как отражение деформации политической мотивации), стихийная самоорганизация социальных групп с формированием новых локальных идентичностей, массовая архаизация сознания и общественных отношений, разрушение общегражданской идентичности, преобладающая идентификация респондентов с отдельными груп-

[1] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. С. 69.

пами. В качестве ключевых аргументов, свидетельствующих о кризисе политической идентичности граждан России, Л. Бызов называет следующие особенности национальной идентичности: существенный разброс в зависимости от идеологической идентификации представлений о достоинствах и недостатках русской нации. «Либералы» и «центристы» склонны оценивать русских негативно по критериям интеллекта, оптимизма и пунктуальности. Нейтральные оценки дают «коммунисты», «националисты» и «социалисты», но при этом «националисты отнюдь не спешат оценивать характеристики русского народа положительно, как и коммунисты. Но это может быть проявлением традиционного национального самоуничижения, не связанного с идеологической идентификацией. Наблюдается преобладание общегражданской идентичности (48,3%) над этнической (38,4%) (это касается представителей всех типов идеологической идентификации).[2]

Е. Авраамова предлагает в качестве критерия идентификации меру адаптированности населения к новым условиям жизни (по самооценке выделяют группы «успеха», «адаптации», «выживания», «протеста», которые соответствуют группам устойчивого электората политических партий России). «Отстранясь от инакомыслящих, люди теряют свою квазистатистическую способность правильно оценивать воззрения окружающих. В этом случае употребимо понятие американской социологии “pluralistic ignorance”, невежество относительно того, как думают “другие”».[3] В результате общество раскалывается, приходит в состояние поляризации, каждая из сторон переоценивает свое значение и воспринимает другую сторону не просто как «иного», но как «чужака» или даже «врага».

Для кризиса политической идентичности характерны, на наш взгляд, четыре ситуации. Во-первых, на смену разрушенным моделям идентификации не приходят новые (отсутствуют «идеальные» модели для подражания). Во-вторых, индивид в ходе политической ресоциализации «застревает» на негативной стадии идентификации. В-третьих, происходит рассогласование идеологического, партийного и персонифицированного уровней идентификаций. В-четвертых, в результате ресоциализации друг на друга накладываются старые и новые идентичности, часто основанные на взаимоисключающих ценностных установках.

---

[2] *Бызов Л.* Становление новой политической идентичности в постсоветской России: Эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола, А. Рябова. М., 1999. С. 66–67.

[3] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Пер. с нем. М., 1996. С. 179.

В современной России единая политическая идентичность может быть нарушена по следующим основаниям: а) принадлежность к социальным группам, обладающим разными адаптивными возможностями; б) идейно-политическое расслоение; в) межпоколенческие разрывы; г) региональные различия. В России в постреформенный период идентичность включает в себя наряду с собственно политической идентификацию с политическими и социальными ценностями, нормами, «с неким “цивилизационным проектом”, вокруг которого сложились мифы и архетипы; историческую и историко-культурную идентичность как некий частный срез цивилизационной; этническую идентичность (восприятие и оценки самих себя, других народов и стран, образы “внутреннего” и “внешнего” врага), “модели мира”».[4]

Ситуация, когда элементы или уровни политической идентификации индивида не соответствуют друг другу, возможна и в стабильном демократическом обществе.[5] Но наши сограждане могут одновременно ощущать себя коммунистами и голосовать за «Единство» на выборах в Государственную Думу. Они могут считать свои взгляды демократическими, полагать, что наивысшей ценностью для них является свобода личности, и одновременно ратовать за тотальный контроль государства во всех сферах жизни общества, поддерживая отнюдь не либеральные реформы по укреплению «вертикали власти». Наши сограждане могут искренне полагать, что именно СПС выражает их взгляды, и голосовать за В. Жириновского. В этой ситуации налицо рассогласование уровней политической идентификации, несоответствие эмоциональной и рациональной самооценки и оценки политических событий, несовпадение политического сознания и политического поведения.

Конечно, нельзя ожидать, что в обществе большинство людей будут обладать единым, цельным и непротиворечивым сознанием. Более того, наличие в обществе «расколотого» политического сознания не всегда предполагает рост взаимной нетерпимости и конфликтов. Самые разнообразные эффекты в политике могут стать следствием взаимного внушения носителей разных политических и нравственных установок, заражения ими. Успех многих национально-освободительных движений при объективно низких шансах на победу был следствием энтузиазма и сплоченности их участников. «Демократические преобразования стали возможны в годы перестройки в немалой степени благодаря массовым выступлениям самых разных людей, объединившихся и отождествивших себя с идеей демократии. Здесь важно подчеркнуть, что мотивы,

---

[4] *Бызов Л.* Указ. соч. С. 48.

[5] *Niemy R., Weisberg H. E.* Controversies in Voting Behavior. Ed. 2. Washington, 1984.

приводящие людей к участию в массовых формах политического поведения, диктуются не только их рациональными интересами, расчетом, но и эмоционально окрашены, не полностью осознаны и в наибольшей степени оказывают воздействие на личность в присутствии других людей во время стихийных политических действий».[6]

Из данного высказывания можно вынести, по крайней мере, четыре вывода. Во-первых, объектом политической идентификации Е. Б. Шестопал считает идею демократии (не идеологию как таковую, не политическую ценность, а отдельный лозунг). Во-вторых, идентификация рассматривается автором как не вполне осознанный, не вполне рациональный, но безусловно эмоциональный процесс. Он «сиюминутен» и ситуативен, происходит здесь, в этой толпе, на этом митинге. В-третьих, в условиях резкого изменения общественного устройства возможна политическая идентификация людей с абсолютно разными политическими взглядами и ориентациями. В-четвертых, автор подчеркивает значимость идентификации для публичных, массовых выступлений.

Многие исследователи склонны связывать различия в политических ориентациях непосредственно с социальной стратификацией общества, с материальным положением россиян. По их мнению, этот фактор объясняет до 30–40% идеологического размежевания в конце 1990-х годов, «тогда как в начале 1990-х годов заметной корреляции между материальным положением и идеологией не наблюдалось».[7] Согласно другому подходу причины различий политических взглядов связаны с субкультурным цивилизационным расколом, с «жизненными шансами» различных возрастных когорт. Третьи выделяют «адаптантов» и «дезадаптантов», т. е. считают самым важным скорость приспособления людей к изменениям в социальных и политических процессах. Четвертые говорят о стойком политическом разделении наших сограждан на «западников» и «славянофилов». Причем сторонниками «западной» идентичности считаются по преимуществу представители элиты, проживающие в мегаполисах, и научно-техническая интеллигенция.

В качестве критерия разделения общества на группы некоторые авторы видят ориентацию одних наших сограждан на «догоняющую» модернизацию, а других – на традиционные ценности. Также выделяются либералы-западники («демократы»), «левые» (коммунисты, социалисты), национал-патриоты (национал-государственики, правые, почвенники, национал-протестный тип электората).

---

[6] *Шестопал Е. Б.* Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М., 2000. С. 71–72.

[7] *Бызов Л.* Указ. соч. С. 55, 56.

Институт социологического анализа (руководители Т. Кутковец, И. Клямкин) провел серию опросов «Особый путь России – что это такое».[8] Респонденты должны были выбрать три наиболее предпочтительных суждения, также использовался вариант теста «Я – это…». Задача исследователя сводилась к попытке объединить высказывания по три и выбрать соответствующие политические и идеологические альтернативы. Также необходимо было проинтерпретировать выбор нестыкующихся высказываний, которые трактовались как разлом сознания и отсутствие идентичности.[9]

По результатам проведенного с помощью данного опросника исследования выяснилось, что в России «постсоветские индивидуалисты» составляют 52%, «демократы-западники» – 41%, «державники» – 21%, «интернационалисты» – 35%, «объединители» – 19%, «националисты» – 16%, «православные христиане» – 13%, «социалисты-реставраторы» – 12%, «империалисты» – 7%. В России, наконец, проявился «западнический» сегмент, мировоззренчески пока очень неустойчивый. Но в целом данные опроса интерпретировать очень сложно, поскольку вопрос был задан как «вопрос-меню» и результаты не сгруппированы (в сумме дают более 200%).

Российский независимый институт социальных и национальных проблем (руководитель М. Горшков) проводит мониторинг с 1993 г. По его данным видение образа будущего России выступает существенным фактором, выделяющим различные способы политической идентификации россиян (см. табл.8).

Как показывают данные мониторинга РНИСиНП, к концу 1990-х годов поддерживают «либеральную» модель взаимодействия государства и граждан, т. е. полагают, что функции государства в этой системе взаимоотношений сводятся к обеспечению прав личности, правовой помощи в предпринимательской деятельности и минимальной социаль-

---

[8] *Кутковец Т., Клямкин И.* Русские идеи: возможно ли согласие в расколотом обществе? // НГ- сценарий. Приложение к «Независимой газете». 1997. 16 янв.

[9] Приведем суждения опросника: 1. Россия должна быть государством русского народа (русские националисты). 2. Россия должна стать сильной военной державой (державники). 3. Россия должна стать многонациональным государством (интернационалисты). 4. Россия должна вернуться к социалистическому строю (социалисты-реставраторы). 5. Россия должна объединить вокруг себя бывшие союзные республики на добровольной основе (объединители). 6. Россию следует восстановить как сильную военную державу в границах бывшего СССР (империалисты). 7. Россия должна стать государством, сила и могущество которого обеспечиваются благодаря росту благосостояния граждан (постсоветские индивидуалисты). 8. Россия должна стать государством с рыночной экономикой и демократическими свободами (демократы-западники). 9. Россия должна стать христианской православной страной (православные христиане).

ной помощи населению, не более 7% россиян (в 1993 г. – 3,9%, 1994 г. – 7,9%, 1995 г. – 5,2%, 1997 г. – 6,8%). К «социал-демократической» модели (согласно которой государство регулирует строго определенные секторы экономики и защищает самые не обеспеченные слои населения) склоняются не более 40% наших сограждан (в 1993 г. – 32,0%, 1994 г. – 34,6%, 1995 г. – 26,8%, 1997 г. – 39,7%).

Таблица 8

Какая идея могла бы сплотить граждан России во имя общих целей (в %)

Идея	Годы		
	1995	1996	1997
1. Единение народов России в целях ее возрождения как великой державы……	41,4	40,6	33,6
2. Правовое государство…….	30,3	35,9	37,8
3. Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	10,0	16,4	18,4
4. Величие, национальная уникальность, особая историческая миссия русского народа ……	7,3	4,6	6,5
5. Объединение народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством ……	23,5	12,3	7,7
6. Противостояние Западу, опора на собственные силы …	2,3	3,8	6,3
7. Сближение с Западом, вхождение России в общеевропейский дом ……	12,1	8,6	8,2
8. Очищение общества через православную веру……	5,6	6,9	5,0
9. Объединение всех славянских родов……	8,5	9,1	8,9
10. Индивидуальная свобода, превосходство интересов личности над интересами государства ……	6,5	6,6	6,9

53% россиян обладают «патерналистским» сознанием (в 1993 г. — 64,1%, 1994 г. – 57,5%, 1995 г. – 68,0%, 1997 г. – 53,5%). По их убеждению, государство вправе и обязано регулировать бóльшую часть экономики и поддерживать все социальные группы, за исключением наиболее обеспеченных. В этом случае сложно ожидать, что появится самостоятельная личность, освободившаяся от опеки «большого брата», рассчитывающая лишь на собственные силы. Вполне очевидно, что патерналистское сознание не только ставит своих носителей в психологическую зависимость от государства и всех властных структур, но и значительно снижает способность к самоорганизации, развитию независимых ассоциаций, что является непременным атрибутом гражданского общества и условием развития демократии.

Модификацией данного подхода являются представления[10] о прин-

[10] *Авраамова Е.* Влияние социально-экономических факторов на формирование политического сознания // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Макфола, А. Рябова. М., 1999. С. 10.

ципиальной возможности трансформации России. Согласно первому из них реформы в обществе, направленные на изменение социально-экономического уклада и традиций, не просто не нужны, но пагубны. Согласно второму Россия вышла из-под господства традиционализма, но «застряла» между суперцивилизациями. Третья точка зрения состоит в том, что модернизация в России — объективный процесс, пик которого преодолен, впереди — медленное продвижение к завершению модернизации, приспособление структур, институтов и ценностей к новым реалиям. Но в последнее время политические лидеры, политтехнологи, журналисты и исследователи все чаще говорят о том, что в реальности вариантов развития России еще меньше. Осознание этого факта уже само по себе может спровоцировать кризис политического сознания у людей, весьма далеких от политики.

За каждым из типов политической идентификации стоит основная структурообразующая идея, в наших условиях выделяют пять ее вариантов: «идеология радикального рынка» (6–7%), «коммунистическая» (10–12%), «социал-демократическая» (4–5%), «русский национализм» (15–16%), «центризм» (около 17%).[11] Даже кризисные события августа 1998 г., по большому счету, не повлияли на спектр идеологической идентификации. Как видим, четкие единообразные основания классификаций политической идентичности отсутствуют. Ряд исследователей, например Л. Бызов, полагает, что идентификация по шкале «правые – левые» вообще не характерна для россиян и основной причиной раскола в политической идентичности российского электората является различное понимание будущего нашей страны.

Рациональная политическая идентификация предполагает не просто голосование за политического лидера, но и осознание того, что он адекватно выражает интересы либо лично этого человека, либо его социальной группы. При избытке политических объединений, стремящихся быть представленными в структурах власти, сходстве их политических программ это оказывается достаточно проблематичным. Основанием политической идентификации в этих условиях становится «прагматизм». Голосуют за партию или политика, которые, по мнению избирателей, могут реализовать свои программы, причем типичные избиратели реагируют только на краткосрочные, а не на долгосрочные программы общественного развития. По мнению российских политологов, при доминировании прагматических рациональных установок политическая самоидентификация осуществляется без возрастания социальной напряженности в обществе. При доминировании эмоционально-

[11] *Бызов Л.* Указ. соч. С. 57.

идеологических установок общество может встать перед реальной угрозой утраты стабильности. В современной России формирование политической идентичности в равной степени связано с рациональным осознанием своих интересов и историко-культурными и социально-культурными факторами. «Само понятие “наш” имеет исключительно социально-культурную природу».[12]

Подростковый инфантилизм в области политики свойствен, как считает Е. Б. Шестопал, трем четвертям наших сограждан. Он может проявляться, в частности, в неспособности индивида иметь автономные политические убеждения, которые не зависели бы от ситуации.[13] Подобные люди — особо легкая добыча для различного рода манипуляторов, в том числе политтехнологов во время избирательной кампании. Можно предположить, что властные структуры, государство в широком смысле, и не заинтересованы в том, чтобы число «инфантилов», не имеющих устойчивых политических убеждений, сокращалось. Причем это касается не только нашей многострадальной страны. Очень выгодно иметь «под рукой» избирателей, ориентирующихся исключительно на «политическую погоду». «А я кандидату N почему-то верю» – типичный ответ избирателей на вопрос о мотивах голосования. Насколько абсурдный, настолько же искренний! Если нет системы устойчивых политических установок, мы так и будем выбирать бесконечно, если не головой, то сердцем и другими частями тела…

В. Рукавишников считает, что в целом посткоммунистическая российская модель политической идентификации существенным образом отличается от моделей, доминирующих на Западе.[14] Формирование нового типа политической идентичности идет по двум линиям: институциональной (соотнесение личности с конкретными политическими субъектами, институтами власти и государством как таковым) и общегражданской (со страной, обществом, отдельными референтными группами).[15] В России в 1990-х годах явно доминировала персонифицированная политическая идентификация, что позволило некоторым авторам сделать вывод о том, что «практика не подтверждает… тезиса ролевой теории политики… эффективное включение человека в роль происходит через идентификацию личности с системой в целом и с отдельными политическими институтами (прежде всего с партиями и организация-

---

[12] Там же. С. 55.

[13] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 174.

[14] *Рукавишников В., Халман Л., Эстер П.* Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения. М., 1998.

[15] *Бызов Л.* Указ. соч. С. 68.

ми) в частности».[16] На наш взгляд, объектом политической идентификации могут быть не только политические партии, но и политическая система в целом (политические институты, политический режим и т. д.). Идентификация с объектами более высокого уровня (государством, страной, обществом в целом) подменяется объектами идентификации низшего уровня, связанными с кругом непосредственных социальных контактов (регионы и отдельные территории, город, семья, родные, коллеги, друзья и т.д.). Этот признак был отмечен еще в исследованиях 1993–1994 гг. По мнению отечественных авторов, кризис политической идентичности представляет собой значительно бóльшую опасность, чем просто фактор, осложняющий электоральный выбор избирателей. «Слабая идентичность, сопряженная с институциональным кризисом, создает постоянную угрозу распада общества и государства».[17]

В последние годы в России можно было наблюдать не только формирование взаимоисключающих ценностных установок, но и самое причудливое сочетание социальных идентичностей. Социальная идентичность предполагает внутреннее приятие политических и социальных ценностей, норм и традиций данного общества, перспектив развития предлагаемой им «модели мира», ощущение своей близости к социальной группе и согражданам в целом.

Российское общество начала 1990-х годов можно охарактеризовать как атомизированное. В середине 1990-х годов явно прослеживались попытки стихийной самоорганизации граждан с формированием локальных неполитических идентичностей (например, Рериховское движение). Наконец, в конце ушедшего десятилетия обнаружилось стремление к формированию антилиберальной идентичности, активно предлагаемое исполнительной ветвью власти. Но попытки «привить» россиянам общегражданскую идентичность оказались весьма неудачными. Осознают себя прежде всего гражданами России не более 7–9% россиян. Общегражданская идентичность все более становится идеологическим мифом. Смещение самоидентификации в сторону статусных групп от глобальных (граждане одного государства) само по себе не может рассматриваться как показатель кризисной идентичности. В современной России социально-статусное, идейно-политическое, когортное (возрастное), региональное расслоение населения России значительно осложняет не только формирование единой общегражданской идентичности, но и гражданского общества в целом.

Идеологическая самоидентификация россиян, как и партийная, во

---

[16] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 38.
[17] Там же. С. 70.

многом носит персонифицированный характер. В политическом сознании граждан выделяются несколько фигур, максимально отличающихся по своим представлениям о будущем России, с которыми связываются определенные политические программы и идеологии. Такими знаковыми фигурами в политике в 1990-е годы, безусловно, были А. Чубайс, Е. Гайдар, Г. Зюганов, В. Жириновский. В разных социальных группах с различными политическими ориентациями их оценивали диаметрально противоположно. «Зашкаливающий разброс в оценках того или иного политика — верный признак “срыва идентичности”».[18] По данным ряда исследователей, например Дж. Адельсона, признаками мышления 11-летних подростков являются конкретность, персонализированность и эгоцентричность.[19] Доминирование персонального типа политической идентификации россиян можно объяснить отчасти и тем, что в своем политическом развитии, как представляется, они не выходят за рамки данного возрастного периода — предположение почти оскорбительное, тем не менее реалистичное. Впрочем, не один десяток лет нас приучали: «Мы говорим Ленин, подразумеваем — Партия. Мы говорим Партия, подразумеваем — Ленин»… Отметим еще один серьезный сигнал того, что многие наши сограждане не прошли успешно основные стадии политической социализации и в полной мере не смогли обрести политическую идентичность. Об этом свидетельствует основной мотив отказа от участия в голосовании: «Не пойду голосовать, потому что за нас уже все решили». Безусловно, при достижении определенного возраста сама личность и политическая активность индивида устанавливают определенные «фильтры» внешнему влиянию, контролируют выбор человека. Зрелость личности, осознание себя гражданином не позволяют ссылаться на то, «что “нас так воспитали”, “нам приказали”, “мы люди маленькие”. В отличие от ребенка взрослый несет ответственность за свое поведение, в том числе и в сфере политики, руководствуется своими собственными представлениями о том, что входит в его обязанности и права как человека и гражданина».[20] К тому же тезис о «деидеологизации молодежи», достаточно часто высказываемый в литературе, представляется нам спорным. То, что ряды сторонников коммунистической идеологии не пополняются за счет молодых людей, еще не говорит об отсутствии в их сознании некоторых идеологических штампов. Молодое поколение менее доктринально и более рационально, прагматично, но оно легко подвержено «вирусу» национализма, особенно в низкоста-

[18] Там же. С. 55.
[19] Там же. С. 168.
[20] Там же. С. 187.

тусных группах, и весьма охотно пополняет ряды сторонников радикальных движений.

В России в последние годы наблюдалась неоднократная смена политической идентичности не только у молодых людей, но и практически у всех возрастных групп, обозначилось также стремление дистанцироваться от политических организаций. Многие граждане России, идентифицировавшие себя с какой-либо политической партией, неоднократно успели поменять свои пристрастия. Но это относится не ко всем партиям. Например, левые партии, прежде всего КПРФ, имеют исключительно преданный круг сторонников. По данным опросов весной 1995 г., 93% избирателей, голосовавших за КПРФ на выборах в российский парламент в 1993 г., были намерены поддержать ее вновь. Лояльность избирателей «Яблока» также высока, 85% из них сохранили свою партийную идентификацию, 13% решили поддерживать коммунистов. Только 54% избирателей «Выбора России», голосовавшие за «партию реформ» в 1993 г., были готовы голосовать за них в 1995 г. «Более одной четверти бывших сторонников “Выбора России” перешли к небольшим партиям, и свыше одной десятой части отошли к “Яблоку”. Наибольшие потери понесла ЛДПР. В 1995 г. по отношению к ней сохранили лояльность только 39% из тех, кто голосовал за нее два года до этого».[21]

Условно мотивы голосования можно разделить на три вида: прагматические, идеологические, эмоционально-аффективные (в том числе и протестные). «Прагматики» голосуют за партию или политика, которые, по их мнению, могут реализовать свои программы, причем реагируют, как мы уже упоминали, только на краткосрочные программы, а не на долгосрочные. «Идеологи» голосуют за «свою» партию или политическую фигуру (по классовому или идеологическому признакам). Тесно переплетаются идеологические мотивы электорального выбора и осознание своего участия в голосовании как долга перед обществом. Особенно это характерно для групп, голосующих за КПРФ (около 20% активных избирателей). Обращает на себя внимание и сочетание в сознании граждан представления о невозможности личного влияния на структуры власти и готовности демонстрировать ей лояльность, голосуя за партии или отдельных представителей (не обязательно лидеров), активно поддерживаемых исполнительной ветвью власти (более 40% электората). Отсутствие общей ценностной системы как у отдельных социальных групп, так и у большинства населения также свидетельствует о неготовности к участию в формировании гражданского общества.

[21] Там же. С. 148–149.

Следует обратить внимание на оценку процессов формирования партийной идентификации российских граждан в зарубежной политологической литературе.[22] Чаще всего авторы понимают политическую идентификацию как партийную, определяют ее как стабильную позитивную эмоциональную установку по отношению к одной определенной партии. Граждане, которые психологически идентифицируют себя с политической партией, могут быть названы сторонниками (partisans), что отнюдь не предполагает их обязательного членства в данной организации.[23] Основу этого подхода составляют теория референтных групп и представление о том, что индивиды часто определяют себя в категориях (терминах) вторичных групп в обществе, таких, например, как политические партии.

Традиционный взгляд на идентификацию предполагает, что индивид или группа людей имеет некие образцы для подражания, идеалы. Однако эти образы не являются чем-то внешним. Более того, эти образы далеко не всегда имеют и внутреннюю положительную оценку, т.к. «идентифицироваться можно и со слабостью, неудачей, виной перед другими».[24]

По мнению М. Косора и Т. Маслика, политическое пространство, которое образуют партии, и характер партийной идентификации, тяготение избирателей к той или иной организации, определяются следующими расколами: а) поддержка демократическому правлению против поддержки вмешательству государства; б) секуляризм против поддержки

---

[22] *Brader T.* The Emergence of Mass Partisanship // American J. of Political Science. 2001. Vol. 45. N 1. January. P. 69–83; *Hill R.* Parties and the Party System // Developments in Russian and Post-Soviet Politics / Ed. by S. White, A. Pravda, Z. Gitelman. Durham, 1994; *Fish M. S.* The Advent of Multipartism in Russia, 1993-95 // Post Soviet Affairs. 1995. N 11. P. 340–383; *Sakwa R.* The Development of the Russian Party System // Elections and the Political Order / Ed. by P. Lentini. Budapest, 1995; *Nogee J., Mitchell R. J.* Russian Politics: The Struggle for a New Order. Boston, 1997; *Parrott B.* Perspectives on Postcommunist Democratizatuion? Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus, and Moldova / Ed. by K. Dawisha, B. Parrott. New York, 1997; *Miller A. H., Reisinger W. M., Hesli V. L.* Leader Popularity and Party Development in Post Soviet Russia // Elections and Voters in Post-Communist Russia / Ed. by M. Wyman, S. White, S. Oates. London, 1998; *Hough J. F.* The Failure of Party Formation and the Future of the Russian Democracy // Growing Pains: Russian Democracy and the Election of 1993 / Ed. by T. J. Colton and J. F. Hough. Washington, 1998; *Mishler W., Haerpfer C., Rose R.* Democracy and it's Alternatives: Understanding Post-Communist Societies. Baltimore, 1998.

[23] В российской политологии в последнее десятилетие активно используются категории «политическая идентификация», «партийная идентификация», однако родоначальники теории партийной идентификации наряду с термином party identification использовали категории partisan self-image, partisanship, party allegiance, party attachment, party support.

[24] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 111.

свободного рынка. По мнению этих авторов, политические партии и дальше будут использовать данные расколы для инструментальных целей на выборах.[25] Как мы видим, фактически исследователи ставят проблему возможности сознательного формирования партийной идентичности избирателей партийными организациями.

Некоторые авторы склонны считать, что в посткоммунистических странах, и в первую очередь в России, крайне мало оснований говорить о стабильной политической (прежде всего партийной) идентификации в силу крайней изменчивости партийной системы (Р. Митчел, Р. Саква, Дж. Ноги, Р. Хилл). Логика рассуждений здесь очевидна: с увеличением электорального «рынка» и фрагментации партийной системы преданность партийным организациям и их идеологии снижается, необходим значительный исторический период для стабилизации партийных предпочтений. Вторая группа аналитиков декларирует тезис о слабости проявлений партийной идентификации избирателей по причине крайне высокой степени персонифицированности партий, незначительности отличий в партийных программах и неустойчивости самих партийных объединений (М. Фиш, С. Уайт, М. Уимен, Б. Пэррот). Третьи (Р. Роуз, Мак Аллистер) просто утверждают, что две трети избирателей в России не имеют позитивной партийной идентичности, но при этом большинство избирателей считают себя «антипартийцами», т.е. имеют высокую степень негативной партийной идентификации и точно знают, с какими партиями они не имеют ничего общего.

Вряд ли можно согласиться с тем, что партийная система в России носит хаотичный характер. Помимо явно проявившегося деления на «партию власти» и «умеренно оппозиционные» партии, характер политических программ позволяет нам классифицировать партии по традиционной шкале «правые — левые».[26]

Определенным шагом вперед стала предложенная А. Крю классификация типов идентификации избирателей. Он предложил выделять четыре группы: 1) «поляризованные», очень жестко демонстрирующие привязанность к собственной партии и столь же непримиримо дистанцирующиеся от другой; 2) «лояльные», очень сильно позитивно настроенные по отношению к одной партии и не очень негативно по отношению к другой; 3) «негативисты», считающие себя не очень стойкими сторонниками одной партии и настроенные крайне отрицательно по

---

[25] *Between* animosity and utility: Political parties and their matrix / Ed. by H. Kubiak, J.J. Wiatr. Warsaw, 2000. P. 35.

[26] *Brader T.* The Emergence of Mass Partisanship // American J. of Political Science. 2001. Vol. 45. N 1. January. P. 69.

отношению к какой-нибудь одной партии; 4) «апатичные», не имеющие явных позитивных и негативных установок по отношению к партиям.[27]

Понятно, что для России, где на выборах в Государственную Думу в 1995 г. участвовали 43 партии, а в 1999 г. чуть меньше 30, не может быть прямо заимствована не только классическая методика Э. Кемпбелла, но и способы оценки партийной идентификации, применяемые в Западной Европе.[28] В России в 1993 г. значимыми игроками на политическом поле были ЛДПР (В. Жириновский), КПРФ (Г. Зюганов) и «Выбор России» (Е. Гайдар). В 1995 г. КПРФ сохранила свои позиции, набрав 22,3% голосов избирателей. «Выбор России» из значимой организации превратился в партию-карлика по политическому весу, став лишь девятым среди партийных организаций по числу набранных голосов. «Звездный час» ЛДПР тоже прошел, она получила меньше голосов, чем в 1993 г. Влиятельным политическим игроком стало «Яблоко» Г. Явлинского. Новая «партия власти» НДР во главе с премьер-министром В. Черномырдиным получила только 10,1% голосов избирателей. Выборы в Государственную Думу в 1999 г. наряду с подтверждением стабильности КПРФ и ЛДПР принесли ряд неожиданностей. Произошла очередная смена «партии власти». Этот неформальный, но очень значимый в российских условиях неофициальный статус получило «Единство» (С. Шойгу). СПС (И. Хакамада, Б. Немцов) очень эффективно отнял значительное число голосов у «Яблока».

По данным А. Миллера, в 1992 г. идентифицировали себя с партиями, представляющими их интересы, 16% респондентов, в 1995 г. — 52%, в 1997 г. — уже 61%. Уровень голосования за партии, с которыми респонденты идентифицировали себя, был относительно высоким. Полученные А. Миллером данные, как видно из табл. 9, опровергают рассуждения скептиков о том, что идентификация не связана с голосованием. Более оправданным будет суждение, что «человек и самого-то себя способен идентифицировать прежде всего как деятельностное существо»,[29] а потому идентификация с партией не только фиксирует «чувство

---

[27] Ibid. P. 52.

[28] Например, при анализе партийной идентификации в Нидерландах задают вопрос: «Многие люди думают о себе как о приверженцах определенной партии, но также есть люди, которые так не думают. Вы думаете о себе обычно как о стороннике определенной партии?». В Норвегии респондентов спрашивают: «Если не учитывать формального членства в партии, можете ли Вы сказать, что искренне поддерживаете одну конкретную партию? Другими словами, относите ли Вы себя к либералам, консерваторам, лейбористам или к кому-нибудь еще?».

[29] *Калина Н.Ф., Черный Е.В., Шоркин А.Д.* Лики ментальности и поле политики. Киев, 1999. С. 30.

близости» к определенной организации, но и предрасположенность к определенным действиям, демонстрирующим это.

Таблица 9

Соответствие партийной идентификации и характера голосования российских избирателей на выборах в Государственную Думу в 1995 г.*

Партии и движения	% респондентов, идентифицирующих себя с партией	% проголосовавших за партию от числа идентифицирующих себя с ней
Аграрная партия России	9,3	59,6
Яблоко	12,8	63,7
Будущее России	1,7	23,2
Выбор России	11,3	90,4
Гражданский Союз	2,2	57,5
Демократическая партия России	6,6	76,0
Коммунистическая партия Российской Федерации	17,8	72,5
Конструктивное экологическое движение России «КЕДР»	1,6	50,6
Либерально-демократическая партия России	9,6	90,2
Российское единство и Согласие	6,2	81,7
Женщины России	13,8	67,2
Российское движение за демократические реформы	3,3	63,4
Другие	3,8	–
Всего	100	72

**Miller A.H., Erb G., Resinger W.M., Hesli V.L.* Emerging Party System in Post-Soviet Societies: Fact or Fiction? // The J. of Politics. 2000. Vol. 62. N 2. P. 468.

А. Миллер на основе проведенных исследований выделил группы, отличающиеся по своим политическим установкам, типу идентификации (были изучены прореформенные и антиреформенные установки). Люди, идентифицирующие себя как сторонников реформ, обладали высоким образованием, знали, по крайней мере, один иностранный язык, достаточно легко принимали новые экономические отношения и мир бизнеса. Те из респондентов, кто идентифицировал себя с коммунистическими партиями и противниками реформ, относились к более старшей возрастной группе, имели более низкий уровень образования, часто были выходцами из сельской местности и определяли себя по этническому признаку. Подобное деление было актуальным до президентских выборов 1996 г., после победы на президентских выборах 2000 г. В. Путина эта классификация «не работает».

Выводы А. Миллера однозначны. Во-первых, партийная идентифи-

кация формируется в России быстрее, чем это принято признавать в западной политологической литературе. Во-вторых, партийная идентификация проявляется в устойчивом голосовании за определенные партии. В-третьих, существует высокая степень соответствия между партийными предпочтениями и поддержкой партий не только у рядовых избирателей, но и у элитных групп. В-четвертых, исследования показали, что жители России начинают формировать свое представление о политическом мире через призму своей партийной идентификации. Наконец, А. Миллер показал, что в России идентификация с партиями происходит не только на основе «принятия» политических взглядов и программы действий («за реформы», «против реформ»), не менее значима персонифицированная идентификация с политическими лидерами, которые соперничают между собой, возглавляя различные партии.[30] Миллер полагает, что партийная идентификация граждан России (поскольку она формирует представления людей о новом политическом режиме, рыночной экономике) может оказать на политический процесс даже большее влияние, чем собственно социальные расколы. Партийную систему в постсоветской России, по мнению ученого, нельзя назвать фрагментарной, непредставительной или недифференцированной. Более того, она способствует установлению политической коммуникации между элитой и рядовыми гражданами.

Т. Брейдер и Дж. Такер отмечают, что только 80% россиян, идентифицирующих себя с определенной партией, голосуют за нее на выборах. Мы считаем, что в наших условиях это высокий показатель, поскольку партийная идентификация не является единственным или определяющим мотивом голосования. Например, избиратели могут не голосовать за близкую им партию, поскольку считают ее «непроходной» в структуры власти (вспомним о 5% барьере на выборах в Государственную Думу). Исследование показало, что ядро сторонников партий (core-party voters) ориентировано на различные ценности и обладает разным политическим опытом. Например, сторонников КПРФ в середине 1990-х годов характеризовало неприятие быстрого перехода к рыночным отношениям. В основном это были пожилые люди, многие из которых состояли в рядах КПСС, они не склонны думать, что материальное положение их семей может улучшиться в ближайшее время. Сторонников ДВР отличали позитивная оценка рыночных реформ и приватизации, позитивная оценка материального положения своей семьи в последнее время, убежденность в том, что Россия должна следовать по западноев-

---

[30] *Miller A. H., Erb G., Resinger W. M., Hesli V. L.* Emerging Party System in Post-Soviet Societies: Fact or Fiction? // The J. of Politics. 2000. Vol. 62. N 2. P. 487.

ропейскому пути развития, а нарушение прав граждан не должно поддерживаться властными институтами. Этот раскол (cleavage) между сторонниками КПРФ и ДВР был стабильным, расколы между другими партиями не были столь значительными и явными.

Можно говорить и о такой вполне проявившейся характеристике политического сознания граждан в нашей стране, как негативная толерантность,[31] связанной со страхом или нежеланием реставрации коммунистического режима. Однако со временем правящая элита неизбежно столкнется с ситуацией, когда «историческая память» об эпохе социализма будет ослабевать, а все большее значение в глазах граждан будет иметь состояние экономики. И оно отнюдь не является оптимистичным для России, где средний уровень заработной платы составляет чуть больше трех тысяч рублей, а во многих регионах в 2002 г., как в середине 1990-х годов, задерживается зарплата. Безработица хотя и является достаточно низкой, но многие безработные просто не желают занимать вакансии, поскольку предлагаемая заработная плата в большинстве мест оказывается ниже прожиточного уровня.

В целом уровень «приверженности идеалу» остается очень низким (49%, по данным Р. Уайтфилд и Д. Эванс). В начале 1990-х годов для многих россиян идеал демократии был связан не со свободой, а с отсутствием дефицита на товары народного потребления, столь характерного для эпохи «развитого социализма». Сложная ситуация и с такими ценностями, составляющими ядро политической культуры и определяющими установки политического сознания, как «коллективизм» и «индивидуализм». Отношение граждан к демократизации в посткоммунистических странах и их ориентация на те или иные политические партии во многом связана не с собственно политическими предпочтениями или идентификациями, а с ощущением степени своей экономической безопасности в новых условиях рынка и состоянием экономической ситуации в стране в целом.

По данным исследования У. Мишлера и Р. Роуза середины 1990-х годов, такие социальные параметры, как возраст, уровень образования, место жительства, религиозные убеждения и профессия жителей в большинстве посткоммунистических стран, оказывали не очень значительное влияние на восприятие политической ситуации. Эти выводы нельзя распространять на Россию, где сложилась иная ситуация. Как показали результаты исследований ЦЭПИ философского факультета СПбГУ, на протяжении второй половины 1990-х годов наиболее значимыми социальными факторами, связанными с политическими установ-

[31] Данная категория активно используется польским политологом А. Антошевским.

ками, оставались возраст, место жительства (регион и тип поселения) и род деятельности.[32]

Поддержка демократических партий и режимов в России связана не столько с позитивной оценкой демократических институтов власти как таковых, сколько с эгоцентрическим восприятием своих экономических интересов. По данным исследований середины 1990-х годов (С. Уайтфилд, А. Херш, С. Пайн, Р. Роуз, Д. Эванс, У. Мишлер), люди, оценивающие свою личную экономическую ситуацию при нынешнем политическом режиме как более благоприятную, чем в социалистическом обществе (безотносительно к тому, удовлетворены ли они своим материальным положением в целом), склонны поддерживать демократические реформы. Большие не реализовавшиеся ожидания в отношении экономических реформ могут породить политическую фрустрацию, разочарование в реформах. В России на протяжении всего последнего десятилетия (при сохранении стабильного ядра избирателей у КПРФ) многие граждане предпочитали голосовать за «партию власти» (и здесь определяющей была демонстрация политической организацией близости к верхушке исполнительной власти). Отчасти это можно объяснить авторитарными и патерналистскими традициями управления в нашей стране, отчасти свою роль сыграли и полномочия, которыми по конституции обладает глава государства. В Российской Федерации Президент имеет право издания декретов, отставки кабинета правительства, наложения вето на решения нижней палаты парламента. Право роспуска президентом парламента предусмотрено не только в случае несогласия нижней палаты парламента с предлагаемой кандидатурой премьер-министра, но и в случае выражения вотума недоверия правительству или отказа от голосования вотума доверия правительству.

Важным фактором формирования партийной идентичности является число политических партий и организаций, претендующих на статус парламентских. В нашем обществе в средствах массовой информации в начале 1990-х годов сознательно выстраивалась логическая цепочка: «антикоммунист» – «демократ» – «западник» – «антипатриот». «Быть коммунистом» в 1992–1994 годах означало в глазах общественности «быть патриотом». С 1995 г. к самообозначению себя как патриотов начали прибегать «партии власти» (сначала НДР, затем – «Единство»),

---

[32] *Гуманитарные* технологии и политический процесс в России / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб., 2001. С. 86–130; *Политический* анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ / Под ред. Г. П. Артемова. СПб., 2001. Вып. 2. С. 4–45; *Политические* процессы в России: институциональный, идеологический и поведенческий аспекты / Под ред. О. В. Поповой. СПб., 2001. С. 87–96, 123–135.

ЛДПР (стоит вспомнить о великолепной риторике В. Жириновского по этому поводу) и радикальные националистические внепарламентские объединения (например, НБП). В России антикоммунистические лозунги после развала в 1991 г. СССР использовались (причем в инструментальных целях!) дважды: во время президентских выборов 1996 г. для снижения рейтинга Г. Зюганова и в апреле 2002 г. в связи с перераспределением контроля над комитетами в Государственной думе в пользу «партии власти».

Можно предположить, что на первом этапе изменений системного характера доминировали аксиологические (идеологические) конфликты между партиями, чему способствовал высокий уровень поляризации общественного сознания. По мере трансформации политической системы и стабилизации ее нового типа при выборе политической партии (ориентации на политическую партию) доминирующим фактором становится оценка состояния экономики в стране.

Необходимо особо отметить значительное увеличение и многообразие объектов и способов политической идентификации в условиях социальных трансформаций. В ситуации резкого изменения всей жизнедеятельности российского общества идентификация населения по религиозному, национальному, идеологическому признаку приобретает ярко выраженный политический характер. Б. Орлов, например, выделяет следующие концепции, позволяющие России и россиянам обрести возможность идентификации: религиозно-идеократические подходы, национально-религиозные концепции, ценностно-демократические подходы и концепция «оригинального» развития России.

Помимо традиционной попытки описать политическую идентификацию россиян с помощью их электоральных предпочтений, многие авторы подчеркивают политический характер этнической идентификации в условиях российских реформ. Рост сепаратистских, центробежных настроений свидетельствует о том, что люди боятся утратить свое национальное «Я», что разрушаются идентичности больших групп, например «имперской идентичности или идентичности с советским народом».[33]

В нашей стране этническая идентификация связана с территориальной. Россия — евразийская страна, объединяющая 152 народа и народности, соответственно пестрая культурологически (западный индивидуализм и традиционная восточная общинность) и религиозно (православие, ислам иудаизм, буддизм и т.д.). Резкое изменение экономических, социальных и политических основ жизни за короткий отрезок времени не могло не привести к утрате привычных ценностей отдель-

[33] Там же. С. 244.

ным человеком. Одновременно утрачивались идентичности, облегчающие межличностную коммуникацию. И пока россияне не обретут новую целостную идентичность, говорить о реальных изменениях в стране в плане «изживания» старых стереотипов в отношениях «государство – индивид» и «индивид – индивид» нельзя. Можно утверждать (отчасти гипотетически), что этническая идентичность, как наиболее «видимая», выходит в самоопределении человека на первый план, становится наиболее значимой в том случае, когда иные значимые идентичности утеряны. Иначе говоря, если человек определяет себя прежде всего через принадлежность к какому-либо этносу, это свидетельствует о том, что политическая идентичность находится в стадии дезинтеграции, и основная ее функция — сохранить целостность личности.

Этническая идентификация может проявляться самым разным образом, например, в виде негативного отношения к возможности доступа представителей нетитульной нации к рычагам политической власти и экономического влияния. «Русская карта» «разыгрывается» и представителями политической элиты. Например, весной 1998 г. Г. Зюганов в связи с правительственным кризисом требовал, чтобы при выдвижении кандидата на пост премьер-министра правительства Российской Федерации учитывалась его национальность (хотя Г. Зюганов и возглавляемая им партия должны исповедовать ценности интернационализма). Отношение представителей различных политических течений в Государственной думе к фиксации пресловутого «пятого пункта» в паспортах наших сограждан также показывает значимость этнической идентификации для политических процессов. Известно, что политики демократической ориентации ратовали за отмену указания национальности в паспортах, национал-патриоты и коммунисты выступали за сохранение этого пункта.[34]

Представление об «естественных» границах России также политически окрашено. Некоторые из наших сограждан полагают, что Россия должна существовать в границах Российской империи или СССР. Другие исповедуют принцип «малой родины», ассоциируя Россию только с территориями, по преимуществу населенными этническими русскими (хотя на самом деле подобных территорий не существует, их можно найти только в «глубинке» российского Нечерноземья). Третья категория наших сограждан свято верит, что Россия должна существовать как многонациональное государство в нынешних границах. Наконец, для части россиян эта проблема является несущественной, или они не могут определить свое мнение о территориальных границах.

---

[34] Там же. С. 255.

Методически сложным аспектом исследования политической идентификации является вопрос о том, каким образом можно интерпретировать «легкость» деления людей на «своих» и «чужих» или приписывание «своим» если не выдающихся, то хороших качеств. Является ли это свойством людей с ярко выраженной идентичностью или данную особенность следует рассматривать совсем в другом контексте, например, считать признаком ограниченности, неразвитости, нетолерантности? Возникает и другой вопрос. Каким образом выраженная политическая идентичность сочетается с политической толерантностью? Совместимы ли они, могут ли они проявляться одновременно? Можно, конечно, предположить, что толерантность не связана с политической идентичностью, является признаком неавторитарной личности, а выраженная политическая идентичность может быть присуща как людям с коммунистической идентичностью, так и носителям демократических или националистических ценностей.

Люди с низким социально-экономическим статусом стремятся найти внешнего врага (не «иного», не «чужого», а именно «врага») чаще всего именно среди представителей иных этносов, поскольку различия между ними наиболее явны. За национальностями издавна закрепились определенные образы и роли, о чем свидетельствует, в частности, фольклор любого народа. Например, немцы воспринимаются как пунктуальные, мелочные, англичане — закрытые, неэмоциональные, армяне — шумные, вспыльчивые, русские — ленивые, смекалистые, терпящие «до последнего», обладающие «общинным» сознанием, украинцы — хитрые и т. д. Очевидно, в моноэтнических обществах этническая идентификация оказывается не столь значимой и не влечет за собой явных политических последствий. Примечательно, что этническая идентификация может с равной степенью вероятности базироваться как на критерии общности внешнего облика, языка, традиций, исторической судьбы, политическом критерии, так и на общности вероисповедания. Именно поэтому некоторым людям больше импонируют армяне или сербы (христиане), чем азербайджанцы или албанцы (мусульмане), хотя в повседневной жизни контактов с представителями этих этносов у них нет.

Е. Б. Шестопал делает вывод о слабой связи «политической ориентации (демократической, коммунистической и нейтральной) с проявлениями этноцентрических стереотипов».[35] По ее мнению, политическая идентификация россиян напрямую не связана с этнической. Одновременно исследовательница делает вывод о том, что «русские переживают кризис идентичности, что выражается в ощущении потерянности,

[35] Там же. С. 274.

аполитичности».[36] На наш взгляд, это спорная позиция. Если обязательным компонентом политической идентификации является выделение «наших» и «не наших», «своих» и «чужих», то логично предположить, что политические конфликты (например, противостояние «демократов» и «патриотов», а в действительности — конфликт исполнительной и законодательной власти, персонально главы государства Б. Ельцина и спикера нижней палаты российского парламента Р. Хасбулатова в 1992–1993 гг.) если не провоцируются, прямо или косвенно, самоопределением, самооценкой и «размещением» себя в некотором пространстве личностно и социально значимых объектов, то обязательно сопровождаются ими. Несколько прояснить этот вопрос помогают работы Т. Адорно, Г. Зиммеля и Л. Козера.[37]

Анализируя феномен авторитарности, Т. Адорно указывал на почти обязательно сопровождающий его элемент — этноцентризм, который связан с противопоставлением «своих» и «чужих». Само по себе это противопоставление характерно для политической идентификации и является его обязательным элементом. Но этноцентризм предполагает некритическое одобрение характеристик «своих» и приписывание «чужим» более низкого статуса.[38] Политическая идентификация может сопровождаться адекватной и, более того, критической оценкой «своей» группы, тем более не обязательно, чтобы своя группа оценивалась как имеющая высокий статус.

По мнению Е. Б. Шестопал, политический конформизм — одна из обязательных характеристик авторитарной личности, при этом «политический конформизм выражается в нетерпимости к “чужакам” и одновременно в терпимости по отношению к той группе, с которой индивид себя идентифицирует».[39] К характеристикам авторитарной личности относятся следующие: этноцентризм — установки против чужаков, политический конформизм по отношению к своей группе, консерватизм, конвенционализм, милитаризм, религиозность, нетерпимость к инакомыслию, неопределенности и беспорядку.

Вопрос об изучении демократической личности предполагает определение характерного для нее набора ценностей, мотивов и установок по отношению к власти, исследование специфики политического участия, особенно электорального поведения и, наконец, постановку «во-

---

[36] Там же. С. 276–277.

[37] *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М., 2001; *Зиммель Г.* Избранное. В 2 т. М., 1996; *Козер Л.* Функции социального конфликта. М., 2000.

[38] *Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М., 2001. С.103 – 139.

[39] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 336.

проса о поиске личностью своей демократической идентичности».[40] «Демократ» отличается политической толерантностью, «приоритетом рационального начала в выборе политической позиции».[41] В России у большинства населения новые «политические ценности, а значит, и личностные идентичности пока не сформированы».[42]

Итак, основу политической идентичности составляет система ценностей. Чем личностная политическая идентификация отличается от групповой идентичности? Необходимо ли проводить различия между этими понятиями? Политическая самоидентификация (самоназвание, самообозначение) россиян не соответствует системе их политических ценностей. Современный российский авторитаризм выполняет очень важную адаптационную функцию, он призван «компенсировать утрату политической и национальной идентичности».[43]

5.2. Идентификационные стратегии российских лидеров

Э. Эриксон предложил шкалу оценки лидеров в тоталитарном государстве — «фанатичных апостолов и умных революционеров, лидеров-одиночек и олигархических клик, искренних приверженцев идеи и эффективных управленцев, апатичных работяг и парализованных оппозиционеров, бессильных жертв и сбитых с толку будущих жертв».[44] Очевидно, что некоторые типажи сохраняются длительное время и после разрушения тоталитарного общества. Даже в ситуации продвижения общества к демократии они достаточно успешно десантируются во власть, становясь лидерами общенационального масштаба, что мы и наблюдали в течение последних 15 лет в России.

Г. Г. Дилигенский считает, что в России «появляются условия для идентификации по принципу эмпатии — установка лидера на удовлетворение потребностей руководимых им людей, на включение их воли в процесс принятия политических решений. Таким образом, складывается тип демократического лидера».[45] Если первая часть высказывания не вызывает ни малейших сомнений, то вывод о демократическом типе лидерства и заботе обо всех гражданах, исходя из данной посылки, выглядит сомнительным. Вероятнее всего, лидер будет учитывать интере-

---

[40] Там же. С. 332.
[41] Там же. С. 340.
[42] Там же. С. 342.
[43] Там же. С. 355.
[44] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 87–88.
[45] *Дилигенский Г. Г.* Социально-политическая психология. М., 1996. С. 240.

сы и идентифицировать себя с теми «закулисными» кукловодами, которые создали все предпосылки для его победы («семья», кремлевская администрация, тайные спонсоры из числа крупнейших лоббистов-промышленников и банкиров, политтехнологи и т. д.).

Даже самые яркие политические фигуры должны рассматриваться как представители определенного вида элит. Компаративными исследованиями были выявлены различные типы элит. Отметим «элиту конкурирующую» (степень приверженности «идее» наиболее высока именно на уровне самой элиты, рядовые граждане общества чувствуют отчуждение от нее), «элиту договорную» (степень убежденности ее рядовых приверженцев выше, нежели среди самих представителей элиты) и «элиту объединенную» (идейная идентификация наиболее проявляет себя на промежуточном уровне партийных активистов среднего звена и наименее среди представителей элиты как таковой). Принято считать, что сплоченная элита более эффективна и стабильна, чем элита разрозненная, хотя склонность первой к олигархии неоспоримо выше.[46]

Наиболее интересный материал для анализа политической идентификации политических лидеров представляют исследователям выборы высшего уровня — выборы главы государства. Выборы на пост Президента Российской Федерации на рубеже двух столетий почти не имели внутренней интриги, итоги были предопределены заранее, причем не столько количеством вложенных в предвыборные мероприятия денег и профессионализмом команд кандидатов, сколько расстановкой сил закулисных игроков. На президентских выборах-2000 повторение истории 1996 г. с солидной суммой долларов в «коробке из-под ксерокса» было практически невозможно. Административный ресурс был задействован полностью. Лояльность, любовь и поддержка по отношению к «основному кандидату» демонстрировались представителями администрации регионов заранее и с размахом, «сдержанно, с достоинством» – общероссийскими СМИ.

Ход предвыборных баталий явил три стандартные стратегии поведения основных кандидатов: сухую деловитую позицию «над схваткой», оппозиционное неприятие существующей политики (критика линии ушедшего президента), демонстрацию достоинств личности кандидата. «Пейзаж битвы» несколько оживлялся немотивированными нападками некоторых журналистов и кандидатов-аутсайдеров (которые заранее, еще до выборов продемонстрировали поддержку исполняющему обязанности президента) на лидера «Яблока». Во всей этой истории есть

---

[46] *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. С. 238.

лишь один достойный предмет для обсуждения — модели политической идентификации основных претендентов.

Вопрос этот отнюдь не праздный, поскольку влияние политической идентичности граждан и самих политиков на результаты выборов в государствах с нестабильной партийной системой в условиях трансформации политической системы слабо освещено. Проблема политической идентификации обычно обсуждается в контексте возможностей прогнозирования поведения электората, но почти никогда с точки зрения технологий предвыборной кампании.

Практически значимым является вопрос о том, как идентификация политиков влияет на отношение к ним избирателей, насколько эффективно используются идентификационные модели для формирования имиджа политиков в ходе предвыборной борьбы. На наш взгляд, к этому вопросу нельзя подходить только как к технологии избирательной кампании (формирование, конструирование политического сознания избирателей). Во многом успех политика на выборах зависит от того, насколько точно и полно политические технологи «эксплуатируют» объективно существующие стереотипы и архетипы общественного сознания, политическую идентификацию граждан и самих кандидатов.

Данные социологических опросов, проведенных в 1990-х годах, фиксируют несоответствие идеологического, партийного и персонифицированного уровней политической идентификации россиян. Например, избиратели, определяющие свои взгляды как либеральные, готовы поддерживать «виртуальные» партии власти и голосовать за явных носителей тоталитарных взглядов. Более того, спорным является и утверждение, что граждане будут голосовать за того кандидата, который в их сознании ближе к «идеальному образу». Конечно, избиратель готов голосовать в первую очередь за яркую личность. При этом оцениваются не реальные черты характера политика, а некое идеальное представление о нем или отношение к лидеру. Однако россияне предпочтут проголосовать скорее за того, кто покажется им наиболее эффективно действующим.

Создается парадоксальная ситуация! Люди с большей вероятностью поддержат не «умного и честного» политика, а того, кто сможет, по их мнению, реализовать свою программу. Сила политика в глазах россиян — это способность реализовать свою программу. Но программа действий политика может и не выражать интересов голосующих или не быть озвучена до выборов, как это случилось с вновь избранным Президентом (многим запомнилась фраза из телевизионного интервью В. Путина, когда, опасаясь критики, он отказался рассказывать о своих взглядах на экономическое развитие России).

Политическая идентификация проявляется как отождествление индивида с «обобщенным иным», как ненарочитая демонстрация в поведении символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе. Самоидентификация связана с социальной позицией индивида и его ролью в обществе, но определяется не только ими, но и особенностями его личности. Человек конструирует идеальную модель мира и своего положения в нем. Отношение к объектам политической реальности строится на оценке сходства социальной позиции. Большинство политологов считают, что политическая идентификация рациональна по своей природе. Она выступает средством объединения и дистанцирования по отношению к другим людям, политическим организациям, институтам власти, позволяет ориентироваться в реальных и воображаемых структурах общества. Эти процессы сопровождаются саморефлексией индивида по поводу своего социального и политического положения.

Проблема политической идентификации лидера включает два аспекта: мотивы поддержки политика избирателями и субъективное ощущение политиком близости к какому-либо социальному слою. Власть видимая и персонализированная легче идентифицируется и воспринимается.[47] Легче оцениваются те институты власти, в которых представлены яркие личности или деятельность которых в СМИ освещается ярко и персонифицировано. Здесь возникает еще один методически важный вопрос: а с кем (или чем), собственно говоря, идентифицируют себя люди? С реальными политическими объектами или с их идеальным образом, представлением о должном?

Существуют пять моделей идентификации избирателей с политическим лидером: а) ощущение избирателями близости своей политической позиции и лидера; б) готовность голосовать за него как за личность; в) ориентация на его статус; г) вера в эффективность его действий; д) неприятие конкурентов политика (негативная идентификация, голосование по принципу «меньшего зла»). Возможно сочетание данных мотивов. Соотношение элементов при этом неустойчиво и динамично. Считается, что многие избиратели выбирают кандидата автоматически вследствие своей установки на определенную партию, а вовсе не в результате осознанного решения. В российских условиях, когда многие политические объединения создавались «под выборы», голосуют, руководствуясь партийной идентификацией политического лидера, не более 15–18% избирателей. В основном ими являются стойкие сторонники КПРФ (около 12% электората), ЛДПР (2–3%) и «Яблока» (3–4%).

---

[47] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 364.

В России, по данным ВЦИОМ, общенациональному лидеру в первую очередь следует демонстрировать избирателям свой интеллект. Претендент должен быть умным (66% опрошенных),[48] честным и порядочным (63% опрошенных). Неплохо кандидату иметь опыт политика (48% опрошенных) и хозяйственного руководителя (37% опрошенных). Из личных качеств важны сильная воля (38% опрошенных) и лидерские способности (29% опрошенных). Одновременно политик должен уметь слушать других и идти на компромиссы (31%). Для каждого пятого избирателя значимыми являются культура и образованность претендентов на пост президента (20%). Менее важными признаются бескорыстность (19%), уравновешенность и спокойный нрав (17%). Да и подпасть под личное обаяние президента готовы на практике очень немногие (5%). Идейная убежденность была выделена 8% опрошенных,[49] т. е. устойчивые политические взгляды претендента на пост президента явно не доминировали при выборе. Таким образом, идеологическая идентификация с претендентом на пост президента оказывается для россиян незначимой.

Конечно, оценивая эти данные, следует отдавать себе отчет в различиях между вербальным и невербальным поведением респондентов. Сама методика, «сценография» массовых опросов зачастую воспроизводит ситуацию изучения исследователями отношения населения к их теоретическим конструкциям, а отнюдь не объективной картины. Кроме того, предложенными для выбора характеристиками (ум, напористость, образованность и т. д.) обладают почти все, кто появляется на политической арене. Избиратели голосуют за общенационального лидера опираясь на представления о сверхчеловеке или среднем человеке. Если ни один из претендентов на высший пост не обладает яркой личностью, уникальными выдающимися способностями, люди предпочтут выбрать «такого же, как они сами». В этом случае механизмы самоидентификации работают предельно открыто. Спонтанная идентификация избирателей с политическим лидером выполняет важную функцию ослабления чувства отчуждения от власти, дает ощущение стабильности и безопасности в сложной политической обстановке, способствует укреплению политических установок и стереотипов. Именно на эти механизмы делается ставка в политической рекламе. «Имидж … задает апробированные пути идентификации объекта. Объект в результате становится узнаваемым и неопасным. Мы начинаем легко прогнозировать его действия.

---

[48] Сумма ответов на вопрос о предпочтительных свойствах президента значительно превышает 100%, поскольку он был задан как вопрос-«кафетерий».

[49] *Опросы* есть? // Власть. № 6 (357). 15 февр. 2000. С. 8.

Назовем эту функцию имиджа идентификацией».[50] Анализ политической идентификации лидера помогает понять принципы «выстраивания» имиджа и политической программы, структуру мотивации его действий. Кредо удачливого политика (и необязательно популиста!) — мыслить и чувствовать так, как мыслят и чувствуют избиратели.

На наш взгляд, особенно важной проблемой при создании публичного образа политического лидера общенационального уровня является ситуация «отказа от идентичности», сформулированная П. Бергером и Т. Лукманом. В современном обществе идентичность личности открыта для любого внешнего воздействия. Участие в политической жизни требует от политического лидера рационального просчитывания последствий всех поступков, учета всех возможных ожиданий других людей, а отнюдь не включения всей личности с ее целостностью и полнотой проявлений в политическую жизнь. В результате у политика может возникнуть соблазн имитировать политическую идентичность с широкими социальными слоями. Политический успех обеспечен, но в итоге избиратели оказываются обманутыми в своих ожиданиях.

При анализе идентификации политического лидера необходимо учитывать объект (с кем или чем идентифицирует себя политик), способ (тип, средства) и степень (высокая или низкая). В качестве объекта политической идентификации лидера могут выступать политическая партия, идеология, социальная группа. Процесс идентификации политика включает несколько элементов: выбор идеологии, выбор социальной общности, на которую политик делает ставку во время предвыборной борьбы и интересы которой он собирается отстаивать.

Идентификация с определенными социальными группами для лидера является во многом неизбежным элементом избирательной кампании с ее атрибутами равенства, альтернативности и справедливости. При этом многие политики тяготеют к патерналистским образам («… и всем солдатам был отец»). Другой крайностью является прагматический подход (выбор стратегии «малых дел» или «шагов»). «Мелькание лиц» лидеров на общенациональной политической арене также не позволяет обеспечить устойчивую политическую идентификацию. Впрочем, идентификация избирателей, по крайней мере с двумя персонажами общенациональной политической сцены, происходит на рациональном уровне — с Г. Зюгановым и Г. Явлинским.

С кем идентифицируют себя сами кандидаты? Наиболее эффективной считается ролевая идентификация, когда политик, еще не получив искомую должность, ведет себя таким образом, как будто он уже занял

---

[50] *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии XX века. М., 1999. С. 47.

этот пост. Политик государственного уровня может идентифицировать себя с нацией, народом, страной, государством и т. д. и при этом не выглядеть популистом. Как отмечал Эразм Роттердамский, успешное господство основывается на некотором чувстве семейного родства между правителем и его народом. В зависимости от типа идентификации выстраиваются речь, текст выступлений политика. Анализ прессы (что и как пишут о политике) позволяет выяснить элементы имиджа политика, активно навязываемые избирателям.

Г. Зюганов (на президентских выборах 2000 г. получил около 30% голосов) олицетворяет собой способ «классового давления». Его продвижение во власть в меньшей степени связано с личной привлекательностью или даром публичного политика, чем с политическим весом представляемой им политической партии и численностью социальной группы, поддерживающей коммунистическое движение. Идентификационная модель этого политика опирается на силу КПРФ. Политический лидер в этом случае демонстрирует на выборах как бы и не свои собственные достоинства, а мощь, силу, значение стоящей за ним социальной группы.

В. Путин (получил более 52% голосов избирателей) олицетворяет «бюрократическое продвижение». При этом типе отбора элиты предпочтение отдается методичным работникам, «обладающим чутьем», что позволяет подобным людям вести себя в любой ситуации в соответствии с ожиданиями руководства, представителей элиты. Все действия регламентируются правилами и инструкциями, склонность к импровизации не поощряется. Идентификационная модель строится с опорой на объект – государство. За спиной подобного политика также стоит значительная сила, олицетворяющая не только и не столько могущество чиновников, управленцев, но и мощь всего исполнительного аппарата страны, отождествляемая избирателями с государством в целом. В. Путин имел колоссальное преимущество перед другими конкурентами на пост президента, поскольку изначально воспринимался как действующий президент. Юридические тонкости россиян не очень волновали. Для них важнее было то, что с 31 декабря 1999 г. до 26 марта 2000 г. их экономическое положение не ухудшилось. Более того, исполняющим обязанности Президента Российской Федерации было обещано повышение МРОТа. Как известно, у «инкамбента» (политика, находящегося у власти) изначально есть «запас прочности» — 34–36% голосов избирателей.

Г. Явлинский (получил около 6% голосов принявших участие в выборах) являет типичный пример «нерегулируемой конкуренции». Здесь важны, поскольку завоевывается общественное признание, ораторское

искусство, полнота интеллекта, выдержка, способность идентификации с «общим делом». Умный и ироничный, он идентифицируется в сознании избирателей с очень узкой социальной группой людей, обладающих прекрасным образованием и поддерживающих западные либеральные ценности, в основном проживающих в крупных промышленных центрах. Но подобные персонажи исчерпали кредит доверия (отнюдь не по своей вине!) еще в середине 1990-х годов, когда в нашей стране закончилась фаза либеральных политических реформ. Все попытки Г.Явлинского идентифицировать себя со всеми слоями российского общества (даже с военными и заключенными, судя по рекламным роликам) были заранее обречены на поражение.

На наш взгляд, значительным фактором, повлиявшим на результаты выборов 2000 г., была расстановка сил в «поле политики», когда в сегментах «классового давления» и «бюрократического продвижения» располагалось по одному «игроку», на сегмент же «нерегулируемой конкуренции» претендовали все остальные кандидаты (восемь человек помимо Г. Явлинского).

Не только в монархических государствах с их системой передачи по наследству власти, данной монарху «от Бога», но и в демократических государствах, в которых на протяжении многих лет безотказно действуют «партийные машины для выборов», вопрос о подлинной идентификации лидеров с нацией, с народом остается открытым. Что уж тут говорить о России, где за последние перестроечные и постперестроечные годы командно-административная система так и не была изжита, и при всей формальной демократичности законов о выборах бывший президент называет своего преемника! С кем же в действительности, с какой политической силой и идеологией, с народом или представителями исполнительной власти идентифицирует себя новый президент-преемник? Не воспроизводится ли под прикрытием демократических лозунгов о свободных демократических выборах старая установка времен монархии и тоталитаризма «государство — это я» (точнее, «я — это государство»)?

Политическая идентификация лидера с нацией, социальной группой, политической организацией, структурой власти, идеологией или страной в целом носит ролевой характер. Человек одновременно может идентифицировать себя с разными общностями. Важным является не только их набор, но и иерархия по признаку значимости. Г.Г.Дилигенский считает, что «идентифицируя себя с общностью, политик исповедует взгляды, ценности, убеждения, соответствующие этой идентификации… Можно сформулировать следующую гипотезу: структура мотивации лидера связана с тем, с чем (или кем) и каким образом он себя

идентифицирует».[51] Подобная позиция вызывает определенные сомнения. Достаточно вспомнить всем хорошо известный факт, что любой политик стремится изобразить себя «отцом всей нации» или рачительным и заботливым «хозяином города». Во всяком случае всегда остается неясным, насколько «причесанные» тексты интервью и заранее записанные выступления для телевидения отражают политическую идентификацию лидера. Какие методики можно здесь использовать, чтобы приблизиться к истине?

Модифицированный метод репертуарных решеток позволяет выявить наиболее значимые показатели, определившие выбор избирателей. По нашему мнению, этими факторами являются: основная мифологема, при помощи которой строится имидж кандидата, объекты идентификации, принцип дистанцирования от экс-президента, особенности конструирования фраз (степень представленности «Я»). Мы считаем, что идентификационные модели вновь избранного президента весьма наглядно демонстрируют базовые архетипы сознания российских избирателей. Речь идет прежде всего о патерналистских составляющих общественного сознания. Потребность в защите, в ощущении покровительства со стороны «Великого и Могущественного» чрезвычайно велика. Кроме того, наши сограждане никак не могут изжить в своем сознании (или в подсознании?) миф о «герое» и миф «тайны». Архетипы сознания, возвышающие человека с нестандартной судьбой, чрезвычайно живучи. В. Путин неплохо вписывается в эти мифологемы: поздний ребенок («подарок судьбы»), человек, умеющий собраться, бороться, не только постоять за себя, но и следующий высоким идеалам (работать во внешней разведке — не профессия, а судьба, призвание). Доверительный «интимный» рассказ о политике известных людей или личное повествование о себе в виде пространных интервью лучше всего обеспечивают «достоверность» облика кандидата. Вместе с тем в его спонтанных речевых оборотах проявляются черты самоидентификации с определенным социальным слоем. В.Путин, например, имеет двойную идентификацию: с интеллигенцией советского периода и с «государственным человеком», чиновником «из органов» (дисциплинированным и лояльным, но тоже – оттуда, из времен сильного советского государства). Вполне можно согласиться с утверждением, что народ для нового Президента России является нерасчлененной общностью, тождественной населению в целом. Вопреки всем заявлениям он отнюдь не идентифицирует себя с так называемыми «простыми людьми», о чем свидетельствует элементарный контент-анализ предвыборных выступлений.

---

[51] *Дилигенский Г. Г.* Указ. соч. С. 240.

Среди политологов бытует мнение, согласно которому попытка предложить избирателям некий «универсальный образ» ведет не к ожидаемому расширению электоральной базы, а к потере идентификации политика и его идеологемы, следовательно, падению рейтинга. Тем не менее позиция В. Путина «над схваткой» (о чем свидетельствует, в частности, отказ участвовать в теледебатах), позиция «третейского судьи» оказались очень удачными. Следует отметить, что при этом в глазах избирателей он ассоциировался отнюдь не с какими-либо социальными слоями, а с государственным аппаратом и такими его атрибутами, как порядок, стабильность, законность, справедливость, устойчивость.

Ныне уже недостаточно просто пообещать каждому избирателю то, что он жаждет услышать. Необходимо подарить социально не обеспеченным гражданам иллюзию защиты. Очевидно, что такую иллюзию может создать образ (фантом) мощного аппарата государства. Причем совершенно не имеет значения, в какой степени государство в действительности выражает интересы своих граждан.

Укоренившаяся традиция отождествлять с государством все население страны («державный тракт — народная тропа») позволяет производить логические подмены и объявлять интересы государства (т. е. только аппарата управления) приоритетными по отношению к интересам отдельного гражданина или даже достаточно крупных социальных групп. При этом сами граждане охотно поддерживают подобных политиков. Разгадка данного парадокса, очевидно, коренится в осознании людьми необходимости объединяющего лозунга как основы существования страны. Утверждение силы государства декларируется как приоритетная цель в выступлениях почти всех политиков федерального уровня.

В России политические лидеры (даже «западники», исповедующие ценности свободы, частной собственности и предпринимательства) менее всего воспринимают население нашей страны как совокупность свободных граждан, независимых и самоценных личностей. Время лидеров-популистов в России прошло. В данный момент наиболее востребованным является политик-государственник и авторитарная личность. Не случайно среди аналитиков и журналистов, формирующих общественное мнение, в последнее время наиболее часты рассуждения о том, что политический авторитаризм и экономический плюрализм могут не только сочетаться, но и дополнять друг друга. В этом отношении два фаворита последней президентской гонки (Г. Зюганов и В. Путин) как бы «братья-близнецы».

Представляется важным и вопрос о степени идентификации претендентов на роль Президента Российской Федерации с досрочно ушедшим

в отставку Б. Ельциным. Традицией России в XX столетии было не только забвение дел и личности предшественника, возглавлявшего страну, но и крайне негативное к нему отношение. Вполне очевидно, что большинство претендентов на пост Президента России следуют этой норме. Более того, дистанцирование от предшественника является обязательным элементом предвыборной игры. Г. Зюганов дистанцировался от Б. Ельцина, апеллируя к идеологическим разногласиям («антинародная политика», «преступные действия»). Г. Явлинский ссылался на неэффективность политики, на незавершенность реформ. Особая ситуация была у В. Путина. С одной стороны, как персона, выведенная на политическую арену Кремлем, т. е. административным аппаратом Бориса Николаевича, он не мог не воспользоваться этим козырем (пресловутый «административный ресурс»). С другой стороны, публичное обещание продолжить реформы Ельцина последних 6–8 лет неизбежно заставило бы часть электората голосовать по протестной модели, т. е. за лидера КПРФ. Очевидно, отсутствие программных заявлений по экономическим вопросам отчасти было связано и с этим фактом. В. Путин (или его имиджмейкеры?) предпочел символическое дистанцирование, демонстрируя прекрасные физические данные, склонность к риску («празднование» Нового года в Чечне, владение горными лыжами, перелеты на военном вертолете, «пилотирование» истребителя).

В. Путин символизирует смешанный тип аскета, рационалиста («маленький, точный и аккуратный») и авторитарной личности. В его имидже сочетаются воздержанность, строгость, скрытность, просчитывание шагов и демонстрирование «твердой руки». Подобный имидж рассчитан на подготовку страны к жестким решениям (которые не соответствуют либеральным реформам) ради политической и экономической целесообразности укрепления государства. В. Путиным служба государству воспринимается в первую очередь не как гражданский, а как профессиональный долг. Он не скрывает, что является скорее чиновником, чем публичным политиком. Для него значима власть исполнительная, распорядительная.

Попытки некоторых СМИ представить ныне действующего Президента Российской Федерации в качестве харизматической личности (а для этого приводят высказывания «обычных» людей о необычайной привлекательности, силе и импозантности В. Путина) создают впечатление политического заказа. Безусловно, в конце 1990-х годов «духовный, харизматический лидер, который должен защищать и направлять народ и с которым происходит отождествление, идентификация»[52] от-

[52] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 263.

сутствовал. С деятельностью именно президента, а не правительства общественное мнение связывает определенные успехи, например повышение размера пенсий (а это один из важнейших вопросов). Но реакция первого лица государства на гибель подводной лодки «Курск» в первые дни трагедии, проблемы окраинных территорий России, другие события, вызвавшие огромный общественный резонанс, могут спровоцировать ситуацию дальнейшего отчуждения народа от власти. Распространенные среди наших сограждан патерналистские настроения ведут к тому, что потребность в безопасности и заботе (даже символической!) со стороны властей оказывается подчас не менее важной, чем поддержание хотя бы минимального материального благосостояния.

Следует отметить, что идентифицированные по партийному признаку кандидаты на пост президента ориентировались на левый (Г. Зюганов) и правый (Г. Явлинский) спектр политического поля. В. Путин, не имевший такой жесткой идеологической «привязки», смог получить голоса и правоцентристского, и левоцентристского электората.

При использовании для анализа биографии В. Путина классификации политических субъектов как продуктов социализации М. Дугласа,[53] можно утверждать, что нынешний президент обладает высокой степенью регламентированности поведения и средним уровнем сопричастности политической системе. Следовательно, тип его политической социализации можно обозначить как смешанный вариант «идеолог–прагматик». Такой образ предполагает использование «высокого» стиля политических заявлений при достаточно прагматичной мотивации действий. В высказываниях В. Путина во время всей предвыборной кампании не озвучивались ни четкая политическая позиция, ни экономическая программа, но при этом присутствовала структурообразующая идея — сила государства, как нельзя актуальная в условиях угрозы его распада.

Отметим также многогранность имиджа этого политика, способствовавшую расширению электората. В. Путин воспринимался как юрист, успешный управленец. Для людей, страдающих ностальгией по доперестроечным и более ранним временам, и особенно для бывших работников ВПК, он — военный, разведчик и т.д. Но все это — элементы социальных ролей, за которыми, как за кулисами, спрятаны личность, привычки, характер, темперамент. В образе В. Путина эксплуатировались две черты характера: самодостаточность («не заигрывает с избирателями») и сила характера («в боксе побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто идет до конца»).

---

[53] *Амелин В.* Социология политики. М., 1992. С. 68–70.

В степени открытости характера В. Путин и Г. Зюганов также противоположны Г. Явлинскому. Только последний из тройки лидеров строил предвыборную кампанию, предлагая голосовать прежде всего за личность. Об этом, в частности, свидетельствует слоган Г. Явлинского: «Воля, разум, результат». Вся рекламная кампания «Господина Нет» строилась на преодолении этого негативного образа и демонстрации сильной, яркой, деятельной личности. Впрочем, «потрясающий кулаком» Г. Явлинский скорее вызывал у телезрителей недоумение. Одновременно эксплуатировался образ и тонкого понимающего интеллигентного человека, способного прощать ошибки.

Весьма различается и построение фраз В. Путина и Г. Явлинского. В своих высказываниях «главный яблочник» использует личностные конструкты, которые описывают чувства, реальные прежде всего для него самого («мне кажется»), и тем самым дистанцируется от слушателей. В. Путин, наоборот, прибегает к обобщающим и долженствовательным предложениям («всем следует», «так будет», «все уверены», «должны сделать»). Они более эффективно действуют на публику, поскольку воспринимаются как некое проявление высшей воли, элемент судьбы, предопределенного свыше решения или мнение большинства. Одновременно реализуется и так называемое психологическое присоединение.

Итоги президентских выборов 2000 г., на наш взгляд, обозначили кристаллизацию в российском обществе четырех основных типов политических субкультур: коммунистической (сторонники Г. Зюганова), либеральной (сторонники Г. Явлинского), конформистской и антикоммунистической «державной» (сторонники В. Путина). Идентификационные модели основных претендентов на пост Президента России точно соответствовали ожиданиям именно этих четырех групп.

Политические психологи акцентируют внимание на трех аспектах самоидентификации политических лидеров: на образе «Я», на самооценке и на социальной ориентации политического лидера.[54] Если «перевести» эти понятия политической психологии в более привычные для политолога термины, то речь идет: а) о вербальном и визуальном имидже политика, б) об идеологической самоидентификации лидера, в) о самоидентификации с определенными социальными группами, на которые он «делает ставку» как во время своей предвыборной кампании, так и при реализации каких-либо политических проектов. Например, принятие государственной символики (герба, флага и гимна) в конце 2000 г. явно носило характер «сделки» с несколькими социальными группами.

---

[54] *Шестопал Е. Б.* Указ. соч. С. 218.

Гимн на музыку Александрова явно устраивал старшую возрастную когорту (и одновременно самых активных избирателей). Двуглавый орел радовал монархистов и тех представителей интеллигенции, которые свято верят в то, что семидесятилетняя история России в XX в. начиная с 1917 г. — исторический тупик. Красный стяг в качестве символа вооруженных сил нашей страны был призван умиротворить патриотов, для которых сила и могущество нашей страны связаны прежде всего с победой в Великой Отечественной войне («Под этим знаменем мы сломали хребет фашизму»).

На наш взгляд, чрезвычайно важен тот факт, что в нашей стране многие политики, претендующие на места в законодательных структурах власти, т. е. по определению не склонные действовать как одиночки, не имеют устойчивой политической идентичности. Это обнаруживается как на общероссийском уровне, так и на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Например, среди депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга, избранных в 1998 г., только представители СПС и «Яблока» сформировали фракции по партийному принципу. Часть депутатов в Санкт-Петербурге склонна оценивать свои взгляды как прагматические, большинство признает более значимой позицию исполнительной власти в городе.

Многие известные политики, избиравшиеся в Государственную Думу, по данным Е. Б. Шестопал, не могут четко артикулировать свои политические взгляды и соотносить их с определенной идеологией или политической ориентацией. Представители ЛДПР называли себя либералами, демократами, консерваторами, «аграрии» — либералами, демократами (но голосовали они в Государственной Думе практически всегда так, как и представители фракции КПРФ).

Еще один аспект неполной идентичности депутатов — неспособность иметь собственные представления вне очень узкого круга вопросов. «Неясность целей, помноженная на неустойчивость политической ситуации, приводит к неадекватности в восприятии своей политической роли, а значит, и к ее неадекватному исполнению».[55] Например, некоторые депутаты проявляют себя как либералы только в вопросах экономики (рыночных отношений и монетарной политики), но иные аспекты политики для них будто и не существуют. Это связано как с партийной идентичностью депутатов, отсутствием внутренней потребности в систематизации собственных взглядов, так и тем обстоятельством, что партийные программы различным партиям готовили одни и те же политтехнологи.

---

[55] Там же. С. 320.

5.3. Политическая идентификация жителей Санкт-Петербурга

В научной литературе[56] достаточно подробно обсуждаются модели, с помощью которых исследователи пытаются объяснять и прогнозировать электоральное поведение российских избирателей. Задача, которую мы ставим в данном параграфе, включает анализ состояния политической идентификации жителей Санкт-Петербурга за последние четыре года («второй электоральный цикл») и характеристику ее особенностей.

Не только политическую, но и партийную идентификацию в отечественной литературе исследователи чаще всего трактуют очень узко — как устойчивую установку в отношении к определенной политической партии, что непосредственно влияет на электоральное поведение индивида. Таким образом, партийная идентификация определяется как психологическая приверженность определенной партийной организации, являющаяся основным мотивом голосования за нее.[57] Наиболее жесткой критике сама идея использования концепции партийной идентификации применительно к анализу электорального поведения избирателей в российских условиях подвергается со стороны двух петербургских политологов – В. Гельмана и Г. Голосова. Абсолютно единодушно каждый из них ставит крест на этой теории «из-за отсутствия длительного существования электоральных традиций», по крайней мере в течение «нескольких десятилетий».[58] В. Гельман вообще отождествляет категории «партийная идентификация» и «политическая идентификация».[59] Подобной точки зрения придерживается также московский исследователь М.Назаров.[60] Г.Голосов допускает существование в посткоммунистическом пространстве не собственно «партийной идентификации», но ус-

---

[56] *Аксенов К.Э.* Протестная мотивация избирателей: два периода электоральной истории Санкт-Петербурга // Социологический журнал. 1998. №1–2; *Гилязитдинов Дж.* Мотивы голосования на президентских выборах 1996 года // Социс. 1997. №8; *Комаровский В. С.* Политический выбор избирателя // Социс. 1992. №3; *Политическая* наука: Новые направления. М., 1999; *Россия* и выборы, лето 1999 г.: Электоральные установки избирателей страны на выборы депутатов Государственной Думы и Президента Российской Федерации. Итоги социологических опросов. М., 1999; *Русские* выборы. М., 1999; *Сегела Ж.*. Национальные особенности охоты за голосами: Восемь уроков для кандидата-победителя. М., 1999.

[57] *Голосов Г.* Поведение избирателей в России // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000. С. 89–90.

[58] *Гельман В.* Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Выборы и партии в регионах России. М.; СПб., 2000. С. 20; *Голосов Г.* Указ. соч. С. 89.

[59] *Гельман В.* Указ. соч. С. 20.

[60] *Назаров М. М.* Политическая культура Российского общества 1991–1995 гг.: опыт социологического исследования. М., 1998. С. 28.

тойчивого голосования за «правящих демократов» и «оппозиционных коммунистов». Представляется справедливым утверждение, что «глубинной основой самоидентификации россиян с определенными идейно-политическими течениями выступают не столько их политические взгляды, сколько особенности их мировоззренческих и ценностных ориентаций».[61]

На наш взгляд, более адекватным является подход, согласно которому политическая идентификация определяется как вид политических установок, она влияет на оценки различных политических объектов и опосредованно – на поведение индивида. Выделяя идеологический, партийный, персонифицированный уровни политической идентификации, мы должны признать, что ее объектами могут являться не только идеологии, организации, лидеры, но и политические проблемы.

Важной предпосылкой влияния политической идентификации на электоральное поведение является непротиворечивость (соответствие) ее уровней. Насколько предвзято исследователи подходят к анализу партийной идентификации, видно из кочующего из публикации в публикацию тезиса о том, что подлинный характер политической партийной идентификации можно обнаружить и оценить только в ходе выборов. Но столь пессимистическое представление никоим образом не должно заставлять нас отказаться от попытки выяснить, как политическая идентификация, в том числе партийная, влияет на электоральный выбор.

Партийная идентификация как феномен общественной жизни выполняет, по крайней мере, две весьма важные функции. Во-первых, она способствует рекрутированию сторонников партий. Во-вторых, наличие партийной идентификации в системе сознания избирателей косвенным образом предполагает легитимизацию существующего политического режима, существующей системы власти. Следует признать, что уровень стабильности (устойчивости) политической идентификации оказывает влияние на электоральный выбор.

Очевидно, что в случае взаимодополнения партийной и идеологической идентификации избиратель автоматически перейдет в категорию устойчивого («сильного») сторонника той или иной партии. В этом случае вероятность голосования именно за эту организацию или ее представителей резко возрастает. В целом же партийная идентификация «экономит» время и усилия индивидов, испытывающих дефицит политической информации, при решении вопроса о голосовании.

«Электоральный ландшафт» Санкт-Петербурга 1998–2001 гг. за-

---

[61] *Осенний* кризис 1998 года. М., 1998. С. 61.

служивает особого внимания. Даже по формальному признаку этот отрезок времени представляет особый интерес для исследователя, поскольку мы можем говорить о законченном электоральном цикле (в этот период прошли выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга (декабрь 1998 г.), выборы губернатора города (май 2000 г.), выборы и довыборы депутатов в Государственную Думу (декабрь 1999 г., лето 2000 г.), выборы Президента Российской Федерации (март 2000 г.), многочисленные выборы в органы местного самоуправления (начиная с весны 2000 г.)). Внимания заслуживают как характер поведения избирателей-петербуржцев, так и условия, в которых проходили эти выборы.

Публичное вмешательство исполнительной ветви власти в ход избирательной кампании (от пресловутого «губернаторского списка», опубликованного перед вторым туром выборов в Законодательное Собрание в 1998 г., до сакраментальных высказываний («Как частное лицо я поддерживаю…») известных официальных лиц (эти заявления были растиражированы многократно по телевидению), использование многочисленных манипулятивных приемов, попытка влияния губернатора В. Яковлева на ход думских выборов в качестве лидера ОВР — все это обсуждалось в печати многократно.

Образ Санкт-Петербурга как «главного яблочного города России» второй половины 1990-х годов померк (статистика голосования за «Яблоко» на выборах разного уровня демонстрирует медленное снижение уровня поддержки этого объединения). Инициатива не была перехвачена «левыми» партиями, хотя в целом можно согласиться с мнением одного из лидеров СПС И. Хакамады о том, что питерский электорат в целом «левеет». Получается совсем по А. Аверченко: «Лежу на диване и чувствую — левею». Но при этом наш питерский избиратель с дивана не встает, на манифестации не ходит и за КПРФ голосует не более активно, чем раньше. Часть электората левых и правых партий перехватила созданная в экстренном порядке новая «партии власти» «Единство» (ныне – «Единая Россия»).

Все эти закулисные манипуляции отразились на петербургском электорате и проявились в том, что за кандидата «против всех» в 2000 г. проголосовало на выборах в органы местного самоуправления и довыборах в Государственную думу достаточно много избирателей. Играет ли в этих условиях политическая идентификация какую-либо роль в формировании электоральной стратегии избирателей? Имеет ли она некоторое влияние на такие элементы политического поведения, как уровень электоральной активности, время принятия решения о голосовании вообще и выбор конкретного кандидата, характер голосования за определенную партию или лидера? Чтобы не делать голословных за-

ключений, обратимся к данным некоторых исследований, проведенных Центром эмпирических политических исследований философского факультета СПбГУ в 1998–2001 гг.[62]

Среди петербуржцев в августе 1998 г. (телефонный опрос, 1710 респондентов) оценивали свои политические убеждения как коммунистические 15,5%, центристские (социал-демократические) – 8,7%, демократические (либеральные) – 35,2%, монархические – 1,4%, национал-патриотические – 2,9%, анархические – 1% опрошенных. Затруднялись с определением своей политической идентичности до 35,3% петербуржцев, в том числе 16,3% из них в принципе оказались не способными идентифицировать собственные политические взгляды. В результате электоральное поведение данной категории людей строилось исключительно на основе прагматических соображений или весьма далеких от рационального выбора (например: «В этой партии приличные люди», «Он мне нравится», «Испытываю доверие»).

Для людей с коммунистической идентичностью значим не весь комплекс марксистских идей, касающихся «светлого будущего», а лишь та его часть, которая направлена на жесткое регулирование частного сектора (а отнюдь не его искоренение), патерналистские установки в системе отношений «индивид – государство», приоритет общественных интересов. Для либералов значимы личные возможности в экономике, индивидуальная свобода. «Государственники» ратуют за приоритет интересов России в реализации внешней и внутренней политики страны. Ценности остальных респондентов представляют собой «набор» отдельных коммунистических или либеральных идей.

Во второй половине 1990-х годов доминирующим фактором, определяющим политическую идентификацию жителей Санкт-Петербурга, является возраст. Принадлежность к определенной возрастной когорте — своеобразный маркер политических предпочтений. Особенно явно это обнаруживается при анализе социальных групп, отождествляющих себя с партиями не центристскими, а располагающимися в левой или правой области идеологического спектра. Люди в возрасте 29–44 лет в основном идентифицируют себя с демократическими партиями или объединениями, провозглашающими национал-государственнические лозунги.

Мужчины в меньшей степени, чем женщины, склонны колебаться при выборе наиболее близкой им партии. Соотношение «партийно не-

---

[62] Руководитель проектов — д-р филос. наук проф. Г. П. Артемов. Аналитическая группа — канд. социол. наук доцент О. В. Попова, канд. социол. наук ст. преподаватель Д. А. Авдиенко, канд. полит. наук ассистент А. В. Чазов.

определившихся» мужчин и женщин составляет 1:2. Наибольшие проблемы с партийной идентификацией испытывают люди с неполным средним образованием. Чем выше образование, тем менее петербуржцы затрудняются в определении своей партийной идентификации.

В 1998 г. КПРФ занимала второе место в рейтинге поддержки, но также стояла на первом месте среди партий, которым избиратели не собирались отдавать свой голос ни при каких обстоятельствах. 27,8% петербуржцев заявляли, что никогда не поддержат кандидатов от КПРФ. Второе место по показателю негативной партийной идентификации занимала ЛДПР. Не собирались никогда поддерживать ее представителей на выборах любого уровня около 20% респондентов. По отношению к другим политическим объединениям жесткого неприятия в 1998 г. выявлено не было. К концу 1999 г. наметились тенденции к снижению поддержки «Яблока», хотя негативные установки по отношению к этому объединению имели не более 2,1% петербуржцев.

Опросы 1998–1999 гг. свидетельствовали о слабой политической идентификации студентов Санкт-Петербурга. Менее 10% из них свободно определяли свои политические убеждения. С одной стороны, это объясняется тем, что в возрасте 18–23 лет наиболее значимой в жизненной стратегии является межличностная коммуникация. С другой стороны, поскольку в обществе в последнее десятилетие XX в. отсутствовала жесткая пропаганда необходимости выбора идеологии, подобная индифферентность не вызывает удивления. Большинство студентов имеет весьма смутные представления о том, что входит «в идеологический набор» вместе с лозунгами свободы, порядка, величия родной страны и т. д. Молодежь в возрасте до 25 лет в своем большинстве либо не имела партийных предпочтений, либо ориентировалась на движения с националистической окраской.

Ситуация не изменилась в сущности и в 2000–2001 гг. Молодые люди в возрасте 18–34 лет имеют крайне низкий уровень идеологической и партийной идентификации. Они не идентифицируют себя с коммунистами, но не являются и потенциальной группой поддержки кандидатов-центристов. Эта группа среди активного электората численно незначительна, в выборах участвует крайне редко, восторженным эмоциям по поводу «замечательного человека, который решит все наши проблемы», не поддается, оценивает мотивы деятельности политиков с изрядной долей цинизма, но положительно реагирует на национально-патриотическую символику.

Достаточно четко еще в 1998 г. обозначилась политическая (идеологическая) идентификация мужчин в возрасте старше 50 лет со средним специальным образованием. Эта категория людей ориентируется пре-

имущественно на коммунистическую идеологию. Данная социальная группа городского населения демонстрирует редкий пример соответствия идеологического, партийного и персонифицированного уровней политической идентификации. Они поддерживают коммунистическую идеологию («с человеческим лицом»), КПРФ и регулярно голосуют за Г.Зюганова. Данная категория в Санкт-Петербурге составляет чуть менее 10% активного электората.

Весьма своеобразной политической идентификацией обладают «государственные люди», чиновники. По сути своей они являются осторожными прагматиками, не склонными ретранслировать собственные политические убеждения. Тем не менее именно эта профессиональная группа вместе с «силовиками» (сотрудниками МВД, прокуратуры) склонна ориентироваться на «партию власти». Идеологическая идентификация у них фактически не прослеживается, но четко воспроизводятся лозунги поддержки сильного государства, порядка в стране и т. д.

К этой категории по типу политической идентификации, как показали опросы 1998–1999 гг., примыкают еще две социальные группы: наемные работницы в сфере услуг (торговля) среднего возраста и женщины в возрасте от 50 до 60 лет со средним специальным и высшим образованием.

В 1998 г. демократическая идеологическая идентификация в большей степени была характерна для людей среднего возраста с высшим образованием, преимущественно женщин, работающих как в государственном, так и в частном секторе. Проблема заключается в том, что при четком обозначении своих политических взглядов эти люди поддерживают разные партии, либо утверждают, что ни одна из существующих партий правого спектра не является выразителем их политических взглядов. Как следствие, эта социальная группа на выборах не голосует за политические партии демократической ориентации либо совсем отказывается от участия в выборах.

Представители частного бизнеса и наемные работники (мужчины) в 1998 г. были склонны идентифицировать себя в рамках негативной модели. Они при ответах на вопрос о политических предпочтениях даже фразы конструировали соответствующим образом: «Я — кто угодно, только не…», «Буду голосовать только не за …». В 1998–1999 гг. рабочие также были готовы голосовать по протестной модели (против всех или за одиозные фигуры). Чьи-либо преимущества (любые: материальные, статусные, образовательные и т. д.) воспринимались ими как лишения, как чье-либо благо, украденное у них лично, достигнутое за счет их собственных потерь. Им были близки лозунги «Разрушение всего нового!» и «Возврат к порядку!».

В 1998 г. достаточно ярко проявился персонифицированный уровень политической идентификации. Известно, что избиратель готов голосовать в первую очередь за яркую личность. При этом граждане оценивают не реальные черты характера политика, а некое идеальное представление о нем или свое отношение к лидеру. Например, люди могут голосовать за политика, если он кажется им компетентным, надежным, вызывающим доверие («Люди ему доверяют», «Мне кажется, что он надежный человек во всем»).

По мнению избирателей-петербуржцев, в 1998 г. наиболее значимыми являлись нравственные характеристики политического лидера (порядочность, честность), а также такие личностные характеристики, как целеустремленность, добросовестность. Управленческие качества (наличие опыта работы, профессионализм) занимали третью позицию. На четвертом месте стоял социальный статус кандидата. Как правило, здесь «работали» механизмы социальной идентификации (земляк, закончил такой же вуз, имеет такую же специальность). Люди хотят видеть избранным «своего». Важным для избирателей являлось отношение политика к населению («чтобы делал все для народа», «защитник народа»). Последнее по значимости место занимала политическая идентификация.

Например, по данным на конец 1998 г., осознавали влияние партийной принадлежности политика на готовность голосовать за него как очень сильное только 19,7% петербуржцев. Затруднялись дать определенный ответ 15,8%. 34,8 и 10,6% опрошенных были убеждены, что на их выбор это «не повлияет совсем» или «скорее не повлияет». Еще 19,1% признавались, что партийная принадлежность политика отчасти повлияет на их голосование. При этом важным было не то, совпадала ли партийная идентификация политика и избирателя. «Отчасти» могли повлиять лишь противоположные партийные пристрастия избирателя и избираемого.

Считается, что у многих избирателей само участие в выборах и голосование за кандидата могут автоматически вытекать из постоянной установки на избранную партию и вовсе не быть результатом осознанного принятия решений. В российских условиях нестабильной партийной системы, когда многие политические объединения создавались «под выборы», голосовать, руководствуясь только партийной идентификацией политического лидера, могли не более 15–18% избирателей.

Доверчивость нашего петербургского электората или, наоборот, его прагматизм порождают весьма интересную реакцию на информацию, компрометирующую партийных лидеров или отдельных кандидатов. По нашим замерам, до 50% активного электората готовы поверить такой информации, если она появляется в виде «официальных» отчетов, исхо-

дит из официальных или других солидных источников и при условии, если появляется непосредственно перед выборами. Конечно, в этом случае срабатывают ситуативные реакции. А когда мы говорим о политической идентификации, речь идет о более стабильных показателях предпочтений.

В условиях дефицита (неполной) информации о кандидате или решении, принимаемом властными структурами, существенное влияние на политическое (как электоральное, так и протестное) поведение людей оказывает идентификация со своей или референтной социальной группой, политическим институтом или движением, наиболее полно, по мнению индивида, выражающими его интересы, с той или иной политической субкультурой.

На рубеже 1998–1999 гг. произошло очень важное событие, которое оказалось незаметным для большинства аналитиков: рост числа сторонников либеральных взглядов и демократических партий достиг пиковой отметки и прекратился, уменьшение их числа было предопределено. Причем это не было связано с состоянием экономики и августовским кризисом 1998 г. Сравнивая состояние партийной идентификации по России в целом с данными по Петербургу, мы обнаружили, что в августе 1998 г. партийная идентификация с «Яблоком» в стране составляла 19,9%, в Петербурге — 22,3%. Вопреки распространенным представлениям о низкой популярности «Демократического выбора России» в стране (1,8%), по Петербургу этот показатель был выше — 6,5%. Безусловно, не последнюю роль в лояльном отношении к ДВР сыграли не только либеральные настроения петербуржцев, но и трагическая гибель Г. В. Старовойтовой в нашем городе. С КПРФ идентифицировали себя: по стране — 21,3%, по Петербургу — только 9,1%. Для исследователей важным показателем является численность людей, которые не могут себя идентифицировать с партиями. Если в целом по стране в 1998 г. их численность составляла 12,5%, то по Санкт-Петербургу она была значительно выше — 45,7% опрошенных. Для сравнения, по данным Евробарометра, в странах Западной Европы таких людей насчитывается 20%.

Кто те люди, которые не могут или отказываются при проведении опросов идентифицировать себя с той или иной партией? На самом деле сюда попадают три группы избирателей. Первая группа — это люди, которые действуют согласно феномену «спирали молчания». Вторая — люди, которые действительно не в состоянии оценить свою партийную идентификацию в силу отсутствия неких политических «меток» в собственном сознании. И, наконец, третья группа — люди, которые сознательно демонстрируют неприятие существующей партийной системы.

Возникает и другой вопрос: в чем вообще причина низкой партийной идентификации? Две причины очевидны. Первая – огромное количество партий. Обыватель, для которого проблемы политики не являются жизненно важными и актуальными, просто-напросто не в состоянии соотнести себя с позицией какой-либо партии. Вторая достаточно серьезная причина носит субъективный характер и связана с опытом неэффективной деятельности политических партий. Наш рядовой избиратель привык скептически относиться к возможностям партий влиять на формирование политики в стране. Также следует зафиксировать сохранявшееся в 1998 г. несовпадение партийной и идеологической идентификаций. Известен факт, что в России только третья часть людей, разделяющих коммунистическую идеологию, идентифицирует себя с коммунистической партией. Тут действует эффект замещения, о котором мы уже упоминали. Люди, которые ориентируются на ту или иную партию, в большей степени ориентируются не на идеологию, не на программу этой партии, а на политического лидера, который возглавляет или представляет эту партию.

К декабрю 1998 г. (непосредственно перед выборами в ЗакС) в Санкт-Петербурге в структуре активного электората сторонники «Яблока» составляли почти 22%, КПРФ – 9,85%, «Демократического Выбора России» – 7,45%, отказывались поддерживать какую-либо из партий 6,5%, сторонники «Блока Болдырева» среди активного электората составили 9,4%. На рубеже 1998–1999 гг., на наш взгляд, в принципе любая из партий при правильно построенной программе действий могла, что называется, «раскрутить себя» и получить достаточное количество сторонников в течение двух месяцев на региональном уровне и в течение шести-семи месяцев на общероссийском уровне при условии направления эмиссаров во все крупные промышленные центры (что и произошло с СПС, активно заявившей о своем существовании летом 1999 г. многочисленными публичными акциями с привлечением молодежи; слоган «Правое дело» был действительно удачной находкой).

Косвенным образом об этом же свидетельствовал и рост популярности «Блока Болдырева» в конце 1998 г. Изначально этот блок создавался именно «под выборы» и не имел своей целью превращение в региональное политическое движение. В октябре 1998 г., когда только стало известно об участии «Блока Болдырева» в выборах в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, количество его сторонников составило 2% (показатель на уровне «шума»). И никаких статистических зависимостей между социально-статусными характеристиками людей, намеревавшихся этот блок поддерживать, в тот момент не существовало. Непосредственно перед выборами количество устойчивых сторонников

Ю. Болдырева по Петербургу составило 9,8%. При этом были выявлены достаточно интересные статистические зависимости, характеризующие электорат «Блока Болдырева». Устойчивое позитивное отношение к этому блоку продемонстрировали люди с высшим образованием, что можно было предполагать, а также инженерно-технические работники и пенсионеры в возрасте старше 65 лет. Предрасположенность голосовать за этот блок демонстрировали также мужчины от 25 до 45 лет, а среди женщин — дамы исключительно предпенсионного возраста.

Для сторонников данного блока чрезвычайно значимой была проблема правовой защищенности граждан. Среди сторонников других партий и движений этот показатель не был столь явным. Нужно признать, что перспективы «Блока Болдырева» были связаны исключительно с яркостью личности политика, с представлениями о его незапятнанной репутации честного человека. Не случайно при проведении опроса самой типичной характеристикой Ю. Болдырева была «парень с честными глазами». Причем рейтинг самого Ю. Болдырева среди избирателей оказывался значительно выше, чем рейтинг его блока.

Ситуация с «Яблоком» в конце 1998 г. прорисовывалась с точностью «до наоборот». Собственный рейтинг Г. Явлинского среди петербургских избирателей всегда оказывался несколько ниже, чем рейтинг возглавляемой им организации. К июню 1999 г. количество сторонников демократических партий по различным замерам составляло от 37 до 42%. Количество неопределившихся, среди которых многие были аполитичны, колебалось в диапазоне от 20 до 25%. В любом случае – в состоянии кризиса или в посткризисном состоянии экономики – сторонники левых партий также могли гарантированно получить примерно четверть голосов всех избирателей. В итоге на центристские партии летом 1999 г. (за полгода до выборов в Государственную Думу) их сторонников оставалось примерно 10–12%. «Пирог» был поделен.

Вместе с тем хорошо известно, как в действительности проголосовали избиратели в декабре 1999 г. Роста числа сторонников либеральных партий произойти не могло, и в результате «медведи» играли именно на «площадке» демократически настроенных избирателей, отнимая у них голоса. Другого развития событий просто не могло быть, поскольку сторонники «левых» партий пока имели более жесткую партийную идентичность и высокую электоральную активность, чем носители либеральных ценностей.

И та ситуация, когда с катастрофической быстротой начали плодиться партии, которые по идеологическим позициям, по политическим лозунгам воспроизводили программы уже существующих демократических партий, привела к двум последствиям. Первое следствие — потеря

электората «Яблоком», фактическая «политическая смерть» ДВР, сторонники которых с большим или меньшим успехом плавно «перетекли» из этих партий в другие. Второе следствие — дробление демократического движения, при котором сторонники демократических свобод отошли в категорию аполитичных людей или даже стали голосовать за «партию власти».

Как было обнаружено в ходе опросов ЦЭПИ, некоторые из сторонников демократических партий, голосовавших в 1996 г. на президентских и губернаторских выборах, уже в 1998 г. заявили, что более не намерены участвовать в выборах, разочаровались в демократическом движении как таковом. Их число было достаточно большим – 6,3% общего числа респондентов. Таким образом, тенденция к свертыванию поддержки демократических движений, в частности «Яблока», стала проявляться уже весной 1999 г. В марте 1999 г.[63] оценивали свои взгляды как коммунистические 11,5%, социал-демократические — 24,0%, либеральные — 18,9%, националистические — 3,8%, анархистские — 1,6%, монархические — 1,7%. Больше 38% не смогли определить характер своих политических убеждений.

В ноябре 2000 г.[64] 11,9% считали свои взгляды коммунистическими, 15,8% — социал-демократическими, 13,9% — либеральными, 3,5% — консервативными, 2,0% — националистическими, 4,6% отнесли их к категории «другие», 22,4% затруднились определить свои взгляды и 25,7% заявили, что они не имеют политических убеждений. Хотя использованные в этих двух опросах шкалы, позволяющие определить характер идеологической идентификации, не совпадали полностью, следует отметить снижение числа респондентов, оценивающих свои взгляды как социал-демократические и либеральные. Также несколько увеличилась доля людей, не способных идентифицировать свои политические взгляды. В табл. 10 приведены данные распределения идеологических ориентаций среди представителей различных социально-статусных групп. Данные настолько очевидны, что не нуждаются в дополнительной интерпретации. В опросе (ноябрь 2000 г.) задавался стандартный вопрос о степени близости респондентам политических взглядов некоторых лидеров парламентских политических партий и представителей исполнительной ветви власти (табл.11). Как оказалось, представители исполнительной ветви власти федерального и городского уровня имеют весьма выгодные позиции, особенно по сравнению с партийными лидерами.

---

[63] ЦЭПИ, телефонный опрос 1129 петербуржцев.
[64] ЦЭПИ, телефонный опрос 2361 респондента.

Таблица 10

Самооценка представителями социальных групп своих политических взглядов (ноябрь 2000 г., в %)

Признаки	Коммунистическе	Социал-демократические	Либеральные	Консервативные	Националистические	Другие	Затруднились отве-тить	Нет политических убеждений	Всего
Пол:									
женский	10,8	16,1	12,0	3,1	1,0	2,2	24,5	28,7	100
мужской	13,8	15,2	16,6	4,2	3,6	2,4	19,2	21,1	100
Статусная самооценка:									
высший слой	0	16,7	16,7	0	0	16,7	16,7	33,3	100
между высшим и средним	1,9	27,8	18,5	3,7	0	11,1	16,7	20,4	100
средний слой	0,4	6,9	17,9	18,7	2,9	2,3	4,9	19,9	100
между средним и низшим	11,6	16,5	18,7	2,9	2,3	3,9	23,3	23,3	100
низший слой	20,1	11,5	2,0	3,4	2,2	4,7	25,5	25,7	100
Возраст:									
18–29 лет	3,1	16,2	15,5	3,1	2,4	3,9	22,3	33,6	100
30–49 лет	7,6	17,3	15,2	5,1	2,2	5,6	20,3	26,7	100
50 лет и старше	21,1	14,3	11,8	2,5	1,7	4,3	24,1	20,2	100
Образование:									
начальное и не-полное среднее	32,2	5,4	3,6	0,6	0	3,6	34,5	29,2	100
среднее полное	12,3	14,7	9,1	2,5	2,0	2,9	23,8	32,8	100
среднее профес-сиональное	9,9	7,7	13,4	3,5	2,1	7,0	20,4	35,9	100
среднее специ-альное	12,6	17,1	10,3	3,7	2,4	2,9	24,1	26,9	100
незаконченное высшее	6,7	17,1	24,4	3,7	3,0	4,9	20,1	20,1	100
высшее	10,6	18,7	19,5	4,5	2,0	6,5	18,3	19,8	100

54,7% опрошенных горожан заявили о той или иной степени близости своих политических взглядов с политическими взглядами В. Путина, 43,1% — с политическими взглядами губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева. Почти пятая часть опрошенных горожан испытывает двойственное отношение, противоречиво оценивает степень совпадения своих политических ожиданий с установками президента и губернатора. Кроме того, больше четверти опрошенных горожан находятся в состоянии оппозиции по отношению к губернатору Санкт-Петербурга.

Действовавший на момент опроса меньше полугода в качестве представителя Президента Российской Федерации В. Черкесов был для петербуржцев своего рода terra incognita. Тем не менее четверть ответивших респондентов продемонстрировали неприятие политических взглядов представителя президента.

Лидерами негативной идентификации стали Г. Зюганов и В. Жириновский. Необходимо обратить внимание на очень высокий уровень негативной идентификации с лидером «Яблока» — 56,1%. Еще в конце 1998 г. негативная идентификация с взглядами Г. Явлинского среди жителей нашего города была минимальной. Горожане продемонстрировали высокий уровень негативной идентификации (более 50%) и с политическими взглядами И. Хакамады. Этот результат был тем более неожиданным, что И. Хакамада была избрана в Государственную Думу именно в Санкт-Петербурге и представляет весьма популярную в городе партию СПС.

Таблица 11

Степень идентификации политических взглядов респондентов со взглядами политических лидеров (ноябрь 2000 г., в %)

Лидеры	Совсем не близки	Скорее не близки	В равной степени близки и не близки	Скорее близки	Очень близки	Затрунились с ответом	Итого
Г. Зюганов	64,5	13,1	8,1	7,6	4,5	12,2	100
В. Жириновский	64,8	10,3	9,0	4,0	1,0	10,8	100
В. Путин	9,8	3,5	19,5	33,6	21,1	12,5	100
И. Хакамада	42,3	8,9	12,4	12,4	5,3	18,7	100
В. Черкесов	25,7	4,4	4,8	3,5	1,0	60,6	100
В. Яковлев	18,9	8,5	18,2	25,3	17,8	11,3	100
Г. Явлинский	41,7	14,4	14,1	11,0	4,5	14,3	100

Результаты многомерного шкалирования также показали неоднозначность отношения горожан к политическим лидерам (рис.2).

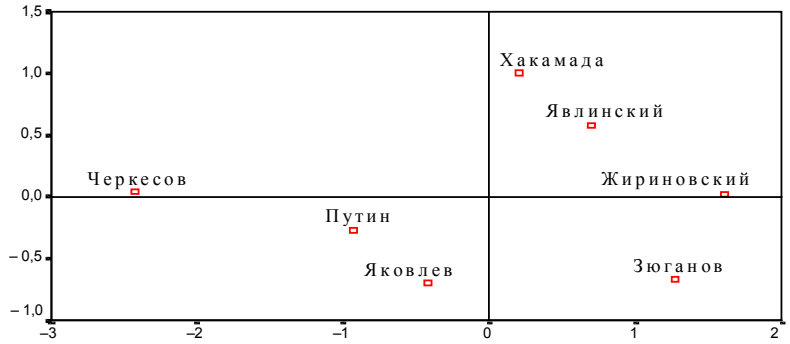

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования персонифицированной идентификации петербуржцев (ноябрь 2000 г.)

Приведенные данные позволяют говорить об определенных особенностях в оценке избирателями близости своих взглядов с установками политиков. Вертикальная ось выделяет сторонников левых и правых взглядов. Сторонники и В. Яковлева, и Г. Зюганова являются носителями левых политических взглядов. Кроме того, эта ось демонстрирует, как воспринимаются электоратом «образы» «старых» и «новых» политиков.

В сознании респондентов Г. Зюганов и И. Хакамада максимально разведены. Они отличаются не только по социально-демографическим параметрам (мужчина – женщина, представитель старшей возрастной группы – весьма молодая представительница политического истеблишмента) или политическим взглядам (коммунист — либерал). Они олицетворяют собой и различный путь в политическую элиту (классовое давление – нерегулируемая конкуренция, по классификации К. Манхейма), и принципиально различный социальный тип сторонников (низкостатусные группы «старых русских», ориентирующиеся на ценности советской эпохи — средне- и высокостатусные группы «новых средних русских», легко вписавшихся в реалии постперестроечных рыночных отношений).

Горизонтальная ось отчетливо показывает отношение к двум противоположным типам политических фигур — представителям исполнительной власти и партийным лидерам парламентских партий. Кроме того, на двух полюсах этой оси располагаются, с одной стороны, «человек-функция», государственный чиновник В. Черкесов, который даже в силу должностного положения не должен демонстрировать свои личные политические убеждения и предпочтения, и, с другой стороны, внешне импульсивный политик, позволяющий себе делать крайне резкие заявления, произносящий свои «зажигательные речи» В. Жириновский.

Один из проведенных ЦЭПИ телефонных опросов «Политический Петербург-2001»[65] был посвящен анализу политической культуры, часть вопросов касалась политической идентификации петербуржцев. В среднем уровень интереса к политике весной 2001 г. у петербуржцев оказался достаточно высоким. Только четверть опрошенных респондентов заявили, что политикой не интересуются совсем. Формальную политическую включенность также можно признать относительно высокой (две трети респондентов участвуют в выборах того или иного уровня). 34,5% населения Санкт-Петербурга принимают решение о голосовании задолго до конкретных выборов, 14,8% — сразу после публикации списков претендентов, что составляет около 50%. Для этой группы при решении о голосовании агрессивность и манипулятивные приемы предвыборной кампании не имеют доминирующего значения. Достаточно велика доля таких избирателей среди твердых сторонников КПРФ и «Единства». В основном это люди с высшим образованием, инженерно-технические работники старше 45 лет и пенсионеры.

Примерно третья часть респондентов не имеет выраженных идеологических предпочтений. Численность людей с либеральной и коммунистической ориентациями примерно равна (по 14%). Несколько больше людей с социал-демократическими и «смешанными» взглядами. Уровень распространенности консервативных и националистических взглядов среди петербуржцев низок (менее 4%). 16,4% считают, что имеют смешанные политические взгляды, 16,8% заявили, что не имеют политических взглядов, 12,1% затруднились ответить на этот вопрос. Как и следовало ожидать, респонденты старше 45 лет тяготеют к коммунистическим взглядам, 30–44-летние — к либеральным и консервативным, 18–24-летние — к «смешанным».

---

[65] Опрос осуществлялся по заказу и при поддержке «СН-Фонда» в мае 2001 г. 1200 респондентов ответили на вопросы, связанные с их отношением к политической жизни. Население города репрезентировано по следующим признакам: пол, возраст, образование, соотношение работающих и не работающих.

Наиболее активными на выборах в Госдуму в 1999 г. и президентских выборах 2000 г. были сторонники коммунистической и социал-демократической идеологии, наименее активными — сторонники националистической идеологии и не имеющие политических убеждений. Четко обозначали свои идеологические пристрастия горожане с высшим образованием, оценивая свои взгляды скорее как либеральные (наибольшую тягу к ним демонстрировали инженеры и технические специалисты) или консервативные. Обладатели среднего специального образования говорили о себе как о носителях смешанных взглядов. Люди с незаконченным высшим образованием ощущали себя либералами или обладателями смешанных политических убеждений, респонденты с неполным средним образованием — коммунистами, а окончившие среднюю школу затруднялись с самооценкой своих политических взглядов.

Наибольшее число сторонников коммунистической идеологии было обнаружено среди имеющих среднедушевой ежемесячный доход от 500 до 1500 руб.[66] Респонденты с доходом от 1500 до 2000 руб. были склонны оценивать свои взгляды как смешанные, имеющие доход от 2000 до 4000 руб. — как социал-демократические или либеральные. Многие из наиболее обеспеченных респондентов с ежемесячным доходом на одного члена семьи свыше 4000 руб. считали себя либералами. Закономерность очевидна: чем выше доходы, тем более независимыми и ценящими личную свободу становятся респонденты.

Уровень ориентации на партии среди опрошенных петербуржцев ниже, чем уровень идеологических предпочтений. Почти 58% не могли сделать выбор между партиями или считали, что близкой им по политическим взглядам партии не существует. Лидерами по числу сторонников пока оставались КПРФ и «Яблоко». Во «второй эшелон», тесно примыкавший к ним, входили «Единство» и СПС. Близость позиций с ОВР и ЛДПР признало крайне незначительное число респондентов. Сторонниками КПРФ являлись респонденты старше 45 лет. В целом доход сторонников КПРФ не превышал 1500 руб. на каждого члена семьи. Примечательно, что, исходя из ответов респондентов, наиболее близкими к «Единству» ощущали себя горожане старше 65 лет, они же оценивали в качестве «своей» партии и КПРФ. Судя по всему, представители старшей возрастной группы находились перед выбором — демонстрировать свое приятие оппозиционной партии или, наоборот, за-

[66] За время, прошедшее после данного опроса, уровень доходов населения изменился. Для справки: уровень дохода от 500 до 1500 руб. на каждого члена семьи можно оценивать как крайне низкий (за чертой бедности), от 1500 до 2000 руб. — ниже среднего, от 2000 до 4000 руб. — выше среднего, свыше 4000 руб. — высокий.

быв об идеологии, усвоенной с детства, вновь сделать ставку на «партию власти» в надежде, что она «призреет» самых обездоленных.

Близость с «Яблоком» испытывают по преимуществу 30–44-летние респонденты. Представители этой возрастной когорты также склонны считать, что нет такой партии, чьи политические позиции были бы им максимально близки. 18–24-летние респонденты испытывают существенные трудности с партийной идентификацией. Они говорят о близости к ЛДПР, но чаще признаются в неспособности выделить такую партию. Судя по всему, ЛДПР близка и рабочим. Вполне вероятно, что это в действительности не собственно партийная, а персонифицированная идентификация.

Образование респондентов также существенным образом влияет на их оценку близости к политическим партиям. Чем выше образование петербуржцев, тем в меньшей степени они затрудняются с самоопределением своих партийных предпочтений. Респонденты с начальным или неполным средним образованием выбирают КПРФ или затрудняются выбрать «близкую» себе партию. Петербуржцы с полным средним образованием также испытывают трудности с партийной идентификацией. Респонденты с высшим образованием ощущают близкими для себя СПС или «Яблоко». «Яблоко» поддерживают люди относительно обеспеченные — с доходом от 2000 до 4000 руб. в месяц на каждого члена семьи.

Относительное большинство респондентов считает свои политические взгляды «совсем не близкими» установкам лидеров (см. табл. 12).

Таблица 12

Оценка петербуржцами близости им взглядов политиков (май 2001 г.) (в %)

Политики	Очень близки	Скорее близки	В равной степени близки и не близки	Скорее не близки	Совсем не близки	Затруднились ответить	Итого
В. Путин	27,3	31,1	18,9	3,7	8,9	10,1	100
В. Яковлев	11,4	20,8	21,1	7,1	21,5	18,1	100
Г. Зюганов	8,0	6,9	6,0	9,6	58,9	10,6	100
В. Жириновский	2,4	5,8	8,8	10,2	64,2	8,6	100
Б. Немцов	3,4	10,5	18,9	10,2	37,8	19,3	100
Г. Явлинский	7,5	12,0	15,3	11,3	38,5	15,4	100
И. Хакамада	6,2	11,8	14,5	9,0	36,6	21,9	100
С. Шойгу	11,9	17,2	17,6	5,3	21,3	26,7	100

Если негативное отношение к В. Жириновскому и Г. Зюганову прослеживалось в результатах опросов в течение последних 4–5 лет, то негативное отношение к политическим взглядам Г. Явлинского стало формироваться только в последнее время. Несколько более благополучна позиция С. Шойгу. Только 21,3% респондентов сказали, что их политические установки совсем не близки (что на фоне других политиков выглядит весьма обнадеживающе), но более четверти опрошенных (26,7%) не смогли высказать свое отношение по поводу политических позиций одного из лидеров «Единства». В общей сложности 30,1% респондентов заявили о близости своих политических взглядов установкам С. Шойгу. В этом, безусловно, свою роль сыграл тот факт, что он — один из лидеров (во всяком случае, в сознании респондентов это именно так) «пропрезидентской» партии, партии «власти». Таким образом, опрошенные косвенно продемонстрировали свою лояльность Президенту Российской Федерации.

С. Шойгу был введен в список лидеров как наиболее узнаваемая персона, связанная с «Единством». Распределение объектов в результате процедуры многомерного шкалирования (рис. 3) по горизонтальной оси вновь продемонстрировало четкое разделение горожанами политиков-администраторов, хотя и избранных, но представляющих высшую исполнительную власть в стране и городе, и публичных политиков-партийцев, представляющих власть законодательную.

Вместе с тем в сознании респондентов образы В. Путина и В. Яковлева были достаточно разведены, не являясь, правда, противоположными. Примечательно, что в оппозиции по этой шкале оказались В. Путин и И. Хакамада. Определяющим фактором в этом случае, судя по всему, была степень широты социальной базы сторонников каждого из политиков (у В. Путина она оказалась наиболее широкой, у И. Хакамады — очень узкой).

Вторая ось, вертикальная, четко демонстрирует оппозиционное положение в сознании респондентов С. Шойгу и Г. Зюганова как лидеров «партии власти» и «партии вечной оппозиции». В одной группе оказались не только Г. Явлинский, Б. Немцов и И. Хакамада, которые имеют общий электорат с либеральной и социал-демократической ориентацией, но и В. Жириновский, чей электорат жестко идеологически не направлен. Очевидно, все они рассматриваются респондентами как своего рода «проходные фигуры», которые могут быть заменены в поле политики. Кроме того, политические взгляды данных лидеров, судя по всему, воспринимаются как оппозиционные к власти в меньшей степени, чем взгляды Г. Зюганова.

Рис. 3. Многомерное шкалирование оценок персональной идентификации с политиками жителей Санкт-Петербурга (май 2001 г.)

Следует обратить внимание и на тот факт, что, хотя С. Шойгу имеет среди политиков-партийцев наиболее высокие оценки по критерию персонифицированной идентичности, его образ в оценках петербуржцев располагается достаточно далеко от образа «покровителя» — Президента России.

Чем старше респонденты, тем более охотно они отождествляют свои политические позиции с Г. Зюгановым. Люди в возрасте 30–44 лет не склонны идентифицировать свои взгляды с этим политиком. Не считали свои политические взгляды близкими Г. Зюганову респонденты с незаконченным высшим образованием, студенты, люди с доходом выше 4000 руб. Среди сторонников Г. Зюганова большую долю составляли те, у кого неполное среднее образование, в основном рабочие, а также пенсионеры, люди с доходом от 500 до 1500 руб.

Считали свои политические установки очень близкими установкам В. Жириновского мужчины, в основном люди с доходом на каждого члена семьи 1000–1500 руб. в месяц. Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет затруднялась ответить на вопрос о близости своих взглядов взглядам лидера ЛДПР.

Политические взгляды Б. Немцова вызывают у петербуржцев определенный интерес. Можно было бы ожидать, что молодого и энергичного политика либерального направления будет активно поддерживать молодежь. Вместе с тем молодежь не имеет твердой персонифицированной идентификации с лидером СПС. Люди в возрасте 18–24 лет за-

трудняются высказать свое отношение к нему, а респонденты в возрасте 25–29 лет склонны считать, что их политические взгляды в равной степени «близки и не близки» установкам Б. Немцова. Фактор образования респондентов также играет определенную роль в отношении к этой политической фигуре. Люди с высшим и неполным высшим образованием, в отличие от имеющих среднее специальное образование, склонны считать, что политические взгляды Б. Немцова «скорее близки» им. Хотя деятельность СПС, да и сам облик Б. Немцова должны весьма импонировать бизнесменам, они склонны считать, что его политические установки «в равной степени близки и не близки» им. Как и следовало ожидать, отторгают политические взгляды лидера СПС пенсионеры, а горожане с высшим образованием, работающие в непроизводственной сфере, склонны признавать близость своих установок к установкам этого политика. Наиболее отчужденными от него чувствуют себя люди с доходами до 500 руб. и от 500 до 1000 руб.; совпадение политических взглядов декларируют респонденты с доходом от 2000 до 4000 руб. Петербуржцы с доходом выше 4000 руб. в месяц считают, что их политические взгляды в равной степени «близки и не близки» политической позиции Б. Немцова. Сторонники Б. Немцова, кому его политические взгляды «скорее близки», склонны к активному протесту против ущемления своих политических прав. Сторонники лидера СПС по-разному оценивают демократию в России. В равной степени они «скорее удовлетворены» и «скорее не удовлетворены» ее состоянием.

И. Хакамада петербуржцам известна как один из лидеров СПС и депутат Государственной Думы от нашего города. Существенным фактором отношения к ней является возраст. Чем старше респонденты, тем более (как и в случае с Б. Немцовым) они ощущают отчуждение от политических установок И. Хакамады. Вероятно, это как раз тот случай, когда персонифицированная политическая идентификация четко коррелирует с партийной. Не обнаружены существенные взаимосвязи образования респондентов и их представления о степени близости к политическим установкам И. Хакамады. Единственное существенное наблюдение касается людей с полным средним образованием, которые затрудняются в оценке близости своих политических взглядов и взглядов женщины-политика. Затрудняются с такой оценкой и работники сферы услуг. Полностью отчуждены от политических позиций И. Хакамады пенсионеры, чей ежемесячный доход составляет от 500 до 1000 руб. Наиболее предрасположены отождествлять свои взгляды с этим политиком не занятые на производстве респонденты с высшим образованием и предприниматели, люди с доходом выше 4000 руб. Примечательно, что относительно благополучные в материальном отношении респон-

денты с ежемесячным доходом от 2000 до 4000 руб. хотя и не считают взгляды Хакамады абсолютно неприемлемыми для себя, тем не менее придерживаются весьма различных позиций: некоторые склонны считать, что ее взгляды им «очень близки», некоторые — что «скорее не близки».

В отличие от 30–44-летних респонденты 55–64 лет считают, что взгляды лидера «Яблока» им совсем не близки. Вызывает интерес позиция 18–24-летних. Они, подобно когорте 30–44-летних петербуржцев, не склонны считать свои политические взгляды абсолютно чуждыми взглядам Г. Явлинского, но либо затрудняются с более точным определением своей позиции, либо считают его взгляды «в равной степени близкими и нет». Респонденты со средним полным образованием склонны затрудняться с оценкой степени совпадения своих взглядов и взглядов этого политика. У сторонников «Яблока» партийная и персонифицированная идентификация совпадает. Наибольшую поддержку взглядам Г. Явлинского, как и его партии, оказывают респонденты с высшим образованием. Респонденты с незаконченным высшим образованием в меньшей степени идентифицируют свои взгляды с установками лидера «Яблока», они склонны выбирать варианты ответов «в равной степени совпадают и нет» или «скорее близки». Среди профессиональных и социально-демографических групп наибольшее дистанцирование своих взглядов от взглядов Г. Явлинского демонстрируют пенсионеры, отчасти рабочие, самые малоимущие горожане. В наибольшей степени признают совпадение политических установок инженеры, технические специалисты, управленцы, гуманитарии, предприниматели, домохозяйки, респонденты с доходами от 2000 до 4000 руб. в месяц на каждого члена семьи.

Молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет затрудняются с оценкой степени совпадения их политических взглядов и установок одного из лидеров «Единства». Респонденты в возрасте 40–49 лет не склонны считать, что установки этого движения совсем не близки им. Самые старшие и бедные петербуржцы с ежемесячным доходом от 500 до 1000 руб. на одного члена семьи склонны признавать совпадение своих взглядов и установок «Единства». Обладатели полного среднего образования, а также студенты склонны считать, что их политические взгляды совершенно не совпадают с политическими взглядами С. Шойгу. Бóльшую лояльность («скорее близки») проявляют обладатели среднего профессионального образования, люди с доходом свыше 4000 руб. Полагают, что взгляды С. Шойгу в чем-то близки им, а в чем-то нет, технические специалисты и инженеры. Больше других затрудняются с ответом на этот вопрос работники сферы услуг. Примечательно, что «тревожные»

респонденты, отказавшиеся говорить о своих доходах, склонны считать, что взгляды Шойгу им совсем не близки (6,3% всех опрошенных). Таким образом, эти люди сигнализируют и об отношении к сегодняшней политической ситуации, и о подлинном отношении к президенту.

Хотя представители всех возрастных групп в той или иной степени демонстрируют свою политическую лояльность В. Путину, люди старше 60 лет, с начальным и неполным средним образованием, склонны говорить о высокой степени близости своих политических взглядов президентским. Не склонны считать свои политические взгляды «очень близкими» президентским респонденты в возрасте 18–24 лет и 30–44 лет. Считают их «скорее близкими» инженеры и технические специалисты, но это, по большей части, ситуативные оценки. Пенсионеры и инженеры в данном случае демонстрируют свое отношение к социальным программам, проводившимся в течение минувшего года. Респонденты с незаконченным высшим образованием, работники торговли склонны считать, что политические взгляды президента им «в равной степени близки и не близки». Можно было бы ожидать, что люди, идентифицирующие свои взгляды с взглядами президента, будут лояльны по отношению к нему во всех вопросах. Тем не менее респонденты, чьи взгляды, по их самооценке, «скорее близки» президентским, склонны демонстрировать готовность к политическим акциям протеста в случае ущемления их политических прав и свобод. Причем их доля среди всех опрошенных составляет 11,8%.

Попытку В. Яковлева в 1999 г. участвовать в партстроительстве совместно с Е. Примаковым нельзя назвать удачной, и большинство горожан воспринимает этого политика исключительно в качестве «отца города». Поэтому, говоря о степени совпадения своих взглядов с губернаторскими, горожане в действительности декларируют отношение к тому, как В. Яковлев выполняет функции главы исполнительной власти Санкт-Петербурга. Наибольшую лояльность по отношению к губернатору демонстрируют люди в возрасте старше 55 лет, и особенно неработающие пенсионеры. Но необходимо иметь в виду, что 55–64-летние респонденты также склонны выражать уверенность, что их взгляды не близки губернаторским, таким образом, в данной возрастной группе существует определенный раскол в оценке губернатора-политика. Склонны считать его политические установки «скорее близкими» петербуржцы со средним профессиональным образованием. Петербуржцы со средним специальным образованием полагают, что их взгляды в чем-то близки, а в чем-то нет позиции губернатора. Респонденты с незаконченным высшим и высшим образованием склонны выбирать такой вариант ответа, как «скорее не близки». Из всех профессиональных групп

в большей степени работники культуры, образования, науки и техники склонны затрудняться в оценке степени совпадения своих взглядов и взглядов губернатора. Респонденты с доходами от 500 до 1000 руб. склонны считать, что их политические взгляды далеки от губернаторских. Среди тех, кто считает свои политические взгляды близкими губернаторским, доминируют сторонники коммунистической идеологии. Считают их «совсем не близкими» сторонники социал-демократической идеологии. Затрудняются оценить свое отношение к политической позиции В. Яковлева носители «смешанных» политических взглядов. Среди сторонников партий наиболее лояльно к губернатору относятся сторонники КПРФ и «Единства». Максимально дистанцируются от политических взглядов губернатора сторонники СПС, «Яблока».

Важнейшим показателем целостности политического сознания является непротиворечивость установок. Анализ степени соответствия идеологической идентификации партийной может служить существенным показателем зрелости политического сознания. Коэффициент корреляции Пирсона для этих двух переменных (партийная и идеологическая идентификации) равен 0,427. Таким образом, мы должны признать наличие связи между идеологической и партийной идентичностью петербуржцев. Наибольшее соответствие идеологической и партийной идентификации демонстрируют приверженцы коммунистической идеологии. Среди 13,8% петербуржцев, считающих свои взгляды коммунистическими, более двух третей — 9,9% — ощущают наиболее близкой для себя КПРФ. Петербуржцы, оценивающие свои взгляды как социал-демократические (а их 17,3% опрошенных), «играют» одновременно на трех полях: «Единство», СПС, «Яблоко». Оценивающие свои взгляды как либеральные (14,0% опрошенных) склонны делить свои симпатии между СПС и «Яблоком».

Следует учесть, что суммарно носителей либеральной идеологии, одновременно идентифицирующих себя как сторонников СПС и «Яблока», очень немного — 6,0% опрошенных. 5,9% — больше трети разделяющих либеральные ценности — затрудняются в выборе партии или считают, что выражающей их интересы партии просто не существует. Итак, необходимо признать, что «правые» партии неэффективно работают со своим электоратом. Уровень соответствия идеологической и персонифицированной идентификации у сторонников коммунистических взглядов очень высок. Больше 4/5 приверженцев коммунистической идеологии склонны идентифицировать свои взгляды с взглядами лидера КПРФ.

Наибольшую степень неприятия позиции Г. Зюганова демонстрируют сторонники социал-демократических и либеральных взглядов. Носи-

тели смешанных взглядов склонны считать, что им в чем-то близки, а в чем-то нет позиции Г. Зюганова. Уровень соответствия партийной и персонализированной идентификации у сторонников КПРФ также очень высок — не меньше 80% для этой подгруппы. В наибольшей степени дистанцируются от взглядов лидера КПРФ сторонники «Единства», СПС, а также те, кто отвергает существование партии, выражающей их интересы. Максимальное отчуждение у сторонников коммунистической идеологии вызывают политические взгляды Б. Немцова. Носители либеральных идей склонны считать его взгляды «своими». Помимо сторонников СПС, демонстрирующих своему лидеру максимально возможную лояльность, весьма позитивно относятся к Б. Немцову сторонники «Яблока» и отчасти «Единства». Наиболее близки взгляды И. Хакамады носителям либеральной идеологии, сторонникам СПС и «Яблока». Максимально дистанцируются от ее взглядов сторонники КПРФ. Что касается С. Шойгу, то больше других близость к его установкам демонстрируют носители социал-демократической идеологии. Они полагают, что их взгляды «очень близки» и «скорее близки», и не склонны соглашаться с противоположной позицией. Среди тех, кто считает взгляды Явлинского близкими себе, доминируют носители либеральной идеологии и отчасти сторонники социал-демократических взглядов. Сторонники коммунистических взглядов склонны максимально дистанцироваться от взглядов Г. Явлинского. Сторонники «Яблока» очень лояльно относятся к лидеру своего движения, но сторонники других партий не склонны считать его взгляды близкими. В наибольшей степени близость политическим взглядам В. Путина демонстрируют сторонники «Единства» и СПС, носители социал-демократической идеологии. Сторонники КПРФ и коммунистической идеологии находятся во внутренней оппозиции, они склонны считать взгляды В. Путина «совсем не близкими». Носители коммунистических взглядов считают чуждыми и взгляды И. Хакамады. Сторонники социал-демократических идей считают ее взгляды «скорее не близкими».

При проведении опроса в мае 2001 г. мы обнаружили достаточно большую группу респондентов, которые крайне неохотно говорили о своих доходах или под предлогом «затруднений» категорически отказывались отвечать. Интервьюерам была дана инструкция не настаивать в данном случае на ответе. Это было сделано с целью проверки гипотезы о формировании в Санкт-Петербурге категории «новых аполитичных». Социально-демографический анализ показал, что к этой группе относятся в основном респонденты в возрасте до 44 лет (горожане старше 55 лет не склонны отказываться говорить о своих доходах). К данной группе тяготеют преимущественно мужчины, имеющие выс-

шее и незаконченное высшее образование. Среди них вряд ли можно в большом количестве встретить рабочих или пенсионеров, но с большей вероятностью — предпринимателей и студентов. «Тревожные» респонденты склонны считать, что жизнь за последние пять лет улучшилась. Но радостные прогнозы на свое светлое будущее они строить не торопятся. Они затрудняются ответить, что их ожидает в ближайшие пять лет, вместе с тем они не склонны считать, что жизнь их не изменится или ухудшится.

Как видим, это очень осторожные оптимисты, или оптимисты-реалисты; они аполитичны и проигнорировали выборы как в Государственную Думу в 1999 г., так и президентские выборы 2000 г. Если эти люди и говорят, что участвовали в этих выборах, то не помнят, за кого голосовали. На вопрос о времени принятия решения относительно голосования за конкретного кандидата они честно признаются, что обычно не голосуют или затрудняются ответить на этот вопрос. В целом представители данной группы склонны заявлять, что не имеют политических взглядов или затрудняются с их оценкой. Им предельно чужды коммунистическая и социал-демократическая идеологии. Эти люди склонны думать, что нет такой партии, политическая платформа которой была бы им близка, во всяком случае, за «Единством» и КПРФ они не склонны признавать такую возможность. Вероятно, для них весьма незначима коммунистическая идеология. Косвенным образом об этом свидетельствует то, что из альтернативной пары — «свобода» или «равенство» — они не склонны выбирать равенство. При выборе из пары «права человека» или «порядок» они в большинстве случаев затрудняются с выбором, а в паре «справедливость» или «собственность» не склонны выбирать справедливость, но выбирают или то и другое одновременно, или не дают ответа. При выборе альтернативы между «свободой» и «порядком» они явно не симпатизируют второй категории, но склонны выбирать и то и другое или затрудняются с выбором. Хотя большинство респондентов данной группы декларируют, что присутствие людей другой национальности их не тревожит, тем не менее анализ стандартизованных остатков показывает, что они испытывают затруднения с ответом на этот вопрос. «Тревожные» респонденты затрудняются в оценке близости своих взглядов взглядам и установкам В. Путина, В. Жириновского, В. Яковлева, Г. Зюганова, И. Хакамады, Г. Явлинского. Исключение здесь составляет С. Шойгу, от политических установок которого опрошенные демонстрируют максимальную отстраненность. Формально эти респонденты оценивают деятельность президента В. Путина положительно (больше половины «тревожных» респондентов выбрали значения «положительно» и «скорее положительно»), но анализ стандартизо-

ванных остатков показывает, что они скорее «затрудняются» дать определенный ответ. Аналогичная картина наблюдается при оценке деятельности губернатора, Государственной Думы и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

Опрос показал, что в целом петербуржцы в значительной степени политически толерантны. Только 5,7% опрошенных испытывают беспокойство, когда с ними рядом находятся люди с другими политическими убеждениями. Однако в отношении людей другой национальности уже 21,7% опрошенных проявляют обеспокоенность. События последнего десятилетия XX в. сделали наших сограждан более закрытыми, подорвали доверие не только к институтам власти, но и к людям, окружающим нас. Только 28,1% респондентов считают, что «большинству людей» можно доверять. Для всех подгрупп, выделенных по критерию электоральной активности, общей является глубокая неудовлетворенность «работой демократии в России». В данном случае выносится оценка и политическому режиму, и отдельным институтам власти, прежде всего представительным. Только 13,9% опрошенных высказали более или менее позитивные оценки состояния демократии.

В результате проведенных расчетов были выделены три группы петербуржцев: 1) избиратели с высокой и средней электоральной активностью («голосующие») — 58,4%; 2) избиратели с низкой активностью («пассивные»; участие в голосовании не является для них типичным, а представляет скорее исключение) — 23,9%; 3) абсентеисты, полностью игнорирующие выборы, — 17,7%. Продолжает оказывать влияние хорошо известная еще с середины 1990-х годов закономерность: возраст респондентов положительно коррелирует с уровнем электоральной активности (коэффициент Пирсона в нашем исследовании для этих двух переменных составил 0,355). Чем старше избиратели, тем более активно они участвуют в выборах федерального и регионального уровня (рис. 4).

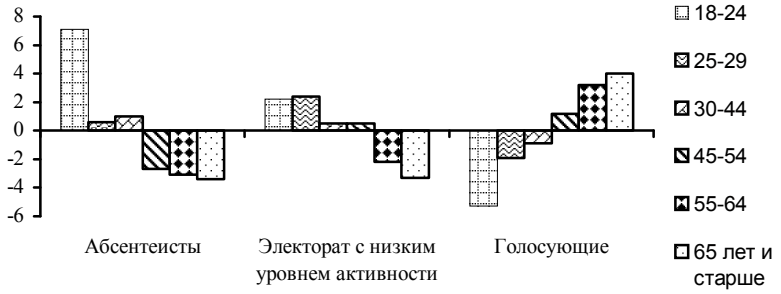

Рис. 4. Уровень электоральной активности различных возрастных групп (стандартизованные остатки).

«Голосующие» в массе своей считают, что жизнь за последние пять лет не изменилась или даже ухудшилась. Большинство людей, отнесенных к данной группе, имеют высшее и среднее специальное образование. Доходы их не очень велики. В основном те, кто вошел в группу «голосующих», имеют ежемесячный доход от 1000 до 2000 руб. на каждого члена семьи.

Вопрос о мотивах голосования за В. Путина на президентских выборах задавался как открытый. У группы «голосующих» доминировали следующие мотивы: «он молодой, новый, перспективный», «нет достойной альтернативы», «наиболее достойный», «он нравится». Очевидно, из рациональных мотивов наиболее значимы «протестные» (нежелание видеть в качестве президента представителей политического истеблишмента последнего десятилетия) и принцип «меньшего зла» (пусть лучше он, чем…). У этих респондентов явно есть и образ политика, вызывающего самые неприятные ассоциации, т. е. они также голосовали «от противного»).

Существенным мотивом голосования является и симпатия к личности президента. Здесь были названы «надежда на улучшение» (ставка на помощь извне, отсутствие веры в собственные силы), «совпадение взглядов» (проявление персональной политической идентификации), «доверие» (признак партиципаторной политической субкультуры), «умный, волевой, честный» (признание значимости личных качеств первого лица государства). Примечательно, что среди мотивов упоминалось о роли В. Путина в «наведении порядка», но довольно редко. Факт голосования «за земляка» (принцип местного патриотизма) респондентами фактически не фиксировался.

«Голосующие» склонны считать, что они принимают решение о голосовании самостоятельно (50,6% всех опрошенных). Представители этой группы также более активно, чем другие, обращаются к своим депутатам в городском законодательном собрании (стандартизованный остаток равен +2,5). Среди них преобладают респонденты, считающие, что им близки коммунистические, социал-демократические и либеральные политические взгляды.

Формально доля респондентов, разделяющих взгляды Г. Зюганова, не очень велика и составляет 1/5 группы «голосующих». Однако величины стандартизованных остатков позволяют судить о том, что ядро сторонников лидера КПРФ весьма устойчиво. Примерно 1/6 группы «голосующих» считает близкими для себя политические установки лидера СПС Б. Немцова. Примерно столько же респондентов ощущают близость своих политических взглядов и взглядов И. Хакамады и Г. Явлинского. Проблема заключается в том, что СПС и «Яблоко» имеют

электорат, сходный по социально-демографическим параметрам и политическим взглядам, т. е. они обречены «переманивать» избирателей друг у друга. Среди «голосующих» 1/3 солидарна со взглядами С. Шойгу. Очевидно, этот выбор делается на основе двух критериев. С. Шойгу представляет «партию власти», и патерналистски настроенные избиратели демонстрируют лояльность исполнительной власти. Кроме того, образ министра по чрезвычайным ситуациям очень импонирует своей мужественностью (здесь срабатывает мифологема «героя»).

Большинству респондентов данной группы (2/3) оказались близки взгляды нынешнего Президента России. У «голосующих» более сдержанное отношение к губернатору В. Яковлеву. Готовы признать, что их взгляды (полностью или частично) совпадают со взглядами губернатора, чуть больше 1/3 респондентов, с определенной степенью регулярности участвующих в выборах. Безусловно, отношение к губернатору в целом у горожан вполне позитивное, существует «ядро» поддерживающих его — примерно треть всех опрошенных безотносительно к степени их включенности в электоральный процесс.

«Голосующие» между равенством и свободой скорее сделают выбор в пользу равенства. Примечательно, что в случае выбора между свободой и порядком они предпочтут совместить и то и другое. Возникает вопрос: как их совместить в общественной и политической жизни? Для них в равной степени значимы права человека и порядок, также для этой группы по сравнению с другими в большей степени значимо понятие справедливости.

«Пассивные» — электорат с низким уровнем участия. Это «социальные оптимисты», они склонны считать, что их жизнь за последние пять лет улучшилась (стандартизованный остаток равен +2,2). Оценки на следующие пять лет менее оптимистичны. «Пассивные» уходят от оценок своих перспектив на будущее, хотя и не склонны считать, что жизнь ухудшится. Среди этих людей преобладают носители «смешанных» политических взглядов. Отсюда велика вероятность того, что если данную группу удастся «мобилизовать» для участия в выборах, они будут голосовать ситуативно «по проблемам». Среди представителей этой группы велика доля людей с незаконченным высшим образованием, студентов, работников торговли и рабочих.

«Абсентеисты» — не голосующие. Хотя эта группа представлена в основном студентами, безработными, рабочими, она пополняется и за счет других профессиональных групп. Среди «абсентеистов» велико число материально обеспеченных, а также тех, кто не ответил на вопрос о доходах («тревожные» респонденты). Ряды абсентеистов пополняются также людьми, имеющими минимальные доходы. Сразу оговоримся,

что эта группа не гомогенна, в нее входят не только аполитичные, не имеющие устойчивых политических установок и оценок респонденты (хотя их доля велика, стандартизованный остаток равен +5,5), но и не довольные существующим режимом. Об этом косвенно свидетельствует отношение к лидеру «Единства» — С. Шойгу, чей образ столь активно использовался «медведями» во время предвыборной думской кампании 1999 г. Абсентеисты считают его взгляды «совсем не близкими» для себя. Причем только Шойгу из всех называвшихся в опросе политических лидеров вызвал ярко негативное отношение среди неголосующих. Абсентеисты склонны также считать, что им «совсем не близки» и взгляды В. Путина (стандартизованный остаток равен +1,9). Представители абсентеистов определенно не склонны придерживаться коммунистических и социал-демократических взглядов (стандартизованные остатки равны соответственно –1,9 и –2,6). Примечательно, что представители этой группы не видят партии, политические позиции которой были бы им близки. Однако, как правило, эти люди просто не информированы в области политики. Об этом свидетельствует то, что бóльшая часть из них «затрудняется ответить» при выборе партии (стандартизованные остатки равны соответственно +1,9 и +2,6). Для абсентеистов значимы такие ценности, как «свобода», «права человека», «справедливость». Крайнее затруднение вызывает у них необходимость выбора между альтернативами «свобода» и «порядок».

«Голосующие» демонстрируют значительно большую заинтересованность в политике, чем абсентеисты (см. рис. 5).

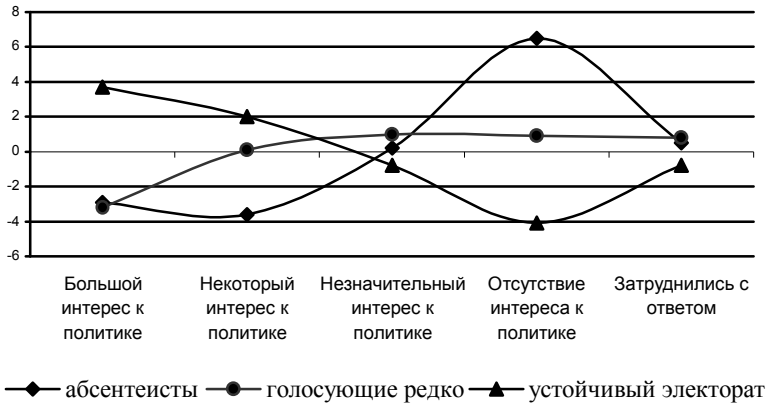

Рис. 5. Уровень интереса к политике абсентеистов, голосующих редко, устойчивого электората (стандартизованные остатки).

В данном случае трудно сказать, какая из двух переменных является независимой (определяющей), а какая зависимой. Согласно классической теории политической культуры, интерес к политике является первым шагом в формировании политической активности. Но совершенно ясно также и то, что неудовлетворенность результатами личного участия в выборах может со временем подорвать интерес к сфере политики в целом.

Чрезвычайно важно, что уровень электоральной активности не связан с представлениями респондентов о степени их индивидуальной возможности влиять на решения органов власти. Не обнаружены и статистически значимые стандартизованные остатки при распределении ответов респондентов о голосовании за кандидатов от партий на выборах в Государственную Думу. Вместе с тем прослеживается четкая зависимость уровня электоральной активности и оценки деятельности Президента России. Абсентеисты склонны оценивать его работу негативно и нейтрально, электорат с низким уровнем активности — нейтрально, респонденты со средним и высоким уровнем активности — позитивно (рис. 6). Причина этих оценок коренится в мотивах участия/неучастия в голосовании.

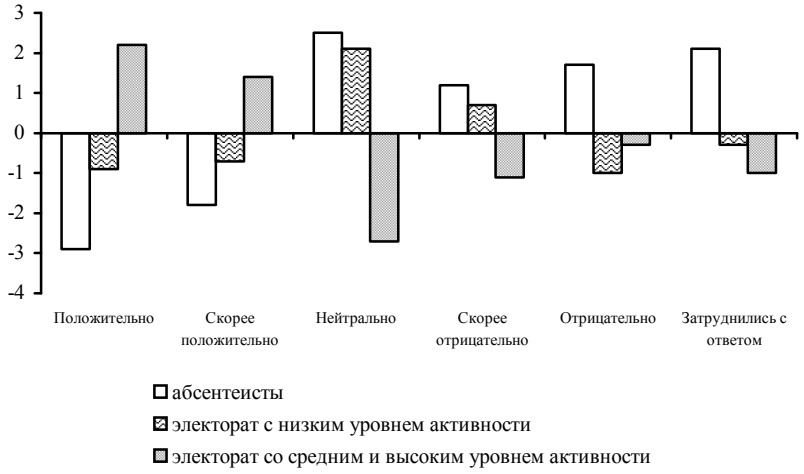

Рис. 6. Оценка деятельности Президента России респондентами с различным уровнем электоральной активности (стандартизованные остатки).

Различия в оценке деятельности Государственной Думы и губернатора Санкт-Петербурга респондентами с различным уровнем электо-

ральной активности менее выражены. «Голосующие» склонны скорее к положительным оценкам, а респонденты с низкой активностью по преимуществу затрудняются оценить их работу. Следует обратить внимание на негативную оценку «голосующими» петербуржцами деятельности Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (оценивают работу «скорее отрицательно», стандартизованный остаток равен +1,7). В совокупности среди «голосующих» негативно оценивает деятельность Законодательного Собрания Санкт-Петербурга примерно половина, что составляет 31,7% всех опрошенных. Это — тревожный «звонок» депутатам.

35,8% горожан (причем это люди, относящиеся к группе «голосующих») принимают решение о голосовании за кандидата задолго до конкретных выборов (25,0%) и «сразу после опубликования списков претендентов» (10,8%). На наш взгляд, они имеют устойчивые идеологические и партийные предпочтения, а назойливая политическая реклама, тактические ходы изощренных политтехнологов действуют на их выбор незначительно (как таковое влияние на них рекламы, естественно, отрицать нельзя). 19,7% горожан, участвующих в выборах, принимают решение о голосовании за конкретного политического деятеля незадолго до дня голосования или непосредственно в этот день. Эта группа, а также 9,2% горожан, участвующих в выборах лишь время от времени («пассивные»), не имеют устойчивых предпочтений в голосовании и являются «легкой добычей» для агрессивной избирательной кампании.

При визуализации данных факторного анализа (см. рис. 7) четко обозначились три латентные переменные, связанные с персональной идентификацией и определяющие мотивы поведения участвующих в выборах петербуржцев. Первый фактор — «этатизм», участие в выборах из чувства долга, как средство демонстрации лояльности государству, прежде всего исполнительной власти. Эти люди составляют ядро голосующих за «партию власти».

Второй фактор — «либеральный индивидуализм». Этот мотив участия в выборах присущ сторонникам СПС и «Яблока», которые не приемлют протестных форм поведения и, четко осознавая низкую эффективность собственного индивидуального участия в выборах, тем не менее считают необходимым проявить свои политические предпочтения посредством именно (и почти исключительно) факта и характера голосования. В данном случае речь идет о так называемых «политических меньшинствах», т. е. о тех социальных общностях, к которым относятся индивиды, обладающие четкой политической идентификацией и осознающие при этом, что они находятся в меньшинстве. Речь идет о людях с высшим образованием, занятых в государственной и негосударствен-

ной сферах, исповедующих либеральные (демократические) ценности, голосовавших в период 1995–2000 гг. за представителей и лидера «Яблока». Э.Ноэль-Нойман называет подобные группы «крепким орешком», тем «меньшинством, которое “подставляет лоб” всем угрозам изоляции и не исчезает под давлением спирали молчания».[67]

По версии этой исследовательницы, возможны два типа «крепких орешков», чье поведение приоткрывает перспективы группы. К первой группе относятся те, кто мирится с изоляцией, полностью закрывает себя, отказывается от обсуждения своей политической позиции с противниками, они подобны пережившей себя секте или организации, перспективы которой находятся в очень отдаленном будущем. Ко второму типу относятся те, кто стремится высказывать свое мнение, включиться в политическую дискуссию и ощущает себя авангардом, прорвавшимся в стан врагов, вероятнее всего эти группы смогут оказать существенное влияние на политические взгляды других социальных групп и скорректировать их политическую идентичность.

Рис. 7. Графическое представление данных факторного анализа мотивов участия в выборах 1999 и 2000 гг.

[67] *Ноэль-Нойман Э.* Указ. соч. С. 242.

Третий фактор, определяющий мотивы голосования, — «клиентелизм», надежда на социальную защиту в результате личного обращения с просьбой к политикам. Это своего рода «расчетливое» голосование с символической передачей своего голоса и одновременно ответственности за свою жизнь политикам. Характерно, что многие сторонники Г. Зюганова участвуют в выборах исходя именно из этих мотивов, а не только из преданности коммунистической идеологии.

Глава 6

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

6.1. Объекты политической идентификации в условиях глобализации

В наше время все чаще политическая идентификация людей с традиционными идеологиями оказывается незначимой. «Во многих странах сейчас ведется борьба за более широкую идентичность… Мировое пространство расширяется, включая в себя космос в качестве “среды” всеобщей технологической идентичности».[1] В конце 1960-х годов, когда обнаружилась эта тенденция, основой формирования идентичности для социальных слоев со средним и высоким статусом достаточно часто выступал стиль жизни. Э. Эриксон с величайшей иронией писал по этому поводу: «Великий средний класс представляет идентичность потребителей, для которых сомнительный рецепт Петтигрю “деньги и достоинство”, видимо, подходит больше всего».[2]

Тема самоопределения личности в условиях трансформации общества связывается в том числе и с посттоталитарными изменениями (и не только в посткоммунистическом пространстве, но и в ситуации разрушения фашистских режимов). «То, что в Германии с 60-х годов называется “преодолением прошлого”, проходит болезненно и не всегда правильно еще и потому, что человек и сегодня не может адекватно воспринимать самого себя».[3] Процесс «поиска себя» в постфашистской Германии даже спустя полвека оценивается Э. Ноэль-Нойман как весьма длительный и мучительный. Но применительно к европейским государствам и США вопрос о политической идентификации ставится в на-

[1] *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М., 1996. С. 328.
[2] Там же. С. 330.
[3] *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: Открытие спирали молчания / Пер. с нем. М., 1996. С. 29.

учной литературе обычно в одной плоскости: как достоверно на основе данных о партийной идентичности и идеологических предпочтениях прогнозировать исход выборов. Означает ли это, что в условиях стабильной демократии отсутствуют проблемы, связанные с политической идентичностью граждан?

На наш взгляд, можно выделить как минимум три существенных процесса, превращающих эти проблемы в значимые: межгенерационные (межпоколенческие) изменения, сопровождающиеся ослаблением политической идентификации граждан в традиционном ее понимании, гендерные процессы и, наконец, неизбежный и совершенно явный переход промышленно развитых стран в информационную стадию (общество «третьей волны», «информационное общество» «постиндустриальное общество»).

Гипотеза о расширении оснований политической идентификации, высказанная Э. Эриксоном еще в конце 1960-х годов, безусловно, находит многочисленные подтверждения в конце XX в. В современных условиях одним из таких критериев может выступать отношение к идее глобализации.

Как бы мы ни понимали глобализацию (как влияние международных процессов на внутреннее состояние государства преимущественно в сфере экономики или как ряд процессов, формирующих единый мир), необходимо признать все возрастающую взаимозависимость существующих обществ во всех аспектах. Потенциальные последствия глобализации, согласно взглядам Р. Робертсона, могут быть представлены в четырех возможных сценариях. Первый сценарий предполагает создание «всемирной деревни» с общепланетарным консенсусом в вопросах, касающихся ценностей и идей. Второй сценарий предполагает унификацию национальных государств под эгидой некоего мирового правительства. Согласно третьему сценарию мир может представлять собой мозаику взаимно открытых суверенных национальных государств, включенных в процесс интенсивного экономического, политического и культурного обмена. Наконец, согласно четвертому сценарию мир может представлять собой мозаику закрытых ограниченных сообществ, равноправных и уникальных в своей институциональной и культурной упорядоченности или иерархических с отдельным ведущим сообществом.

При любом варианте развития событий будет вставать вопрос о национально-государственной идентичности населения стран, и идентичность эта будет носить явно политический характер. Для европейцев существенным политическим маркером самоопределения в сфере политического является отношение к объединенной Европе.

По результатам отчета программы Евробарометр, проведенного в апреле – мае 2000 г.,[4] 49% европейцев поддерживают вхождение «своей» страны в Европейский союз, 47% ощущают реальные выгоды для своего государства в результате этой интеграции. Для 43% Европейский союз имеет привлекательный образ. Только 18% опрошенных заявили, что это сообщество для них непривлекательно. Большинство европейцев не мыслят себя исключительно жителями Европы, для них это не более важно, чем быть «гражданином своей страны».

Хотя большинство граждан в девяти из пятнадцати стран-членов единой Европы заявили, что ощущают себя европейцами, когда их спрашивали, кем они видят себя в ближайшем будущем, подавляющая их часть не ощущает себя исключительно европейцами. Среднее распределение ответов на вопрос о предпочтительности европейской или национальной (государственной, а не этнической!) идентичности выглядит по 15 европейским странам следующим образом: 4% ощущают себя прежде всего европейцами, 8% ощущают себя и европейцами и представителями определенной нации, 45% — представителями определенной нации и европейцами и, наконец, 41% — только жителями своей страны.

Как видим, идентичность в данном случае (фактически для 9 человек из 10) оказывается смещенной в сторону «своего» государства. Это вполне естественно. Ведь если идеи о «Соединенных штатах Европы» высказывались еще во втором десятилетии XX в. (например, социологом М. Ковалевским), то общественное движение к объединению Европы началось только после второй мировой войны. Реальные формы экономического и политического объединения Европы проявляются лишь в течение последних двух десятилетий XX в. Безусловно, это слишком короткий отрезок времени для того, чтобы население Европы стало воспринимать себя в новом качестве.

Исключение составляет Люксембург, поскольку среди проживающих там достаточно высока доля выходцев из других европейских стран. Каждый десятый люксембуржец чувствует себя исключительно жителем Европы, еще 11% ощущают себя европейцами, а затем уже представителями определенной национальности. Во всех других странах подобные чувства испытывает значительно меньшее число людей. Национальная идентичность явно доминирует в Швеции (60%) и Великобритании (64%). Впрочем, хотя традиционные трендовые замеры, проводимые каждые полгода, обычно фиксируют крайне незначительные сдвиги в характере идентификации себя в качестве гражданина сво-

[4] http://europa.eu.int/comm/dg10/epo/

ей страны или европейца, на рубеже 1999–2000 гг. обнаружились определенные изменения, которые нельзя отнести только к погрешности измерения. Например, в Дании и Германии число людей, идентифицирующих себя исключительно с жителями своего государства, несколько уменьшилось, в Люксембурге число таких людей несколько возросло.

Статистические зависимости предпочтительной формы идентификации, рода деятельности и образования показали, что менеджеры и люди в возрасте старше 20 лет, получившие полноценное дневное образование, склонны чувствовать себя в определенной мере европейцами (75% людей, относящихся к этой категории). Пенсионеры (54% этой группы) и люди, покинувшие школу до достижения ими 15 лет (53% опрошенных данной категории), более склонны идентифицировать себя со своим гражданством или национальностью.

Также выяснилась устойчивая взаимозависимость между позитивным отношением людей к вступлению их страны в ЕС (76% случаев) и ощущением себя в определенной мере европейцами. В то же время 69% людей, оценивающих вступление своей страны в Евросоюз как «плохое дело», идентифицируют себя исключительно со своей страной. «Национальная гордость» за возможность быть гражданином своей страны присуща всем европейцам. Среднее значение этого показателя для 15 европейских стран составило 83% против 12% тех, кто совсем не гордится возможностью быть гражданином своей страны. Впрочем, средний показатель скрывает весьма существенные расхождения в показателях разных стран. Наибольшими патриотами являются жители Ирландии (98% против 1% не испытывающих гордости), Германии (97% против 2%), Финляндии (93% против 6%), Великобритании (91% против 6%). В меньшей степени испытывают гордость от факта своего гражданства жители Дании (66% против 25% отнюдь не испытывающих гордость), Бельгии (77% против 20%) и Франции (81% при 12% тех, кто безразличен к своему гражданству).

Самым простым способом объединения, позволяющим «людям избежать чувства разобщенности, слабости и беззащитности перед лицом более мощных исторических сил, бушевавших вокруг, стали объединения по этническим признакам».[5] Именно поэтому этническая идентификация в условиях глобализации не только тесно связана с политической идентификацией, но и приобретает политический характер. Этническая идентичность переплетается с политической, например, в ситуации борьбы за независимость своей страны (антиколониальное движе-

---

[5] *Фукуяма Ф.* Доверие // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 161.

ние). Часто она являет собой пример «утраченной идентичности», которая понимается как нечто существующее, но не проявленное, «безголосое», что может и должно проявиться при определенных условиях, как нечто, обретаемое заново.

Хотя стиль жизни в современных государствах становится все более унифицированным, проявляется и противоположная тенденция – к сохранению собственной культуры и языка, к противодействию инородному влиянию. Причем чем более явными становятся процессы глобализации, тем больше люди дорожат проявлениями своей этничности.

По мнению В. Г. Гильбраса, проблема национальной и национально-государственной идентификации после распада СССР, являясь результатом взаимодействия совокупности культурно-исторических доминант, превратилась в объект политической и идеологической борьбы, соперничества за умы и души россиян. Среди исследователей нет единодушия по этому вопросу. Некоторые авторы отрицают значимость этнической идентификации в политической жизни. Например, С. Г. Климова считает, что «создание сообществ на основе национальной (русской) идеи так же, как и идеологических организаций (партий), не будет иметь приоритетных идентификационных оснований, и они останутся либо экзотикой, прибежищем для маргиналов, либо виртуальными образованиями».[6] Стоит, очевидно, прислушаться к мнению К. Поппера, что мобилизация этничности является самым дешевым и надежным способом, с помощью которого может продвинуться политик, которому больше нечего предложить.

6.2. Политическая идентичность в постиндустриальном обществе

Описание «общества будущего» как информационного общества стало традиционным для обществоведов.[7] При его характеристике известный исследователь М. Кастельс, например, предпочитает использовать понятие «информациональное общество»,[8] делая акцент на том, что в этом обществе генерирование, обработка и передача информации яв-

---

[6] *Климова С. Г.* Идентификация и политический выбор // Поле мнений. 2000. Вып. 3. Апр. С. 56.

[7] Подробно об информационном обществе см.: *Нэсбит Дж., Абурден П.* Мегатенденции, год 2000. Новые направления 1990-х годов. М., 1992; *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.

[8] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура // http://www.buk.irk.ru/library/book/searchl.htm

ляются фундаментальными источниками производства и власти. В нем помимо технического переоснащения происходит структурная реорганизация производственных отношений, отношений власти и социальной практики. Основными чертами производства становятся его инновационность и гибкость как необходимые условия реагирования на конкуренцию транснациональных корпораций. Особое значение в противовес привычным навыкам профессиональной деятельности получает образование как процесс, благодаря которому индивиды приобретают способность постоянно совершенствовать необходимые для работы навыки и обращаться к соответствующим источникам информации для их развития.

В условиях сетевого общества власть, по мнению футурологов, больше не является уделом «институтов (государства), организаций (капиталистических фирм) или носителей символов (корпоративных средств информации и церкви)».[9] Активно проводится мысль о том, что в европейских и азиатских странах идет поиск новой системы социальных связей, построенных на основе реконструированной идентичности. Поиск этот обусловлен кризисом двух основных социальных институтов индустриального общества — семьи и национального государства как суверенной единицы, сопровождающим кризис той формы политической демократии, которая создавалась в течение двух последних столетий.

Становление информационного общества не предполагает уничтожения культурного и институционального разнообразия государств. Не исчезает и власть. Она по-прежнему регламентирует жизнь граждан, правит обществом. Новая власть заключается «в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей».[10]

Меняется отношение населения к государственному аппарату. Граждане, по мнению М. Кастельса, начинают голосовать не для того, чтобы предъявить государству свои требования, но чтобы защититься от него. Вот почему столь важна и, в конечном счете, столь могущественна самобытность личности в этой постоянно меняющейся структуре власти: на основе индивидуального опыта формируются интересы, ценности и планы будущего развития, устанавливаются связи с природой, пишется

---

[9] *Кастельс М.* Власть идентичности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 304.

[10] Там же.

история, создается культура. «Самобытность становится главным центром культуры на целом ряде участков социальной структуры, ведя отсюда свое сопротивление или свое наступление в информационной борьбе за культурные коды и кодексы, формируя поведение человека и тем самым новые институты».[11] В новых условиях информационная политика осуществляется с помощью манипулирования символами в средствах массовой информации, персонализированное лидерство и стратегические игры приходят на смену классовым объединениям, идеологической мобилизации и партийному контролю, столь характерным для политики индустриальной эры.

В современном обществе, вступившем в стадию информационного развития, по мнению Ф. Фукуямы, за последние годы резко сократилась устойчивость традиционных идентификационных групп. Сообщества, основанные на морально-нравственных ценностях, из которых состояло гражданское общество середины XX в. — «семья, объединения общественности по месту жительства, церковный приход, место работы, — подверглись суровым испытаниям, и, судя по некоторым признакам, общий уровень социализации понизился».[12]

Очевидно, следует согласиться с тем, что теперь в рамках только классической марксистской методологии, используя теорию классового сознания, невозможно объяснить ни основные причины классовых конфликтов, ни феномен политической самоидентификации людей. «Сегодня реальное классовое противостояние еще не определяется тем, каково самосознание того или иного члена общества, или тем, к какой социальной группе или страте он себя причисляет».[13]

В 1990-х годах многие авторы уже признавали, что основой деления постиндустриального общества на страты больше не являются отношения собственности, принадлежность человека к определенной социальной группе, отождествляемой с определенной общественной функцией. В публикациях Р. Инглехарта и А. Турена значительное внимание уделено статусным проблемам, в том числе связанным «с самоопределением и самоидентификацией отдельных страт внутри среднего класса, мотивацией деятельности тех или иных групп».[14] Среднему классу, «столпу» общества стабильной демократии, в постиндустриальном обществе будет уготована, по мнению этих авторов, нестабильность. «Эта

---

[11] Там же. С. 304–305.

[12] *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 153.

[13] *Иноземцев В. Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 205–206.

[14] Там же. С. 202.

общественная страта чрезвычайна аморфна и выделяется прежде всего на основе психологического самоопределения значительной части граждан».[15]

Еще в начале 1970-х годов один из основоположников теории постиндустриального общества Д. Белл утверждал, что в новом сообществе традиционный пролетариат придет в упадок и сохранится лишь как второстепенная социальная группа. Эти процессы будут сопровождаться растущей дифференциацией наемных работников физического труда (следовательно, и само единство классового сознания, и адекватность идентичности, и степень сплоченности группы постепенно будут размываться). Исследователи делают выводы о снижении в обществе роли рабочего класса и неизбежности формирования класса технократов на том основании, что в постиндустриальном обществе основным ресурсом высоких статусных позиций будет знание, а оно не может быть приобретено в ходе коллективных действий, которые долгое время обеспечивали единство и самосознание единой группы прежде всего рабочего класса. По мнению многих авторов, рабочее движение исторически себя изжило. Это не значит, что оно должно полностью исчезнуть (пусть даже во многих частях мира его значение снижается) и до конца потерять свою актуальность. «Ведь профсоюзы сохраняют свое политическое влияние во многих странах… в условиях сетевых структур… рабочее движение вряд ли способно возродить из своих недр такую устремленную в будущее самобытность, которая сможет восстановить социальный контроль и социальные институты в информационный век».[16] Страдая от интернационализации финансовой и производственной сфер, неспособности адаптироваться к сетевой структуре фирм, к индивидуализации труда, сталкиваясь с проблемой изменения пропорций занятости в результате исчезновения разделения работников по признаку пола, рабочее движение перестает выступать в качестве основного фактора социальной сплоченности и представителя интересов рабочего класса. Оно не исчезает, но становится главным образом политическим агентом, одним из привычных социальных институтов.[17] При этом проблемы эксплуатации наемной рабочей силы и присвоения доходов не исчезают. Но если индустриальное общество было обществом эксплуатации, то грядущее информационное общество будет обществом отчуждения.[18]

Свой потенциал в качестве самостоятельных носителей социальных

---

[15] Там же. С. 180.
[16] *Кастельс М.* Власть идентичности. С. 305.
[17] Там же. С. 296–297.
[18] *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 179.

перемен исчерпали, по мнению футурологов, и политические партии. Их сгубила логика информационной политики, а основные платформы во многом утратили свою актуальность. Однако партии по-прежнему выступают в качестве важных инструментов, позволяющих преобразовать требования общества (выражаемые социальными движениями) в факторы национальной, международной и наднациональной политики. «И действительно, если социальным движениям приходится разработать новые коды и кодексы, в рамках которых возможно переосмысление и восстановление общества, то политические партии определенного рода (не исключено, что в их новом, информационном исполнении) по-прежнему выступают в качестве важнейших носителей социальных преобразований, обеспечивающих институционализацию. Они служат не столько могущественными инноваторами, сколько влиятельными брокерами».[19]

С 1950-х годов, по данным политолога Р. Патнэма, резко сокращается количество членов добровольных объединений. «Объединения на основе общих ценностей, члены которых готовы подчинить свои частные интересы целям сообщества, встречаются все реже».[20]

Не менее пессимистические выводы делают футурологи и относительно роли политических взглядов и идеологий в качестве «меток» политической самоидентификации граждан. «Политические доктрины, основывающиеся на промышленных институтах и организациях, начиная от демократического либерализма, зиждущегося на национальном государстве, и кончая опирающимся на труд социализмом, в новых социальных условиях оказываются лишенными своего практического смысла. В результате этого они теряют привлекательность и в стремлении выжить идут по пути бесконечных мутаций, болтаясь за спиной нового общества, как пыльные знамена забытых войн».[21] В результате у идеологий иссякают истоки того, что М. Кастельс называет «легитимной самобытностью» (identity).

Каким образом тогда в постиндустриальном обществе может проявить себя такой вид установок сознания, как идентичность? Основной признак современного общества для М. Кастельса — порождение множества виртуальных сообществ, сетевая логика его базовой структуры, организующим принципом при этом выступают первичные идентичности, определяемые им как процесс самопознания и конструирования смыслов действия. М. Кастельс полностью принимает мысль А. Турена

---

[19] *Кастельс М.* Власть идентичности. С. 305–306.
[20] *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 154.
[21] *Кастельс М.* Власть идентичности. С. 297.

о том, что в постиндустриальном обществе идея защиты личности, ее самобытности и культуры заменяет идею классовой борьбы. Но, по его утверждению, в современном мире наблюдается тенденция увеличения дистанции между глобализацией и идентичностью, между сетевыми структурами, олицетворяющими современное общество, и «Я». Показателем кризиса является, например, увлечение молодым высокообразованным поколением идеями «Аум Синрикё», подъем фундаментализма, развитие расизма и ксенофобии в европейских странах.

В целом характерная для информационного общества автономная идентичность возникает вне институтов гражданского общества. При описании постиндустриального общества «постмодернисты переносят акцент с понятия “мы”, определяющего черты индустриального общества (при всем присущем ему индивидуализме), на понятие “я”».[22]

Как видим, при описании процесса становления информационного общества некоторые исследователи склонны понимать идентификацию не как осознание принадлежности к какой-либо группе, а как самобытность, уникальность. «Триумф индивида», расцвет индивидуальности — вот тема, объединяющая взгляды практически всех футурологов на информационное общество. Именно в таком ключе необходимо понимать «субъект» А. Турена. Важнейшей целью большинства людей становится развитие их собственной личности. Интересы, оказываясь не унифицируемыми, перестают быть взаимоисключающими и потенциально враждебными. Грядет «эпоха, когда основные интересы большинства людей выходят за традиционно понимаемые материалистические пределы и поэтому не пересекаются друг с другом как взаимоисключающие».[23] В силу этого «субъект» (по терминологии А. Турена) относится к «другому» не как к врагу, а как к «субъекту», точно так же стремящемуся к двойному освобождению и творению самого себя. Свобода и формы социальной жизни, благоприятные для утверждения своей самобытности, — вот те цели, которые индивид в полной мере может попытаться реализовать в постиндустриальном обществе.

Что при этом может произойти с институтами власти и с теми политическими организациями, которые в индустриальном обществе выражали политические интересы основных групп? Они или отомрут или изменят свои цели и характер деятельности. «Децентрализованный, неуловимый характер сетевых структур социальных изменений столь затрудняет восприятие и идентификацию новой самобытности, устремленной в будущее, которая складывается сегодня. Наше историческое

---

[22] *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 24.
[23] Там же. С. 39–40.

зрение так привыкло к стройным колоннам, ярким знаменам и писанным прокламациям, провозглашающим социальные преобразования, что мы теряемся, когда сталкиваемся с подспудно проникающими повсюду все более широкими изменениями в мире символов, пропущенных через фильтры самых различных сетевых структур, вдали от центров власти. Именно на задворках общества, будь то альтернативные электронные сети или самые низовые сети сопротивления общества, я усматриваю зародыш нового общества, в муках рождаемый историей благодаря могуществу самобытности».[24] Личности изменяют себя прежде, чем изменить общество. Во многих случаях они действуют даже более эффективно, чем социальные институты.

Очевидно, что почва для конфликтов, в том числе и политических, в постиндустриальном обществе все же останется, поскольку оно, утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства. Но критерием подобного деления станет «уже не собственность на материальные блага, а личностные качества человека, и в первую очередь его способность оперировать информацией и знаниями, создавать новые информационные продукты или хотя бы адекватно усваивать уже имеющиеся».[25] Глобализация отнюдь не противоречит формированию нового типа индивидуализма, поскольку последний предполагает развитие ответственности индивида не только за свои собственные поступки, но и за действия человечества в целом. Триумф индивидуальной ответственности противостоит безответственности коллективной.

М.Кастельс в изданной в 1997 г. монографии «Power of Identity» предлагает весьма нетрадиционное воззрение на идентификацию (как самобытность) в постиндустриальном обществе. Он выделяет три типа идентичности: «легитимизирующую» (legitimizing identity), «сопротивления» (resistance identity), «проективную» (project identity). Первый вариант идентичности порожден индустриальным обществом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, второй связан с переходом к новому типу ценностей, создаваемых локальными общностями, третий определяется формированием личности, субъекта.

М.Кастельс относит к движениям, стремящимся порвать со старым обществом в целом, национализм, локализм, этнический сепаратизм, культурные общины, феминизм, инвайроментализм. Но эти движения основаны на идентичности сопротивления. М. Кастельс ставит вопрос о переходе от «идентичности сопротивления» к «идентичности проекта».

---

[24] *Кастельс М.* Власть идентичности. С. 308.
[25] *Иноземцев В. Л.* Указ. соч. С. 165.

«Распад единой самобытности, равнозначный распаду общества как разумной социальной системы, вполне может оказаться приметой нашего времени. Ничто не говорит о возникновении новых форм самобытности, о том, что социальные движения будущего должны воссоздать цельность общества, что появятся новые институты, обращенные в светлое завтра».[26] Означает ли это, что в новом обществе не будет системы иерархически упорядоченных форм идентичности? «На первый взгляд мы становимся свидетелями мира, который состоит из одних рынков, сетей, индивидуумов и стратегических организаций, подчиняется структурам "рациональных ожиданий"… Этот новый мир не испытывает необходимости ни в какой форме самобытности: базовые инстинкты, рычаги власти, нацеленность на собственные интересы, а на социальном уровне отчетливые черты кочевника-варвара… угрожающего разрушить все границы и делающего проблематичным международные политико-юридические и цивилизованные нормы».[27] Но «видимость» не соответствует действительности.

М.Кастельс обращает внимание на становление мощной «самобытности сопротивления», которая находит себе «опору в ценностях сообщества и не поддается напору глобальных тенденций и радикального индивидуализма. Такая самобытность строит свое сообщество на традиционных ценностях Бога, нации и семьи, возводя укрепления вокруг своего лагеря, созданного по этническому и территориальному признакам. Самобытность сопротивления не ограничивается традиционными ценностями. Она также может строиться при помощи (и вокруг) проактивных социальных движений, пока они не наберутся достаточно сил для того, чтобы подняться в наступление против институтов угнетения, которым они противостоят. В целом это справедливо в отношении женского движения, создающего свое пространство там, где может формироваться новое антипатриархальное сознание… самобытность сопротивления получает в обществе сетевых структур столь же повсеместное распространение, как и индивидуализм, что является результатом исчезновения некогда существовавшей легитимизирующей самобытности, на основе которой в промышленную эпоху строилось гражданское общество».[28] Однако проблема этой самобытности заключается в том, что она только сопротивляется, а в коммуникацию вступает крайне редко, игнорируя контакты с государством, за исключением случаев борьбы и проведения переговоров с ним по поводу защиты своих особых интере-

---

[26] *Кастельс М.* Власть идентичности. С. 297.
[27] Там же. С. 298.
[28] Там же. С. 298–299.

сов и ценностей. «Самобытность сопротивления» строится на четко определенных принципах, в соответствии с которыми понятия «свой» и «чужой» определены раз и навсегда, а индивидуальные самоопределения в ее рамках не приветствуются.

По мнению М. Кастельса, в обществе сетевых структур складывается отнюдь не гармоничная структура, поскольку логика групп с различной идентичностью является взаимоисключающей, а их существование отнюдь не мирным. Элиту в обществе сетевых структур, как правило, формируют «граждане мира», обладающие наименее выраженной самобытностью. Одновременно с ними сосуществуют и люди, которые сопротивляются утрате своих привилегий в различных сферах общества и тяготеют к самобытности сообщества.

Третий слой формируют представители самобытности сопротивления. На базе последнего слоя в будущем может возникнуть «самобытность, устремленная в будущее» (project identity), которая в теории способна создать нечто подобное новому гражданскому обществу и в конечном счете новое государство. Идентичность, устремленная в будущее, создается не из старых форм идентичности, характерных для гражданского общества, а из «идентичности сопротивления».

По мнению М. Кастельса, «идентичность сопротивления» ныне проявляется в женских движениях, экологическом движении. Принцип экологистов и женских движений — контроль за временем и постановка технологий на службу людям. При этом под напором женских движений в наибольшей степени разрушается оплот идентичности индустриального общества — патриархальная семья. «Они дорожат своей исторической памятью, утверждают непреходящее значение своих ценностей в борьбе против распада истории в условиях исчезновения времени, против эфемерных компонентов культуры виртуальной реальности. Они используют информационную технологию для горизонтальной коммуникации между людьми, для проповедования ценностей сообщества, отрицая новое идолопоклонство перед технологией и оберегая непреходящие ценности от разрушительной логики самодовлеющих компьютерных сетей».[29]

Социальные движения, возникающие на основе сопротивления глобализации, изменения структуры капитала, создания организационных сетей, неконтролируемого информационализма и доминирования мужчин, другими словами, экологисты, феминистки, религиозные фундаменталисты, националисты, местные движения — все они (в настоящее время) являются потенциальными субъектами информационного века.

[29] Там же. С. 302.

«Те силы, которые являются выразителями устремленной в будущее самобытности, направленной на изменение культурных кодексов и кодов, неизбежно должны выступать в качестве носителей символов. Они должны воздействовать на культуру виртуальной реальности, которая обеспечивает рамки коммуникаций в обществе сетевых структур, видоизменяя ее в интересах альтернативных ценностей и вводя новые коды и кодексы, обусловленные такой активной самобытностью самостоятельного характера… Существуют две категории таких сил. К первой я отношу так называемых пророков. Это символические персоналии, роль которых заключается не в том, чтобы выступать в качестве харизматических лидеров или тонких стратегов, а в том, чтобы олицетворять (при помощи своего истинного лица или маски) то недовольство, которое имеет символическое значение; они выступают от имени недовольных. Таким образом лишенные голоса мятежники обретают голос, а их самобытность получает возможность включиться в мир борьбы за символы, имея при этом определенный шанс завоевать власть (в умах людей)».[30]

В качестве примеров подобного образа М. Кастельс приводит лидеров националистического движения за отделение Каталонии от Испании, мексиканских сапатистов, экологистов, борцов за гражданские права, лидеров фундаменталистских версий мировых религий и тоталитарных сект и т. д. Все они являются пророками в том смысле, что «провозглашают путь, утверждают ценности, выступают в качестве распространителей символов, сами становясь символами, так что их идеи оказываются неотторжимыми от их носителей. Периоды крупномасштабных исторических преобразований, зачастую осуществлявшихся в условиях гибели институтов и старения прежних форм политической жизни, всегда были временами появления пророков. В еще большей степени это должно проявиться при переходе к информационному веку, другими словами, к социальной структуре, организованной вокруг информационных потоков и манипуляции символами».[31]

Но второй и основной силой, обнаруженной при изучении социальных движений, является «сетевая, децентрализованная форма организации и вмешательства, характеризующая новые социальные движения, которая служит отражением и противовесом доминирующей логике сетей в информационном обществе».[32] Взгляды М. Кастельса подвергаются активной критике, поскольку он переоценивает роль социальных движений.

---

[30] Там же. С. 306.
[31] Там же. С. 307.
[32] Там же. С. 308.

6.3. Гендерный аспект политической идентификации

Анализ личностных или поведенческих особенностей мужчин и женщин не является чем-то новым в современной науке. В социальной психологии, социологии и политической науке присутствуют рассуждения о половых ролях, связанных с мускулинностью или феминностью, о гендерной идентичности, моделях голосования, представительстве женщин во власти, о феминистском движении, фактической дискриминации женщин в современном обществе по половому признаку и даже о феминистской политической теории.[33] Другое дело, что для большинства авторов эти проблемы не интересны, что «женщины нет» (Дж. Лакан) как субъекта с большой буквы, а потому ее нет и как объекта исследования. Теории, в том числе социальные, культурологические и политические, создаются как бы для бесполых существ (фактически — мужчинами и для мужчин). Вместе с тем различия в менталитете и поведении женщин и мужчин заслуживают специального анализа хотя бы из прагматических соображений. Невозможно, например, эффективно выстроить стратегию избирательной кампании кандидатов, создать партийные программы и лозунги, реализовать социальные программы в системе исполнительной власти и т. д. без учета гендерного фактора.

Рассмотрение обозначенной в названии параграфа проблемы предполагает анализ нескольких аспектов. Речь, во-первых, должна идти о роли женщины в политической социализации детей и о ее способности передавать политические убеждения другим членам семьи. Во-вторых, необходимо поставить вопрос о способах самореализации женщин в политике. В-третьих, встает вопрос о гендерной солидарности в процессе голосования. В-четвертых, необходимо уделить внимание взглядам феминисток на проблему политического равенства женщин.

Еще в начале 1970-х годов американские исследователи установили, что фактические роли родителей в семье являются важным фактором политической социализации, поскольку относительное доминирование матери или отца влияет на политические установки детей. Большинство детей растет в семьях, где родители разделяют сходные политические взгляды, имеют общую политическую идентичность. По данным американских исследователей К. Дженнингса и Р. Ниеми, в таких семьях

---

[33] *Брайсон В.* Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 166–240; *Гидденс Э.* Социология. М., 1999. С. 160–164, 172–174, 309–312; *Женщина* не существует: Современные исследования полового различия // Сборник статей / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар, 1999. С. 27–34; *Российская* социологическая энциклопедия. М., 1998. С. 90; *Политическая* наука: Новые направления. М., 1999. С. 294, 432, 462; *Politics* towards Women and Women in Politics. Vilnius, 1999. P. 67–71.

именно мать играет ключевую роль в донесении до ребенка политических установок. Там, где политические взгляды родителей различаются, прослеживается тенденция бóльшего влияния отца, но ребенок не усваивает автоматически его взгляды. Установки родителей определяют и то, насколько ребенок будет интересоваться политикой. Дети из семей, в которых доминирует мать (особенно там, где мужчин нет вообще), менее склонны интересоваться политикой и участвовать в ней, чем в тех семьях, где доминирует отец.

Семья является определяющей и в ориентации детей на какую-либо партию. Отклонение от партийной привязанности родителей проявляется ярче, если они имеют «слабую» политическую самоидентификацию, и встречается реже в тех семьях, где родители имеют «сильную» партийную идентификацию. Если партийная идентификация родителей различается, то более влиятельной окажется позиция матери. Однако в рабочих семьях молодежь, имеющая только школьное образование, лучше усваивает политическую идентификацию отца.[34]

Семейные отношения формируют различные типы полоролевых идентификаций (личностную и ролевую, или позиционную, по терминологии Н. Чодороу) у мальчиков и девочек. Возможно, что аналогичные различия будут наблюдаться у мужчин и женщин при политической идентификации. Личностная идентификация предполагает «идентификацию с личностью вообще, особенностями поведения, ценностями и взглядами кого-то другого. Ролевая идентификация, напротив, заключается в идентификации со специфическими аспектами роли другого и необязательно приводит к принятию ценностей и взглядов идентифицируемого человека».[35] Личностная идентификация связана с эмоциональным восприятием конкретного объекта подражания и в большей степени характерна для периода ранней социализации. Ролевая (позиционная) идентификация характерна в основном для мужчин. Но общий тон публикаций Н.Чодороу демонстрирует ее уверенность в том, что личностная идентификация остается значимой для большинства женщин на протяжении всей их жизни. Вывод из этих взглядов однозначен: женщине надлежит «преодолеть первичную идентификацию, сохраняя и выстраивая вторичную»,[36] а это возможно лишь в случае ее способности ощущать себя в качестве отдельного индивидуума. Для мужчин их

---

[34] *Nimmo D., Ungs T.* Political Patterns in America: Conflict Representation and Resolution. San Francisco, 1979. P. 144–145.

[35] *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 33.

[36] Там же. С. 35.

«безотношенческая, экономическая и политическая дефиниция формирует их остальную жизнь».[37] Формы социализации и идентификации мужчины прежде всего как участника публичной, неличностной экономической и политической сфер воспроизводит ситуацию, в которой «хотя семьи все больше и больше зависят от дохода обоих супругов, классовое положение идеологически является следствием того, чем занимается мужчина. Соответственно на жену смотрят как на получающую свой статус и классовое положение от мужа, даже если она также является частью рабочей силы и вносит свой вклад в поддержание стиля жизни семьи. Ее рассматривают как представительницу своей семьи, тогда как ее мужа как независимую личность».[38] В российской политологии эти проблемы до сих пор активно не поднимались.

Необходимо поставить вопрос и о «мужском» стиле поведения женщин-лидеров как наиболее адекватном (гарантирующем успех) способе действий в «мире мужской политики». В работах замечательного социального психолога Э.Эриксона мы встречаем сакраментальное утверждение: «Женщины-лидеры склонны к постоянной морализаторской или резкой манере общения».[39] Формально с такой установкой согласиться можно, если вспомнить о «железной леди» М. Тэтчер. Но не являются ли манеры женщин-лидеров лишь вынужденной реакцией на установки «мужского мира в политике»?

Косвенным образом в пользу этого тезиса свидетельствует и отношение избирателей к различным типам женщин-политиков.[40] Например, депутаты Государственной Думы О. Дмитриева и И. Хакамада олицетворяют собой образы «интеллигентной интеллектуалки» и «деловой женщины». Они известны своими либеральными взглядами, обе представляют интересы избирателей Санкт-Петербурга. Но О. Дмитриева пользуется у петербуржцев бóльшим доверием и поддержкой. Не знают ее 32,9% петербуржцев, но при этом ей доверяют 28,2%, а не доверяют 28%. И. Хакамаду не знают только 4,6% горожан, доверяют ей 24,7%, но при этом уровень недоверия является очень высоким — 58,1% (см. рис. 8).

Для получения более наглядной картины отношения петербуржцев к депутатам вычислим индексы известности и доверия. Индекс извест-

---

[37] Там же. С. 40–41.

[38] Там же. С. 37–38.

[39] *Эриксон* Э. Указ. соч. С. 279.

[40] Телефонный опрос был проведен ЦЭПИ философского факультета СПбГУ в ноябре 2001 г. по заказу «СН-Фонда». Объем выборки составил 1800 респондентов, параметры выборки контролировались по следующим признакам: пол, возраст, образование, доля неработающих.

ности рассчитывается как отношение разности числа респондентов, высказавших какую-либо оценку политику, и тех, кто ничего не знает о нем, к общему числу опрошенных. Индекс доверия рассчитывается как отношение разности позитивно и негативно относящихся к политику к числу тех, кто имеет определенное (выраженное) отношение к политику. Индекс известности О. Дмитриевой равен +0,342, индекс доверия составляет +0,003. Индекс известности И. Хакамады равен +0,908, индекс доверия составляет -0,382.

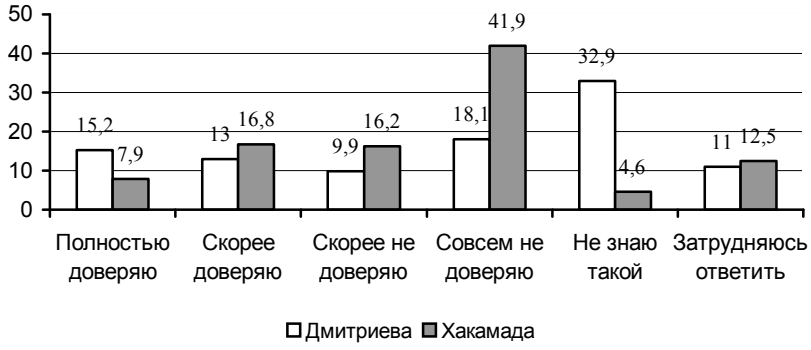

Рис. 8. Степень доверия петербуржцев О. Дмитриевой и И. Хакамаде (в %).

О. Дмитриеву поддерживают в основном женщины с высшим образованием, работающие в области культуры, здравоохранения и науки, а также пенсионерки. Мужчины относятся к ней с крайним недоверием (см. рис. 9). Подобное различие в отношении к И. Хакамаде мужчин и женщин в данном исследовании не было обнаружено. Основная группа поддержки лидера СПС — студенты.

Политический «вес» лидера СПС И. Хакамады, безусловно, больше. О. Дмитриева, как известно, работала в правительстве Российской Федерации в течение очень короткого срока. Судя по всему, образ «деловой женщины» И. Хакамады менее привлекателен для жителей Санкт-Петербурга, чем образ «умного профессионала» О. Дмитриевой. Она воспринимается не только как депутат, соответствующий «политическому стилю» Санкт-Петербурга, но и как очень интеллигентная, «домашняя», «уютная» женщина (многие респонденты знают, что у О. Дмитриевой маленький ребенок, она экономист, доктор экономических наук, профессор Финансово-экономической академии, была в рядах

«Яблока»). Опасность заключается в том, что в глазах избирателей, по их собственным высказываниям, она может превратиться в этакую «домохозяйку в Думе».

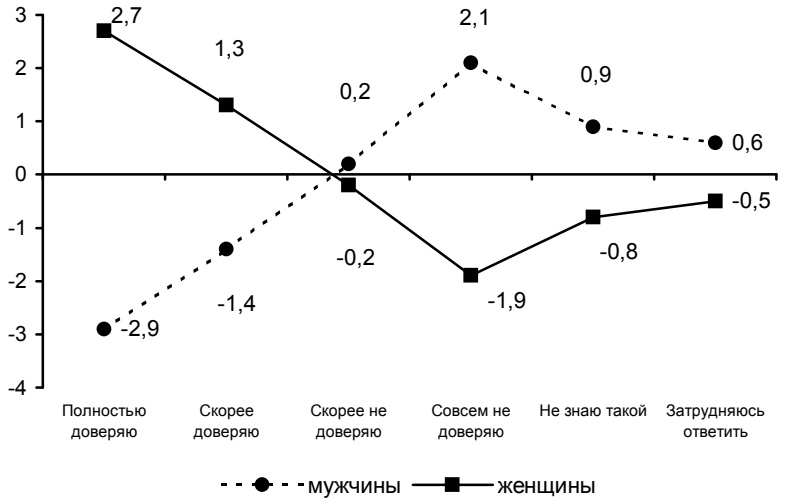

Рис.9. Степень доверия мужчин и женщин О. Дмитриевой (стандартизованные остатки).

В наибольшей степени доверяют депутатам-женщинам люди с высшим образованием (для И. Хакамады стандартизованный остаток равен +1,9). Значение стандартизованного остатка «полного доверия» и «частичного доверия» О. Дмитриевой у респондентов с высшим образованием равно соответственно +2,1 и +2,3. В большей степени, чем другим группам, О. Дмитриева известна респондентам с незаконченным высшим образованием, но склонны «полностью доверять» ей пенсионеры, «скорее доверять» — работники культуры, образования и здравоохранения (стандартизованные остатки равны соответственно +2,1, +8,8 +1,8). «Скорее не доверяют» О. Дмитриевой инженеры и технические работники, а также работники сферы услуг (стандартизованные остатки равны соответственно +2,1 и +3,2).

Для рабочих, домохозяек и учащихся техникумов (стандартизованные остатки равны соответственно +2,3, +2,3, +4,2) О. Дмитриева своего рода terra incognita. И. Хакамаде, в отличие от О. Дмитриевой, склонны «скорее доверять» студенты и учащиеся, но пенсионеры ей не доверяют абсолютно (стандартизованные остатки равны соответственно +3,3,

+4,0). О. Дмитриевой склонны «совсем не доверять» люди с доходом до 1000 руб., наименее информированы о ней люди с доходом выше 4000 руб. на каждого члена семьи (стандартизованные остатки равны соответственно +2,0 и +2,1). В большей степени ей доверяют горожане с доходом от 1000 до 2000 руб. на одного человека. И. Хакамаде скорее склонны доверять люди с доходом выше 4000 руб. (стандартизованный остаток равен +2,3). Респонденты с доходом от 1000 до 2000 руб. не доверяют ей в той или иной степени.

В отношении О. Дмитриевой наблюдается взаимосвязь между доверием к ней и возрастом респондентов: чем старше респонденты, тем в большей степени они доверяют депутату (см. рис. 10). При этом самые молодые избиратели вообще не знают о существовании О. Дмитриевой (стандартизованный остаток равен +7,2). Следует обратить внимание на то, что избиратели в возрасте 40–49 лет (люди, которые предрасположены к поддержке либеральных ценностей и правоцентристских партий) не склонны ей доверять (стандартизованный остаток равен –1,8).

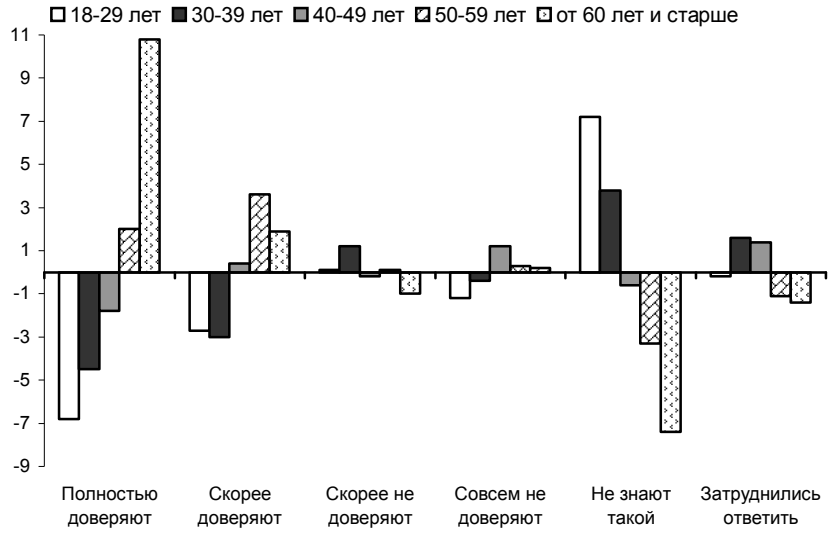

Рис.10. Степень доверия О. Дмитриевой респондентов разного возраста (стандартизованные остатки).

Отношение к И. Хакамаде различных возрастных групп (см. рис. 11) принципиально отличается от отношения респондентов к О. Дмитриевой.

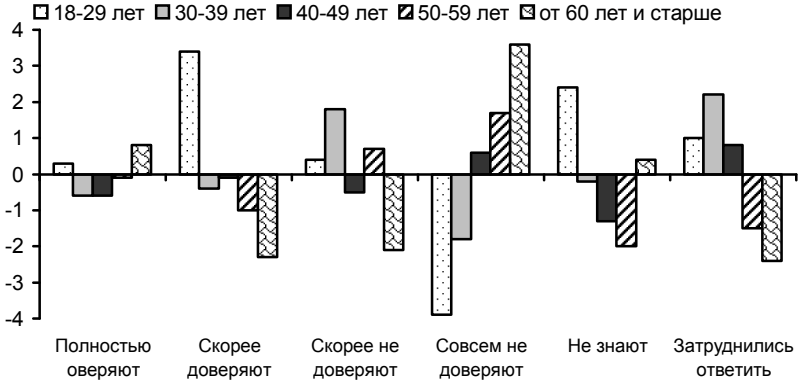

*Рис. 11.*Степень доверия к И. Хакамаде различных возрастных групп (стандартизованные остатки).

Ни одна из возрастных когорт не склонна полностью доверять лидеру СПС. «Скорее доверяют» И. Хакамаде респонденты в возрасте от 18 до 29 лет, но именно эта когорта наименее информирована о существовании И. Хакамады (стандартизованные остатки равны соответственно +3,4 и +2,4). «Скорее не доверяют» ей 30–39-летние горожане (стандартизованный остаток равен +1,8). Наибольшее неприятие И. Хакамада вызывает у людей старших возрастных групп: для 50–59-летних респондентов, выбравших значение «совсем не доверяю», стандартизованный остаток равен +1,7, для респондентов старше 60 лет он равен +3,6. Только у группы 40–49-летних петербуржцев нет преобладания каких-либо оценок лидера СПС.

Анализ корреляции двух показателей (уровень доверия И. Хакамаде и О. Дмитриевой) показал наличие связи между ними (коэффициент Пирсона равен 0,369). Люди, полностью или отчасти доверяющие одной женщине-депутату, склонны доверять в такой же степени и другой (6,1% всех опрошенных; стандартизованные остатки равны соответственно +5,2 и +3,8). Не доверяющие отчасти или полностью И. Хакамаде и О. Дмитриевой (18,9% опрошенных) также составляют устойчивую группу (стандартизованные остатки равны соответственно +7,3 и +11,5). Абсолютно аполитичных респондентов, которые не знают о существовании этих женщин-политиков, крайне немного — 3,8% опрошенных, но они также составляют устойчивую группу (стандартизованный остаток равен +7,9). Наконец, 6,7% опрошенных не могут оценить степень доверия этим депутатам (стандартизованный остаток равен +19,3).

Весьма интересную категорию представляют респонденты, одновременно доверяющие одному депутату и не доверяющие другому. Только 4,7% всех опрошенных респондентов в той или иной степени доверяют И. Хакамаде и одновременно не доверяют О. Дмитриевой. Но 16,9% респондентов доверяют О. Дмитриевой и одновременно не доверяют И. Хакамаде. Как мы видим, наиболее эффективным «рупором» элиты для петербуржцев может быть именно О. Дмитриева. При этом необходимо иметь в виду, что оба политика известны как представители «правого спектра» политического поля.

Вопрос о политической идентичности женщин подразумевает другой: насколько осознание себя как женщины и гендерная солидарность влияют на электоральное поведение, насколько избирательницы готовы поддерживать политические амбиции женщин? Картина, во всяком случае в Санкт-Петербурге, в этом смысле не радужная. В декабре 1998 г. на выборах в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга во второй тур вышли девять кандидаток, победу во втором туре одержала только одна из них. Весьма примечательно, что даже в таком городе, как Санкт-Петербург, избиратели, а точнее, избирательницы (поскольку их активность значительно выше), «с упорством, достойным лучшего применения, не голосуют за представительниц прекрасного пола».[41]

По мнению многих исследователей и общественных деятелей, женщина не должна посягать на политику как на сферу деятельности, априори считающуюся «вотчиной сильной половины человечества»: «Чрезвычайно одаренное, но несколько инфантильное человечество с увлечением играет в исторические и технологические игры и воспроизводит такую же поразительно простую (несмотря на ее технологическую сложность) модель мужского поведения».[42] Вероятно, в подобном отношении, воспроизводящемся из поколения в поколение, коренится причина упорного нежелания россиян и россиянок голосовать за женщин-кандидатов на различные политические посты, равно как и причина упорного нежелания самих женщин участвовать в «политических гонках с мужчинами».

Между тем в Западной Европе женщины весьма комфортно чувствуют себя в структурах власти. В Швеции в органах управления представительство каждого пола должно быть не меньше 40%. В 2000 г. в Германии в бундесрате, включающем представителей земельных прави-

---

[41] *Мищенко А. С.* Гендерные аспекты электорального поведения в ходе выборов в Законодательное собрание Санкт-Петербурга в 1998 году // Выборы в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты. СПб., 2000. Т. 1. С. 150.

[42] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 288.

тельств, 41 сенатор из 69 — женщины (больше 50%). Для сравнения: у нас в Совете Федерации в это время работала только одна женщина. В 2002 г. членами Совета Федерации (всего их 168) стали лишь шесть представительниц прекрасного пола (3,6%). В США среди 100 сенаторов женщины составляют 15%. В нижней палате российского парламента удельный вес женщин равен 7,7%.

Безусловно, заслуживают внимания феминистское движение (все три его направления: либеральное, марксистское и радикальное) и проблема реализации в рамках этого движения не только формальных политических прав женщин, но и возможности борьбы за социальные права (в частности, за реальное социальное равенство). Как известно, «даже там, где равенство было достигнуто в наибольшей мере, оно не стало равноценным, а равные права ни в коей мере не обеспечили равное представительство женщин в борьбе за власть».[43] В этой связи возникает вопрос: какими средствами и в каких формах реализует женщина свою потребность в идентичности, в том числе и в политической? Обсуждение «особенностей» женщин с точки зрения феминизма предполагает изначальное неравенство. Оно неизбежно ведет к обсуждению проблемы, может ли быть женщина «полноценным человеком», как будто у кого-то есть безусловное право на обладание качествами этого мифического существа.

Э.Эриксон высказывал достаточно спорные мысли относительно представительниц феминистского движения. Для него феминистки — женщины, относящиеся к себе как к людям второго сорта, в результате чего возникает кризис идентичности и потребность реализовать себя в нехарактерной для женщин сфере деятельности – в общественной жизни. Впрочем, не только в далеких 1960-х годах к женскому движению относились с подозрением. Не так много найдется исследователей-мужчин, готовых признать право женского движения на существование, особенно марксистской или радикальной его ветви. Исключение составляют весьма немногие авторы, например, Э. Гидденс (Лондонская школа экономики) или М. Кастельс (Информационное общество).

Социальная активность женщин в области политики связывается в западноевропейских странах и в Северной Америке прежде всего с феминистским движением (в любых их проявлениях, будь то борьба женщин за свои избирательные права, митинги суфражисток или современные центры поддержки женщин, защищающие их социальные права). Сами радикальные феминистки определяют феминизм как политическое движение и признают падение интереса к нему в западном общест-

---

[43] *Эриксон Э.* Указ. соч. С. 274.

ве в последние десятилетия XX в. именно в таком качестве. Описание состояния феминистского движения в США, изобилующее эмоциональными и весьма спорными фразами о «невозможности солидарности между женщинами» и «политической наивности женщин как части женской судьбы в культуре, где доминирует мужчина»,[44] ставят под сомнение саму возможность анализа политической идентификации женщин авторами-феминистками. Является ли самоидентификация женщины в качестве феминистки политической по своей сути? Радикальные феминистки в США, начиная с 1960-х годов, настаивали на таком самоназвании, чтобы дистанцироваться от либерального женского движения в рамках политического истеблишмента демократической и республиканской партий.

Известный слоган феминисток – «Личная жизнь – это политика» – отражал понимание власти и политики как сферы взаимоотношений социальных групп, основанной на возможности одной или нескольких групп контролировать другие. В этот период (1960–1970-е годы) радикальный феминизм был связан с идеологией марксизма, с идеями «новых левых». Но при этом предполагалось, что разделение человечества по полу, история угнетения женщин мужчинами может рассматриваться как модель любого угнетения, будь то классовое, этническое или религиозное. В основе гендерного мужского доминирования, по мнению радикальных феминисток, лежит экономическое неравенство женщин. Означает ли это, что в условиях России, когда женщины подчас являются основными «кормильцами» своих семей, и не только детей, но и мужей, равенство в бесправии снимает вопрос о социальном и политическом неравноправии по признаку пола? Вопрос без ответа… Возникает и другой вопрос. Будет ли решена эта проблема в случае осуществления прогноза о более высокой скорости роста доходов (заработка) женщин (примерно на 15%)? Свобода и право на самоопределение декларируются как идеалы феминистского движения. Свобода от чего? И для чего? Стремление достичь социального и политического равенства с мужчинами без учета существования расовых и классовых различий на практике превращает феминизм в европейских странах и в США в движение белых женщин, принадлежащих к среднему и высшему классу. Оно практически не затрагивает интересы женщин-наемных работниц и представительниц этнических меньшинств. Достижение равенства с мужчинами, которые не обладают социальной, политической и экономической властью, подвергаются эксплуатации, по мнению радикаль-

---

[44] *Хукс Б.* Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 237.

ных феминисток типа З.Айзенстайн, Ш.Бранч и С.Уэйер, не может быть признано освобождением и служить политической целью. В то же время еще в середине 1970-х годов среди феминисток было популярно мнение, согласно которому целью феминистского движения должны стать реформы, направленные на достижение социального равенства с мужчинами своего класса, но ни в коем случае не вызов существующему status-quo.

Распространяемое в СМИ представление о феминистках как о мужененавистницах, фиксирование внимания общественности почти исключительно на проблемах сексизма привели к тому, что очень многие политически активные женщины, разделяя полностью концепцию феминизма или солидаризируясь с этим движением по основным вопросам, стремятся избежать слова «феминистка». Вместо этого понятия «в разговорах используют выражение “эта буква Ф”. Создание новых названий, не имеющих отношения к организованной политической деятельности, дает многим женщинам готовое объяснение их нежеланию участвовать в феминистском движении и иллюстрирует некритическое принятие искаженных дефиниций феминизма вместо попыток дать ему новое определение».[45] Такая ситуация привела к тому, что многие сторонники феминизма рекомендуют при самоидентификации своего поведения или социальной роли вместо «я — феминистка» использовать конструкцию «я выступаю за феминизм». Подобная конструкция предполагает, что данный человек помимо поддержки феминизма может оказывать поддержку другим политическим движениям и идентифицировать себя с ними. «Феминизм – это не образ жизни и не готовая идентичность или роль, в которую можно войти».[46] Современный феминизм даже в теоретическом отношении крайне не однороден. Радикальные феминистки в равной степени отрицают и создание закрытой для мужчин контркультуры (как предлагаемой либеральными феминистками панацеи от всех бед для женщин), и готовность бороться за равные с мужчинами права без одновременного уничтожения иных типов социального, экономического и политического неравенства. По мнению радикальных феминисток, феминизм — это не социальная роль, не образ жизни, отрицающий значимость мужчин, а политическое движение, направленное на искоренение основанного на сексизме угнетения.

Еще больший раскол во взглядах феминисток на характер их движения был внесен в 1980-х годах сторонницами модернизма. По их мнению, феминистская активность должна быть критической или литера-

[45] Там же. С. 243.
[46] Там же. С. 248.

турной, но никак не собственно политической. Более того, были высказаны идеи о необходимости отказа от взаимодействия с существующими мужскими структурами (в том числе и политическими, властными) в пользу развития сепаратистского женского дискурса (создание «антисексистского словаря» было лишь одним из шагов на этом пути).

Описание собственных невзгод «слабой половины» человечества не тождественно критическому политическому сознанию. Если женщина фиксирует свое внимание только на «личной истории», индивидуальном опыте, то ни о каком политическом сознании и политической идентификации в принципе речи идти не может. Точно так же приверженность идеям феминизма отнюдь не означает, что человек не интересуется иными политическими проблемами. Политическая социализация в обществе ведет к тому, что люди начинают мыслить исключительно в категориях противопоставления, а готовность, например, бороться за личную свободу в духе либерализма и признание необходимости «сильного государства» начинают трактоваться как проявления кризисной или неполной политической идентичности.

В целом применительно к российской действительности вопрос о развитии женского политического движения вызывает большие сомнения по ряду причин. Женщины во всех властных структурах представлены слабо. Российских версий феминистских теорий практически не существует, а западные очень плохо подходят к анализу российской действительности. Женщины придерживаются стратегии «молчания», отсутствует практика публичной дискуссии по гендерным проблемам. А, как известно, молчание — признак отсутствия идентичности. Молчащие не существуют. Не имеющие имени (не называющие себя) не существуют. Как следствие, по большому счету, женщины в политике нет.

Кроме всего прочего, феминизм довольно часто воспринимается как борьба за «мужскую власть». Но в реальности задача не сводится к тому, чтобы женщина принимала роли и идентичности, которые ей в качестве готовых образцов предлагает патриархальная культура. Когда мы определяем что-то через отрицание сходства с другим объектом, определение это дается все же по аналогии, путем сравнения с хорошо известным нам явлением. «Требование равенства женщин с мужчинами, на основании их общечеловеческой идентичности, не является освободительным для женщин, а снова определяет их как “одинаковых” с мужчинами и подавляет возможность создания женской субъектности».[47] Эта тема была поднята С. де Бовуар еще в 1949 г. в работе «Вто-

[47] *Женщина* не существует. С. 30.

рой пол», где она указывала на искусственно сформированную в обществе идею о женственности, в соответствии с которой женщина всегда самоопределяется относительно мужчины и выделяется только как вторичный объект.

Наконец, чрезвычайно важно понимание специфики политических установок женщин хотя бы потому, что они составляют бóльшую часть населения и избирателей в современном обществе. Согласно классической политической теории женщины в политике более консервативны, чем мужчины, они в большей степени склонны поддерживать консервативные партии и голосовать за них (С. Липсет). Эта оценка наиболее справедлива для католических стран. Основными причинами подобных установок являются религиозность и незанятость на рынке труда, пребывание в роли домохозяйки. С ростом занятости женщин на производстве и частичной утратой религиозных представлений различия политических установок мужчин и женщин, по мнению американских исследователей, все более нивелируются.

Зарубежные исследования показывают, что более «левые» взгляды, чем у мужчин, имеют не только занятые на производстве женщины, но и студентки, безработные и пенсионерки. Роль политических установок женщин трудно переоценить. Например, по данным американских исследователей, победа Б. Клинтона «ковалась» женщинами, именно они «повторно внесли его» в Белый Дом. За Клинтона голосовало на 11% больше женщин, чем мужчин. Значительное число женщин-сенаторов в США было избрано благодаря женским голосам.

Почти во всех старнах посткоммунистического пространства партиям все более трудно становится занимать жесткую позицию по признаку «правые–левые» и они стремятся «закрепиться в центре», вместе с тем значительная часть населения не имеет устойчивых политических взглядов. Литовское издание «Baltic Surveys» периодически публикует данные опросов общественного мнения. По данным на август 1996 г. наиболее явное отличие характера политической идентификации мужчин и женщин заключалось в том, что последние с трудом могли определить свои политические взгляды. Также бóльшая доля женщин, чем мужчин, идентифицировала свои взгляды как центристские. Год спустя, в августе 1997 г., политическая идентификация литовских избирателей безотносительно к полу стала более «унифицированной». Значительная доля мужчин стала оценивать свои взгляды как центристские. Число мужчин, не способных обозначить свои политические установки, снизилось на 10% (с 29 до 19%). Самые заметные сдвиги в оценке своих политических взглядов с августа 1996 г. по август 1997 г. произошли у женщин. Почти наполовину уменьшилось количество женщин, не спо-

собных идентифицировать свои политические взгляды (с 38 до 20%). Одновременно резко возросла доля респонденток, оценивающих свои взгляды как центристские (с 26 до 36%). Несколько выросла доля женщин с правыми (с 27 до 31%) и левыми (с 8 до 12%) взглядами.[48]

Как свидетельствует даже этот частный пример, женщины в посткоммунистических странах склонны скорее к «умеренным», чем радикальным политическим взглядам. Можно долго призывать женщин отстаивать свои гражданские права, требовать от них более активно включаться в политическую жизнь и в управление государством, однако пока «цивилизованное общество» не перестанет относиться к женщинам как к «меньшинствам», пока проблема равенства не будет трактоваться только как формальная декларация, проблема их ролевого, статусного и политического самоопределения останется столь же острой и будет казаться практически не разрешимой.

* *
*

Итак, понятие «политическая идентичность» очень многопланово. Оно характеризует установку политического сознания отдельного индивида или социальной группы в отношении институтов власти, политических лидеров, актуальных вопросов, связанных с политическими проблемами (например, выбор пути развития общества, отношение к консолидации государств, оценка роли женщин в обществе, сохранение «чистоты» этносов и т.д.).

Формирование политической идентичности выступает составной частью социализации личности и проходит несколько стадий. Политическая идентификация представляет собой двусторонний процесс самоопределения личности относительно других социальных объектов посредством дихотомического деления на «своих» и «чужих».

В современном обществе, безотносительно к его режиму, политическая идентификация может становиться объектом манипуляций. Идеологическое пространство включает «несопряженные, несвязанные элементы — „плавающие означающие", сама идентичность которых „открыта" и предопределяется их сочленением в цепочки с другими элементами».[49] В результате любое социальное или политическое движение может быть ориентировано на самые разные идеологии и партии.

---

[48] *Politics* Towards Women and Women in Politics. P. 68–69.
[49] *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 93.

Например, экологическое движение, которое традиционно рассматривают как элемент формирования гражданского общества, может ориентироваться на социалистическую или консервативную идеологию, а то и просто быть проводником линии государственной власти. Феминистское движение может тяготеть к марксизму, либерализму или быть аполитичным, ориентирующимся на «культурную эмансипацию женщин».

Политическая идентичность непосредственно влияет на поведение людей, в первую очередь на электоральный выбор. Одновременно политическая идентификация выступает в роли своего рода «призмы», преломляющей оценку политических процессов. В обществе, переживающем период реформ, велика вероятность развития кризисного характера идентичности, что проявляется прежде всего в несоответствии идеологического, партийного и персонифицированного ее уровней при доминировании последнего, а также в формировании негативного способа самоопределения в политическом пространстве.

Это было характерно для российских граждан в 1990-х годах. Как показывают результаты эмпирических политических исследований, негативный способ политического самоопределения постепенно преодолевается.

Для посткоммунистических стран значимым объектом политической идентификации граждан выступает такая проблема, как наиболее вероятная и желательная модель будущего развития политического режима. Теоретически возможны три варианта событий: а) формирование формальной демократии, основным признаком которой выступают соревновательные выборы на основные посты исполнительной и законодательной власти; б) формирование демократического режима, соответствующего чертам теории полиархии Р. Даля;[50] в) установление автократического режима. Важным фактором, препятствующим установлению автократического режима, является то, что ни одна из политических сил (в том числе левых, прокоммунистических), реально не оказалась исключенной (во всяком случае, до 2002 г.) из политической жизни общества. Но в России после избрания президентом В. Путина взят курс на «выстраивание вертикали власти», и только крайне недальновидные люди могут не усмотреть реальных последствий воплощения в жизнь этой программы доминирования исполнительной власти, которая может привести к нарушению демократического принципа «сдержек и противовесов». Перераспределение руководства комитетами в Государственной Думе в начале апреля 2002 г. («тихая революция») также будет иметь своим последствием не только более резкую оппозиционность

[50] *Даль Р.* О демократии. М., 2000.

КПРФ, но и переориентацию избирателей на правоцентристские партии во время последующих выборов. Если в России будет изменен и порядок прихода к власти губернаторов (уже довольно долго обсуждается возможность их назначения президентом, а не избрания населением), это также крайне негативно скажется на продвижении российского общества по пути демократизации.

Еще одна проблема, значимая для демократизации общества и формирования политической идентичности граждан, — свобода и независимость СМИ. Как показывает беглый взгляд на характер телепрограмм, все телеканалы в той или иной степени ангажированы политическими «игроками», но государство (прежде всего исполнительная власть) стремится сделать управляемыми даже формально независимые телеканалы. Используется стандартный прием, когда до избирателей «доносят» через СМИ простую идею, построенную на противопоставлении «свой» – «чужой», согласно которой всякий враг «чужой», хотя не всякий «чужой» — враг. Поскольку используемые политиками обороты речи лучше всего фиксируют особенности (даже порой неосознаваемые) политической жизни, можно предположить, что в обществе будет сохраняться политическая поляризация, а сторонники другой политической партии будут восприниматься не просто как «другие», но почти исключительно как «враги».

На формирование политической идентичности граждан в России существенным образом влияет ностальгия по коммунизму (точнее, сожаление об утрате статуса «сверхдержавы», сильного государства, стремление у старшего и некоторых представителей среднего поколения к осознанию смысла жизни, потребность в психологической компенсации реальных или мнимых унижений и проигрышей России на международной арене). С. Хантингтон в середине 1990-х годов высказал идею о том, что ситуация, когда партии, подтолкнувшие страну к демократизации и пришедшие на этой волне к власти, а затем проигравшие выборы и вновь возвращающие себе власть, способствует становлению демократии. В России такой ситуации не было, в нашей стране происходила смена партий власти. Однако за исключением «Демократического выбора» Е. Гайдара, претендовавшего на статус партии власти в начале 1990-х годов, партии-лидеры (НДР в 1995 г., «Единство» в 1999 г.) в политическом спектре занимали позицию умеренно правоцентристскую. При этом КПРФ сохраняла стабильную поддержку одной пятой части электората.

Если у людей в целом проявляется чувство идентичности или группового членства (ощущение «мы»), эти группы представляют собой нечто большее, чем просто демографические совокупности. Стандарты

группы проявляются как нормы в политической жизни. Важны возрастные характеристики. Обычно наблюдается прямая зависимость между возрастом граждан и их преданностью партии. Молодые избиратели, как правило, менее преданные организациям, более открыты для господствующих политических настроений. Чем более длительный срок избиратели будут ощущать себя причастными определенной партии, тем более сильным будет их чувство привязанности данной организации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение…… 3

Г л а в а 1. Концептуальные основы изучения идентификации в социальной психологии и социологии …… 7

1.1. Понятия «идентификация» и «идентичность»…… —
1.2. Психологические теории идентичности личности……. 16
1.3. Методологические подходы к исследованию идентичности в социологии … 29

Г л а в а 2. Политическая идентичность…… 40

2.1. Идентичность в политических исследованиях…… —
2.2. Кризисная и негативная политическая идентичность…… 55
2.3. Функции политической идентификации …… 69
2.4. Индикаторы оценки политической идентичности…….. 77

Г л а в а 3. Факторы политической идентификации……. 90

3.1. Социальная стратификация…….. —
3.2. Политическая культура и социализация……. 102
3.3. Социальные процессы и политические институты…… 111
3.4. Роль символов в формировании политической идентичности……. 120

Г л а в а 4. Партийная идентификация и электоральное поведение (на примере исследований, проведенных в США) …… 124

4.1. Партийная идентификация при двухпартийной политической системе…….. —
4.2. Формирование партийной идентичности…… 135
4.3. Устойчивость и динамика партийной идентификации……..…. 142

Г л а в а 5. Политическая идентичность в современной России … 156

5.1. Кризисная идентичность: причины, признаки и виды……... —
5.2. Идентификационные стратегии российских лидеров…… 179
5.3. Политическая идентификация жителей Санкт-Петербурга…….. 193

Г л а в а 6. Политическая идентификация: вызовы времени……... 226

6.1. Объекты политической идентификации в условиях глобализации……..…… —
6.2. Политическая идентичность в постиндустриальном обществе…… 230
6.3. Гендерный аспект политической идентификации …… 240

Научное издание

Попова Ольга Валентиновна

Политическая идентификация
в условиях трансформации общества

Зав. редакцией *И. П. Комиссарова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Корректоры *И. А. Симкина, Г. М. Губина*
Компьютерная верстка *О. В. Поповой*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 18.06.2002. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 16,03. Тираж 500 экз. Заказ .
Издательство СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22
E-mail: books@dk2478.spb.edu
www.unipress.spb.ru

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.